

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

*Сборник статей по материалам
XXXII международной научно-практической конференции*

№ 12 (32)
Декабрь 2013 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2013

УДК 3
ББК 6/8
А 43

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренко.

Редакционная коллегия:

Гужавина Татьяна Анатольевна — канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и социальных технологий «Череповецкий государственный университет»;

Карпенко Татьяна Михайловна — канд. филос. наук, ст. преподаватель кафедры философии и социологии исторического факультета Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренко;

Купченко Константин Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры естественно-гуманитарных дисциплин Смоленского филиала Российского государственного торгово-экономического университета;

Прошин Денис Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры политологии и социально-гуманитарных наук Днепропетровского университета им. Альфреда Нобеля;

Соловенко Игорь Сергеевич — канд. ист. наук, доц. кафедры ЭиАСУ Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета;

Сорокин Александр Николаевич канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»; доцент кафедры социологии, психологии и права ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет».

А 43 Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам XXXII междунар. науч.-практ. конф. № 12 (32). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. 128 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление	
Секция 1. Политология	6
1.1. Политика в России	6
ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ЖЕНЩИН В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ ВЛАСТИ	6
Кудряшова Екатерина Викторовна Кулова Карина Науановна	
Секция 2. Социология	11
2.1. Социология управления	11
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ В ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: СОЦИАЛЬНО- ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АСПЕКТ	11
Рыцев Александр Иванович	
2.2. Социология личности	19
ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ К УСЛОВИЯМ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ НА РЕСОЦИАЛИЗАЦИЮ ПОДРОСТКОВ	19
Назарова Майя Алексеевна	
Секция 3. Философия	26
3.1. Социальная философия	26
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ОРИЕНТИРОВ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	26
Авдеев Евгений Александрович Бакланов Игорь Спартакович	
РОЛЬ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ	32
Бессарабов-Гончаров Михаил Владимирович	
3.2. История философии	38
ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА В ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ	38
Кириченко Евгений Викторович	

УЧЕНИЕ ФАРАБИ О ДИАЛЕКТИКЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ Тулаганова Мухайё Кутумбековна	43
3.3. Философские проблемы образования	49
ЛИЧНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК ГЛАВНОГО РЕТРАНСЛЯТОРА КУЛЬТУРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ Шаповал Галина Николаевна	49
3.4. Методика преподавания философии	55
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА Карпенко Татьяна Михайловна	55
Секция 4. История	66
4.1. История России	66
ОСОБЕННОСТИ ПРОТОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ МЕЛКОТОВАРНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ПРОИЗВОДСТВА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОФИЦИАЛЬНОЙ ГУБЕРНСКОЙ СТАТИСТИКИ) Морова Ольга Викторовна	66
РУССКИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АРХИЕРЕЙ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА (АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ АРХИЕПИСКОПА КУЙБЫШЕВСКОГО АЛЕКСИЯ (ПАЛИЦЫНА)) Подмарицын Алексей Геннадьевич	79
НАЧАЛО ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ Поляков Сергей Александрович	84
4.2. Всемирная история	89
РОЛЬ ИНЦИДЕНТА ВОКРУГ ИЗДАНИЯ ВОСПОМИНАНИЙ Д. ШУМУКА «ЗА СХИДНЫМ ОБРИЕМ» В РАЗРЫВЕ «СМОЛОСКИПА» И ОУН (М) Омельковец Александр Ярославович	89

ИСТОКИ ИСЛАМСКОГО ТЕРРОРИЗМА В ИНДИИ	96
Яковлев Александр Юрьевич	
Яковлев Пётр Юрьевич	
4.3. Документоведение, архивоведение	101
ИЗ ИСТОРИИ АРХИВНОГО ДЕЛА В РОССИИ: К 135-ЛЕТИЮ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ	101
Шамсутдинова Римма Габдархаковна	
4.4. Историография, источниковедение и специальные исторические дисциплины	121
ИДЕОЛОГИЯ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ- РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	121
Назаров Владилен Викторович	

СЕКЦИЯ 1.
ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ПОЛИТИКА В РОССИИ

**ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ЖЕНЩИН
В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ И ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ
ОРГАНАХ ВЛАСТИ**

Кудряшова Екатерина Викторовна

*канд. полит. наук,
доцент Астраханского государственного университета,
РФ, г. Астрахань
E-mail: eafanasova@mail.ru*

Кулова Карина Науановна

*студент Астраханского государственного университета,
РФ, г. Астрахань
E-mail: Crafty_HopE@mail.ru*

**WOMEN'S REPRESENTATION IN EXECUTIVE
AND LEGISLATIVE OFFICES**

Kudryashova Ekaterina

*candidate of Science of Astrakhan State University,
Russia, Astrakhan*

Kulova Karina

*student of Astrakhan State University,
Russia, Astrakhan*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается количество женщин в законодательной и исполнительной ветви власти. Автор статьи предоставляет информацию о количестве женщин в исполнительных и законодательных органах власти России и Астраханской области. В статье предпринимается попытка выявить детерминацию между ветвью власти и участием женщин в ней. Выработаны рекомендации, направленные на увеличение роли женщин в политике.

ABSTRACT

The article studies the proportion of women in both executive and legislative branches of power. The author provides the data about how many women are in executive and legislative offices of the Russian Federation and the same data in Astrakhan region. The aim of the article is to prove determination between the branch of power and women's proportion in it. The author elaborates the recommendations aimed at increasing of women's participation in policy.

Ключевые слова: политическая элита; участие женщин; законодательная и исполнительная ветвь власти; гендерная асимметрия.

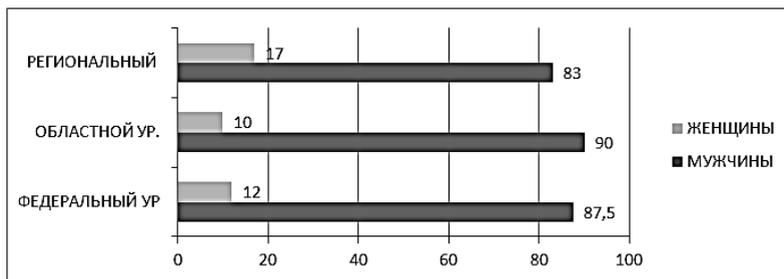
Keywords: political elite; women's participation; executive and legislative branches; gender asymmetry.

В последние годы женщины стали полноправным участником политического процесса, разворачивающегося как в региональной, так и федеральной власти. Поэтому считаем обоснованным исследовать гендерные характеристик политических акторов, сравнительный анализ лидеров обоего пола приобретает особую актуальность. Гендерные характеристики лидеров дают возможность выявить закономерности их поведения в значимых политических событиях, спрогнозировать последствия проводимой ими политики, реализовывать политические цели и задачи в более оптимальном ключе.

Особую значимость приобретает исследование процессов элитообразования в переходном обществе. Преобразования, станут ли они успешными для данного политического сообщества напрямую зависят от того как формируется элита, является ли она закрытой или новые члены легко могут стать частью элитной группировки. Тщательное изучение процессов трансформации российского политического режима невозможно без подробнейшего изучения основных векторов регионального процесса. Можно отметить, что региональные импульсы при всей их разнопланности, противоречивости асимметрии влияют на политическую ситуацию в масштабах всего государства.

Если взглянуть в сравнительной перспективе на представительство женщин во власти в нашей стране и в Астраханском регионе в целом, то мы увидим удручающую картину — характерной чертой структуры политико-административных элит является гендерная диспропорция, с доминирующим мужским представительством. Однако, смело можно говорить о том что представительство женщин в структуре политико-административной элит тем ярче, чем ниже уровень и значение элиты. То есть, сранивая законодательную ветвь в региональном и федеральном аспекте, смело можно сказать что намного больше женщин в законодательном органе области. При этом следует принять во внимание тот факт, что рассматривать количество и роль женщин в структуре региональной и политической элите лучше исходя из разделения властей: то есть рассматривать отдельно на уровне исполнительной и законодательной ветвей власти.

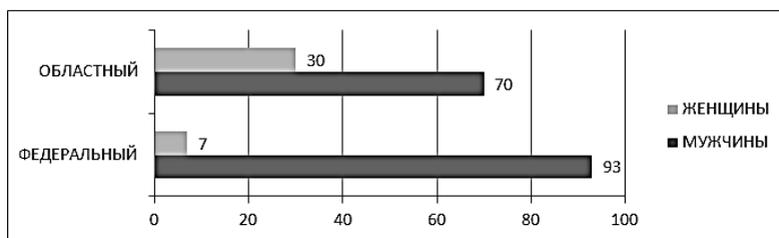
Необходимые для исследования статистические данные были получены эмпирическим путем. Эмпирической базой послужили статистические материалы, собранные автором путем анализа кадрового состава органов власти различного уровня (см. Рис. 1 и Рис. 2). Была проанализирована структура Правительства РФ [1], Правительства Астраханской области, а также Государственная Дума РФ [2], Дума АО [3], а также муниципальные органы власти (Городская дума).

Рисунок 1. Анализ гендерной симметрии законодательной ветви (%)

В ходе анализа отмечено небольшое увеличение числа женщин в органах законодательной власти федерального уровня, почти полное вымывание женщин из верхнего эшелона исполнительной власти — таковы гендерные итоги развития политико-административной элитной группы постсоветской России. Элита на федеральном же уровне характеризуется гораздо меньшей диспропорцией в гендерном плане по сравнению с аналогичным показателем регионального

уровня. Если представительство женщин ярче на федеральном уровне законодательной ветви власти, то результаты говорят совсем обратное об исполнительной ветви. Состав Министерства РФ состоит всего из 7 % женщин, тогда как аналогичный показатель для Министерства Астраханской области достигает 30 %. Но если рассматривать аналогичные показатели законодательной ветви, то они также подтверждают гипотезу о детерминации ветвей власти и политического участия женщин. Больше всего женщин представлено на самом низком региональном (городском) уровне — 17 %, хотя коэффициент женщин на федеральном и областном уровне составляет примерно одинаковый процент (12 % и 10 % соответственно), что также доказывает нашу теории о взаимозависимости уровня и ветви власти с женской представленностью в ней.

Рисунок 2. Анализ гендерной симметрии исполнительной ветви (%)

Формирование половых диспропорций политико-административных элит происходит под действием различных факторов. Основными из которых являются профессиональные установки, формирующиеся в процессе разной социализации женщин и мужчин. Также причиной вышеозначенной проблемы может являться традиционное распределение семейных ролей. Слияние этих факторов формирует практику назначения на лидирующие позиции по гендерному признаку. Используя такие границы выстраивается традиционная (патриархатная) иерархия власти. Самая распространенная гендерная модель «женщина-исполняет — мужчина-руководит» находит отражение в вечной дилемме: управляющая элита — подчиняющиеся управляемые.

Для преодоления указанной проблемы необходимы произвести коренные изменения: установить квотную политику и активно развивать политическую социализацию для женщин; предпринять специальные антидискриминационные превентивные меры, в дальнейшем создать учреждение специального ведомства, целью которого

будет осуществление соответствующего контроля; установить одинаковую ставку оплаты труда или ликвидировать гендерную сегрегацию на профессиональном рынке. Также считаем, что необходимым условием для разрешения кризиса в данном секторе является поднятие престижа изначально «женских» профессий. Необходимо разработать программы карьерной адаптации как для женщин, так и для мужчин, основой которой будет учет особенностей биологических функций; создать центры по подготовке женщин к участию в политической жизни страны.

Таким образом, существует определенная взаимосвязь между женским участием и уровнем и ветвью власти. Данный вывод должен помочь способствовать участию женщин в политической жизни страны, что в свою очередь должно привести к тому, что маскулинизированный тип поведения при принятии политических решений заменится другим — где приоритетом будет являться терпимость, взаимопонимание, ненасилие и согласие. И возможно установленная ранее оценка феминных качеств как неосновных и неважных наконец приобретет заслуженную ценность. Более активное участие женщин в политике и управлении обществом — это вопрос не только равноправия полов, но и более полного представительства.

Увеличение количества женщин на лидирующих постах принесет определенные изменения и улучшит структуру, традиции и климат данного общества.

Список литературы:

1. Материалы сайта [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://government.ru/> (по данным за октябрь 2013).
2. Материалы сайта [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.duma.gov.ru/> (по данным за октябрь 2013).
3. Материалы сайта [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://astroblдума.ru/> (по данным за октябрь 2013).
4. Никовская Л. Женщины в политике. Гендерное неравенство-серьезное препятствие на пути построения социального государства // Новая политика от 6.03.2009.

СЕКЦИЯ 2.
СОЦИОЛОГИЯ

2.1. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ
В ПРИНЯТИИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ:
СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АСПЕКТ**

Рыцев Александр Иванович

аспирант СГА, преподаватель,

ГБОУ СПО «Октябрьский нефтяной колледж им. С.И. Кувькина»,

РФ, г. Октябрьский

E-mail: alexir01@mail.ru

**ABOUT SOME PROBLEMS
IN MAKING MANAGERIAL DECISIONS:
A SOCIALLY ORIENTED ASPECT**

Aleksander Rytsev

postgraduate of Modern University for the Humanities, Teacher

of FSEI SPE "Oktyabrsky Oil Industry College named after S. Kuvykin",

Russia, Oktyabrsky

АННОТАЦИЯ

Статья рассматривает некоторые проблемы в принятии управленческих решений. Полученные результаты оцениваются с точки зрения социально-ориентированного аспекта.

ABSTRACT

The article briefly reviews some problems in making managerial decisions. The achieved results are evaluated from the point of view of a socially oriented aspect when making managerial decisions.

Ключевые слова: управленческие решения; социально-ориентированный аспект; инновации; человеческий ресурс.

Keywords: managerial decisions; socially oriented aspect; innovation; human resource.

Социально-ориентированная экономика является современной парадигмой цивилизованного развития.

В отечественной экономике формируется основное требование к системе управления предприятием — настроенности на актуализацию человеческих возможностей посредством задействования не только профессиональных свойств и качеств работника, но и включения творческой компоненты его личности. Управлять работниками старыми методами, видя в людях только исполнителей руководящей воли, не учитывая их уникальности, уже невозможно [1, с. 36].

Важно отметить, что сегодня во многих организациях централизованное управление постепенно уходит на второй план, в свою очередь, уступая место гибким формам управления. Одновременно с этим, приоритет отдается координации действий всех частей социальной системы, которая достигается за счет баланса на всех уровнях управления. С этой целью необходимо установление отношений социального партнерства между различными частями системы относительно распределения и применения властных полномочий.

Несомненно, что социально-ориентированное управление строится на институциональном закреплении принципов управленческого влияния, которые ориентируются на удовлетворение потребностей человека труда.

Рассматриваемый подход в целом отражает взаимосвязь результативности труда и социальных преобразований, социальной защите работников и производственной демократии, соучастия работников в управлении предприятием вместе с администрацией, меры по развитию социальной инфраструктуры.

При этом социально-ориентированное управление позволяет наиболее полно удовлетворить интересы и потребности работников с учетом раскрытия их социального потенциала. В то же время социально-ориентированное управление позволяет отразить процессуальные связи, охарактеризовать отношения по поводу реализации совместной деятельности определить проблемы корпоративного управления, обеспечивающего качество менеджмента [3, с. 238].

В свою очередь, управленческое влияние в организации осуществляется путем развития человеческих ресурсов, трудовую адаптацию и мотивацию, социальную защиту, участие персонала

в управлении, корпоративную культуру, социальную ответственность бизнеса.

Персонал является важнейшей функциональной подсистемой предприятия и представляет собой ценный ресурс инновационного развития [2, с. 74].

Таким образом, уровень «социальности» организации будет определяться тем, как полно реализуется потребности и интересы персонала, на сколько полно он включен в управленческую деятельность.

В свою очередь, управленческое влияние в социально-ориентированном аспекте понимается нами с точки зрения целенаправленной деятельности, включающий в себя комплекс мероприятий, призванных организовывать деятельность трудового коллектива в рамках решения взаимосвязанных целей и задач.

Как нам видится, актуальность социально-ориентированной модели в первую очередь обусловлена приоритетностью творческого труда, являющегося главным компонентом и импульсом инновационной системы.

В то же время, предполагаемый подход позволяет рассмотреть управленческое влияние через управленческие решения как целостное образование, которое создается для упорядочивания и координации механизмов, способствующих выполнению задач организации.

Несомненно, что уровень разработки вопросов социально-ориентированного управления в России ниже, чем развитых государствах Запада.

Противоречия между традиционным производством и необходимостью в инновационном развитии особенно обостряются при переходе к рыночной экономике. Это обстоятельство требует перестройки всей системы управления персоналом и отношений к человеческому ресурсу [2, с. 75].

Ввиду этого становится очевидным, что социально-ориентированное управление является адекватным ответом на вызовы, которые предъявляет сегодня Россия.

Необходимо отметить, что в современных условиях проблема принятия эффективных управленческих решений занимает одно из центральных мест и многие социологи и специалисты по теории управления, начиная с М. Вебера, связывают её деятельность в первую очередь с подготовкой и реализацией управленческих решений. Интерес социологов к этой проблеме вызван тем, что в решениях фиксируется совокупность отношений, которая возникает в процессе деятельности и управления организацией.

Управленческие решения всегда связаны с изменениями в организации, их инициатором обычно выступает должностное лицо или соответствующий орган, несущий полную ответственность за последствия контролируемых или реализуемых решений.

Согласно проведенного он-лайн анкетирования в 2011 году Центром социальных и психологических исследований ВШМБ РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации при участии консалтинговой компании ATG-CNT среди руководителей российских компаний [4, с. 3] 66 % респондентов нуждаются в управленческих инновациях. Ценностными ориентирами и предпочтениями руководителей являются — умение не доставлять проблему руководству (45 %), креативность (15 %), ум и эрудиция (18 %), открытость новому (13 %) и принципиальность (8 %).

Кроме этого личностные ценности многих руководителей противоречат инновационному развитию в области управления. В частности, ценится послушание и исполнительность персонала (36 %), умение не доставлять хлопот руководству (45 %), непритязательность персонала (14 %). Для большинства руководителей высшего звена не важна принципиальность (8 %) и честность (только 25 %) [4, с. 6].

Таким образом, ситуация в организациях в основном не удовлетворяет требованиям социально-ориентированного управления.

В то же время, на наш взгляд не всегда наблюдается именно та реальность в организации, которая декларируется ею.

Важно отметить, что социально-ориентированный аспект в принятии управленческих решений следует рассматривать с позиции инноваций. Необходимо признать, что не хватает руководителей, которые способны внедрять инновации, а также их генерировать.

Обратим внимание на то, что происходит сопротивление и непонимание различных субъектов управления. Как нам видится, основным фактором здесь выступают дополнительные издержки, а также менталитет.

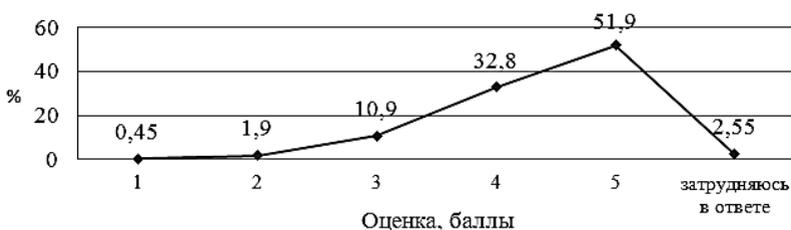
Бесспорным стало утверждение, что развитие предприятия основано на использовании инноваций. Анализ опыта введения изменений в организациях позволяет выявить определенные трудности, с которыми сталкиваются организации. Большинство трудностей связано с низкой готовностью сотрудников инициировать изменения, работать по новым технологиям и отходить от устоявшихся практик, традиций взаимодействия.

На крупных предприятиях реализуемые изменения часто отторгаются.

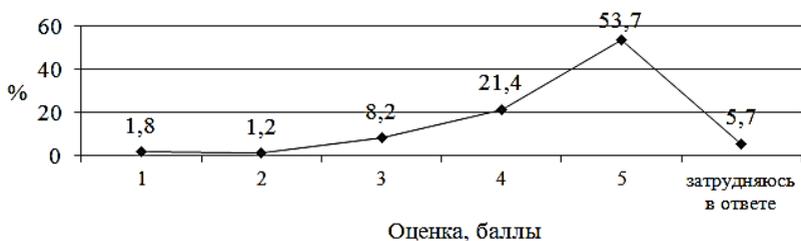
В российской практике управления для предприятий крупного сектора экономики характерно значительное старение кадрового состава [1, с. 38—39].

Согласно проведенного исследования методом анкетирования в ГБОУ СПО «Октябрьский нефтяной колледж им. С.И. Кувыкина» относительно удовлетворенности характером будущей профессии, а также реального восприятия было установлено, что ожидания и восприятия не совпадают.

В ходе исследования респонденты отвечали на вопросы относительно удовлетворенности характером будущей профессии с позиции принятия управленческих решений. В качестве респондентов выступали 511 студентов очного отделения. Оценка выполнялась по пятибалльной системе. Было предложено 23 критерия, на основании которого рассматривается социально-ориентированный аспект принятия управленческих решений, среди которых выделяются такие как: характер труда, этика руководителя, привлечение к принятию управленческих решений, моральные поощрения, отношение руководства к трудовому коллективу, морально-психологический климат в коллективе и другие. Исследования выполнялись дважды, соответственно за 2012—2013 и 2013—2014 учебный год и суммарная оценка по всем этим критериям отображена на рис. 1, 2.

Рисунок 1. Оценка степени удовлетворенности характером будущей трудовой деятельности по результатам анкетирования среди студентов очного отделения ГБОУ СПО «Октябрьский нефтяной колледж им. С.И. Кувыкина» за 2012—2013 учебный год

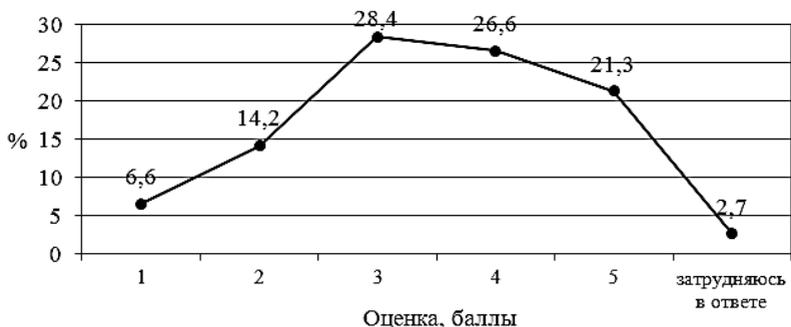
Рисунок 2. Оценка степени удовлетворенности характером будущей трудовой деятельности по результатам анкетирования среди студентов ГБОУ СПО «Октябрьский нефтяной колледж им. С.И. Кувыкина» за 2013—2014 учебный год

Сравнение оценок позволяет отметить, что имеется устойчивая динамика (рис. 3).

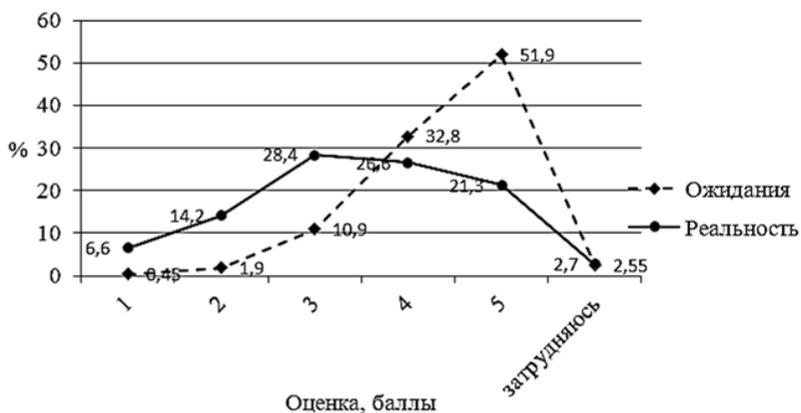
Рисунок 3. Динамика степени удовлетворенности характером будущей трудовой деятельности (-- 2012—2013 учебный год; — 2013—2014 учебный год соответственно)

Аналогичное анкетирование было выполнено среди производственников, являющихся студентами заочного отделения за 2012—2013 учебный год. Исследованием было охвачено 120 респондентов. Результаты анкетирования отражают восприятие, т. е. реальную оценку показателей социально-ориентированного аспекта в принятии управленческих решений.

Рисунок 4. Оценка степени удовлетворенности характером трудовой деятельности по результатам анкетирования среди производителей (студентов заочного отделения ГБОУ «Октябрьский нефтяной колледж им. С.И. Кувыкина») за 2012—2013 учебный год

Сравнение ожидания и восприятия показало, что имеет место значительное несовпадение (рис. 5). Вместе с тем, восприятия в большей степени оцениваются как удовлетворительные, т. е. оценка — 3. В свою очередь, ожидания с оценкой 5 различаются от реального восприятия более чем в 2 раза, соответственно 51,9 % и 21,3 %.

Рисунок 5. Сравнение оценок ожидания и восприятия показателей социально-ориентированного аспекта принятия управленческих решений

Таким образом, анализ отечественного опыта показывает, что имеются проблемы в социально-ориентированном управлении.

Социально-ориентированный аспект в принятии управленческих решений следует в первую очередь рассматривать в контексте инноваций в управлении организацией.

Вместе с тем, исследования позволяют оценить текущее положение в принятии управленческих решений с позиции социального аспекта и обосновать необходимость введения изменений в практику работы в организации в этом контексте.

Список литературы:

1. Борисова А.А. Служба управление персоналом в обеспечении развития предприятия /А.А. Борисова // Материалы I Всероссийской заочной научно-практической конференции «Социально-ориентированное управление в условиях глобализации». М.: Изд-во РУДН, 2012, — с. 35—42.
2. Дырнина Е.Н. Развитие социальных инноваций в организации /Е.Н. Дырнина // Материалы I Всероссийской заочной научно-практической конференции «Социально-ориентированное управление в условиях глобализации». М.: Изд-во РУДН, 2012, — с. 74—78.
3. Орлов И. Государство социального гуманизма: от социальной экономики к экономической социальности //Общество и экономика. — 2007. — № 11—12. — С. 238—250.
4. Яхонтова Е. Инновационные ценности руководителей в экономике знаний. Экономика и жизнь. — № 27 (9393), июль 2011. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http: // www.eg-online.ru/ article/138975/](http://www.eg-online.ru/article/138975/) (дата обращения 25/11/13).

2.2. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ К УСЛОВИЯМ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ НА РЕСОЦИАЛИЗАЦИЮ ПОДРОСТКОВ

Назарова Майя Алексеевна

*аспирант кафедры социологии и психологии управления
Орловского филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы,
РФ, г. Орел
E-mail: mayanazarova@mail.ru*

EFFECTS OF SOCIAL ADAPTATION OF MINORS CONVICTED OF TERMS FOR EDUCATIONAL COLONY RESOCIALIZATION TEENAGERS

Maya Nazarova

*graduate student of sociology and psychology of management Orel branch
of the Russian Academy of National Economy and Public Administration,
Russia, Orel*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены вопросы социальной адаптации несовершеннолетних осужденных в условиях воспитательной колонии. Выделены особенности отбывания наказания, особенности влияния процесса социальной адаптации несовершеннолетних осужденных на процесс ресоциализации. Приведены результаты социологического исследования, определены пути оптимизации, которые могут составить основу для формирования программы социальной адаптации несовершеннолетних осужденных к условиям воспитательной колонии.

ABSTRACT

The article discusses the social adaptation of juvenile offenders under correctional colony. The features of punishment, especially the contribution of the social adaptation of juvenile offenders on the process of resocialization. The results of the survey defined path optimization, which can be the basis for programs of social adaptation to the conditions of juvenile offenders juvenile correctional facility.

Ключевые слова: личность осужденного; социальная адаптация осужденного; воспитательная колония; пути оптимизации социальной адаптации, ресоциализация.

Keywords: convict's personality; social adaptation convicted; educational colony ways to optimize social adaptation; resocialization.

В последние годы в России возросла численность подростков, для которых цель жизни сводится к достижению материального благополучия любой ценой, к наживе любыми способами. Труд и учеба утратили общественную ценность и значимость, стали носить прагматический характер — больше получать благ, привилегий и меньше работать и учиться. Такая позиция подростков приобретает все более открытые и воинствующие формы, порождая новую волну потребительства, часто провоцирующую поведенческие девиации.

Для многих подростков характерна ориентация на личное материальное благополучие, на действие по его обеспечению, на жизнь по принципу «как хочется», на самоутверждение любой ценой и любыми средствами. В этих случаях ими руководит не корысть и стремление удовлетворить свои потребности преступным путем, а привлекает сам процесс совершения преступления.

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р, предполагает развитие социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными в направлении обеспечения ресоциализации осужденных, освоения ими основных социальных функций как необходимого условия исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения.

В рамках реализации концепции в уголовно-исполнительной системе большое место уделяется социальной адаптации несовершеннолетних осужденных, освобожденных из мест лишения свободы к условиям жизни на свободе. В то время как не менее важной по значимости является проблема социальной адаптации несовершеннолетних осужденных к условиям воспитательной колонии.

От успешности социальной адаптации несовершеннолетних осужденных к условиям воспитательной колонии зависит как процесс ресоциализации несовершеннолетних осужденных в стенах воспитательной колонии, так и процесс социальной адаптации к условиям жизни на свободе.

Несовершеннолетние осужденные, попадают в совершенно новые для них условия социальной сферы, характеризующиеся повышенной опасностью для физического и психологического здоровья, утратой положительных связей и социального статуса, отчуждения и стигматизации. Вместе с тем, подростки достаточно быстро (в течение двух-четырех недель) адаптируются к условиям воспитательной колонии, попадая в криминальную среду подростков, одновременно не осознавая смысла отбывания наказания в воспитательной колонии. Процесс исправления становится бессмысленным.

В деятельности воспитательных колоний недостаточно полно определена система факторов, способствующих эффективности социальной адаптации к условиям воспитательной колонии, влияющей на положительную динамику развития связи «ресоциализация» — «подготовка к освобождению» — «освобождение».

Анализ практики проведения ресоциализирующих мероприятий с несовершеннолетними осужденными, прошедшими через систему воспитательных колоний показывает, что исправление правонарушителя возможно не только в результате самого факта отбывания наказания, но и посредством повышения эффективности целенаправленного воздействия на личность подростка в самом воспитательном учреждении. Поэтому в условиях роста подростковой преступности, которая может привести в будущем к взрослой преступности, необходимость социологического осмысления процесса социальной адаптации несовершеннолетних осужденных, оказавшихся в условиях воспитательной колонии, приобретает особую значимость.

Несовершеннолетнему осужденному, по крайней мере, трижды приходится переживать весьма сложные адаптивные ситуации, каждый раз заново приспособляясь:

1. к требованиям режима отбывания наказания, к условиям труда, среде осужденных, жизни и быту в исправительных учреждениях (карантинный период),
2. при изменении условий отбывания наказания (например, перевод из воспитательной колонии в исправительную колонию) — к новым условиям труда и быта, требованиям режима, правилам внутреннего распорядка и т. п.,
3. в связи с освобождением из исправительного учреждения — к условиям жизни на свободе, жизни в семье и т. п.

Особенно ответственной является фаза первоначальной адаптации вновь прибывшего осужденного, когда он сталкивается с многочисленными трудностями, новыми требованиями к его поведению. Сумеет ли он адаптироваться к особым условиям, найдет ли друзей, как отнесутся к нему воспитатели, какую работу ему поручат на производстве в исправительном учреждении — все эти вопросы требуют от осужденных немедленного ответа, вызывают состояние тревоги, снижают настроение, нарушают сон.

Главными компонентами социальной адаптации несовершеннолетних осужденных к условиям воспитательной колонии являются новая социальная среда, новый коллектив, новая система учебных отношений и новая социальная роль, которые могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на процесс приспособления подростка.

Отбывание наказания в виде лишения свободы является одним из тех стрессовых факторов, которое оказывает лишение свободы не только на процесс отбывания наказания, но и на всю последующую жизнь. В условиях лишения свободы, в изоляции от общества, личность осужденного подростка претерпевает значительные изменения, в результате которых наибольшую значимость для него приобретают ценности, обеспечивающие индивидуальное, как бы внесоциальное существование, а ценности, отображающие деятельностную и социальную сущность человека, уходят на второй план. Осужденный по окончании срока наказания, попадает в общество, законы которого он должен соблюдать, но не всегда в состоянии им следовать, так как у него затруднена социальная адаптация. При этом от уровня социальной адаптации несовершеннолетнего осужденного зависит эффективность процесса ресоциализации. На сегодняшний день ресоциализация определяет основные направления деятельности исправительных учреждений. Она предполагает усвоение элементарных норм, ценностей, знаний, необходимых и достаточных для того, чтобы быть включенными в жизнь общества.

Для решения проблемы социальной адаптации несовершеннолетних осужденных к условиям воспитательной колонии необходимо:
во-первых, дальнейшая теоретическая разработка процесса социальной адаптации в среде воспитательной колонии как основы к реализации процесса ресоциализации несовершеннолетних осужденных;

во-вторых, выявление факторов социальной среды исправительного учреждения, препятствующих социальной адаптации несовершеннолетних осужденных к условиям воспитательной колонии;

в-третьих, выявление путей оптимизации процесса социальной адаптации несовершеннолетних осужденных к условиям воспитательной колонии.

Проведенное в 2011 году на базе ФКУ Шаховская ВК УФСИН России по Орловской области двухэтапное анкетирование «Социальная адаптация несовершеннолетних осужденных к условиям воспитательной колонии» (при поступлении в карантинное отделение и после карантинного отделения с разницей в 2 недели) позволило сделать следующие выводы:

1. причинами совершения преступлений несовершеннолетними являются пьянство, воровство, хулиганство, наркомания;
2. выход из трудной сложившейся ситуации подростки видят в проявлении пассивности, употреблении алкоголя;
3. конфликтность в семье объясняется тяжелым материальным положением, отсутствием интереса родителей к детям;
4. факторами скорейшего привыкания к условиям воспитательной колонии являются поддержка связей с родственниками, снижение уровня стресса;
5. большинство несовершеннолетних осужденных считают, что воспитательная колония может изменить подростков в лучшую сторону.

В ходе исследования было выяснено отношение несовершеннолетних осужденных к социальной адаптации к условиям воспитательной колонии. На наш взгляд, знание подростками адаптационных ресурсов позволит подросткам уметь адаптироваться в сложных жизненных ситуациях.

Ввиду важности мнения осужденных по этому вопросу, приведем анализ ответов на него как при опросе до карантинного отделения, так и после карантинного отделения (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Степень заинтересованности несовершеннолетних осужденных в социальной адаптации к условиям воспитательной колонии, %

Опрос	Степень заинтересованности				
	Нет, не интересуется	Скорее не интересуется, чем интересуется	Трудно сказать	Скорее интересуется, чем не интересуется	Да, интересуется
до карантина	25,7	7,7	35,9	5,1	25,6
после карантина	18,0	5,1	38,5	5,1	33,3

Как видно из анализа данного вопроса, за две недели, прошедшие между опросами, число несовершеннолетних осужденных, заинтересовавшихся социальной адаптацией к условиям воспитательной колонии, возросло.

Уровень социальной адаптации подростков в условиях воспитательной колонии во многом определяет и срок лишения свободы, который назначается осужденным в зависимости от тяжести совершенного преступления. В таблице 2 представлены данные о сроках отбывания наказания несовершеннолетних осужденных.

Таблица 2.

Сроки отбывания наказания осужденных несовершеннолетних, данные опроса после карантина, %

Возраст респондентов, лет	Срок отбывания наказания				
	До года	От года до двух лет	От двух до трех лет	От трех до четырех лет	Свыше четырех лет
14—16	11,8	29,4	23,5	11,8	23,5
17—18	9,1	18,2	31,8	22,7	18,2
Итого	10,3	23,1	28,2	17,9	20,5

Из анализа следует, что на срок до года осуждено всего около 10 % несовершеннолетних осужденных, остальные подростки отбывают наказание в воспитательной колонии от года и дольше, причем одна пятая осужденных — более четырех лет, что, несомненно, для столь молодых ребят очень существенно. Немаловажным фактом является то, что, около 30 % подростков были уже ранее условно осуждены, т. е. это у них уже не первая судимость.

На наш взгляд, от срока отбывания наказания зависит и дифференцированный подход к выбору методов социальной адаптации несовершеннолетнего осужденного к условиям воспитательной колонии. Подросткам, осужденным к лишению свободы со сроком до одного года зачастую некогда адаптироваться к условиям воспитательной колонии, учиться, получать профессии и т. д. Адаптация таких подростков фактически переходит сразу к 3 этапу адаптации — подготовке к освобождению из мест лишения свободы.

В ходе анализа полученных данных по проведенному социологическому исследованию наиболее существенными факторами, влияющими на социальную адаптацию несовершеннолетних осужденных к условиям воспитательной колонии, являются разрыв прежних межличностных связей и отношений; срок отбывания наказания.

Изучив и обобщив деятельность учреждений и теории ведущих социологов в сфере социальной адаптации несовершеннолетних осужденных, выделены следующие направления, которые могут включаться при подготовке подростков к отбыванию наказания в воспитательной колонии и оказывать положительное воздействие на процесс ресоциализации подростков: создание благоприятных условий жизнедеятельности, организация образовательного пространства, реализация процесса социального воспитания, осуществление профессиональной подготовки, совершенствование оздоровительной работы, создание здоровьесберегающих условий, укрепление связи с семьей, обеспечение дополнительного образования. Анализ современных исследований и практики работы позволили наметить пути оптимизации, которые могут составить основу для формирования программы социальной адаптации несовершеннолетних осужденных к условиям воспитательной колонии с включением мероприятий, направленных на усиление связи с родственниками и снижение уровня стресса в воспитательной колонии. В их числе:

- определение методов социальной адаптации несовершеннолетних осужденных к условиям отбывания наказания в зависимости от срока отбывания наказания;
- дифференцированный выбор программы социальной адаптации к условиям воспитательной колонии, применяемый к трем категориям несовершеннолетних осужденных:
  1. несовершеннолетние осужденные, ранее привлекаемые к уголовной ответственности,
  2. несовершеннолетние осужденные, ранее не привлекаемые к уголовной ответственности,
  3. несовершеннолетние осужденные, которые по достижению возраста 19 лет перейдут для дальнейшего отбывания наказания из воспитательной колонии в исправительную колонию общего режима;
- развитие новых форм и технологий деятельности исправительных учреждений по социальной адаптации и сопровождению несовершеннолетних осужденных в период отбывания наказания;
- обеспечение психолого-педагогического сопровождения и социально-правовой поддержки несовершеннолетних осужденных и близких родственников;
- повышение квалификации специалистов, занимающихся социальной адаптацией несовершеннолетних осужденных;
- информационная поддержка программы социальной адаптации несовершеннолетних осужденных к условиям воспитательной колонии.

СЕКЦИЯ 3.
ФИЛОСОФИЯ

3.1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ:
ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ОРИЕНТИРОВ ЛИЧНОСТИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Авдеев Евгений Александрович

*студент Северо-Кавказского федерального университета,
РФ, г. Ставрополь
E-mail: evg.avdeev@mail.ru*

Бакланов Игорь Спартакевич

*д-р филос. наук, профессор кафедры философии СКФУ,
РФ, г. Ставрополь
E-mail: baklanov72@mail.ru*

**SOCIOCULTURAL IDENTITY:
FORMATION OF SOCIAL AND CULTURAL GUIDING
LINES PERSONALITY IN CONTEXT
OF GLOBALIZATION**

Avdeev Evgenii Aleksandrovich

*student of North Caucasus Federal University,
Russia, Stavropol*

Baklanov Igor Spartakovich

*doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy NCFU,
Russia, Stavropol*

АННОТАЦИЯ

В статье речь идет о глобализации и связанных с ней социальных изменениях в культурном, экономическом и политическом аспектах. Рассматривается динамика социокультурных ориентиров личности в контексте глобализационных процессов.

ABSTRACT

The article deals with globalization and related social changes in the cultural, economic and political aspects. The dynamics of social and cultural guiding lines of personality in the context globalization processes.

Ключевые слова: глобализация; культура; цивилизация; личность; идентичность; социокультурная идентичность.

Keywords: globalization; culture; civilization; personality; identity; sociocultural identity.

Глобализационные процессы, и связанные с ними культурно-цивилизационные изменения, происходящие в современном мире, безусловно, оказывают влияние на все сферы социальной жизни. Глобализация рассматривается, прежде всего, в трех основных аспектах: экономическом, культурном и политическом и характеризуется двумя разнонаправленными и, в то же время, взаимосвязанными тенденциями: интеграции и дифференциации (процессы регионализации и глокализации), попеременно сменяющих друг друга и влияющих на качественное состояние и структуру общества. Глобальные социокультурные процессы таким образом, «направлены либо на интеграцию, либо — на дифференциацию, представляя собой или культуросинтезирующие, или культууроотличительные тенденции, ускоряющиеся и все чаще сменяющие друг друга с нарастающим темпом процессов глобализации» [4, с. 396]. Следует заметить, что, по мнению ряда исследователей, в частности С.Л. Бурмистрова, культурный аспект глобализации является основополагающим, т. к. в процессе межкультурной коммуникации становится возможным развитие глобальной политики и экономики [3, с. 239]. В книге английского социолога Роланда Робертсона (“Globalization: Social Theory and Global Culture”) был введен термин «глокализация», описывающий одновременно существующее сегодня сочетание локальности, возрастание роли национальных культурных традиций, и стирания существовавших прежде пространственных и культурных границ. Таким образом, складывающееся на сегодняшний день мультикультурное пространство характеризуется, прежде всего,

потерей целостности «оно распадается на множество искусственно созданных, одномоментных смысловых кодов [7, с. 46]»

Глобализация, как и любой процесс, протекающий в социальной сфере, не только изменяет качество и структуру социальных общностей в целом, но и отражается на мировоззрении и культурных ориентирах отдельной личности, являющейся субъектом и вместе с тем продуктом социальных отношений. Таким образом, понятие «личность» обозначает, прежде всего, соединение в человеке индивидуального и социального — выполняемые им социальные функции и социальные роли. Социальная деятельность личности возможна только при условии принятия определенных культурных ценностей и социальных установок, разделяемых той или иной социальной общностью. Таким образом, в данном контексте, идентификация личности представляет собой осознание ею своего единства с той или иной социальной общностью, принятия доминирующих в нем культурных ценностей. Социокультурная идентичность личности приводит одновременно к социальной интеграции и дезинтеграции на основе культурных различий, что находит отражение в рамках цивилизационного подхода.

Личность, как субъект социальных отношений, становится участником глобализационных процессов и как продукт социальных отношений испытывает на себе их влияние, заключающееся в том, что у людей «появляется не только новое мировоззрение, новое видение мира, новое понимание своего места в мире, но и целая новая система онтологических, гносеологических и аксиологических ориентиров» [6, с. 8].

Говоря об идентификации — процессе смены и приобретения идентичностей — представляется целесообразным рассмотреть категорию «идентичность» в современном социально-гуманитарном знании. Термин «идентичность» подразумевает прежде всего идею тождества (неотличимости объектов друг от друга по ряду признаков), преемственности «индивидуального и коллективного субъекта и его сознания и самосознания» [4, с. 397], соотнесенность субъекта с самим собой в связности и непрерывности собственной изменчивости [1]. Осознание той или иной социальной группой своего единства и различий с представителями иных социальных групп образует коллективную идентичность, складывающуюся из цивилизационной, социокультурной, этнической и других форм идентичности [2, с. 142]. Достижение той или иной степени социального согласия, достижения определенных социальных целей, таким образом, возможно только при наличии тех или иных форм коллективной идентичности.

Коллективная идентичность применительно к индивиду предполагает, во-первых, осознания принадлежности (непринадлежности) к значимой для индивида социальной общности, благодаря чему становится возможным обозначение индивидом своей субъектности, во-вторых — принятие индивидом определенной совокупности социальных практик и культурных черт, присущих той или иной социальной общности. Таким образом, мировоззрение, социокультурные ориентиры личности напрямую связаны с происходящими в современном обществе глобализационными процессами.

Глобализация может быть рассмотрена одновременно как объективный и как субъективный процесс. Объективность глобализации, в отличие от субъективности, предполагающей целенаправленную интеграционную деятельность, обусловлена, прежде всего, динамикой социально-экономического развития, появлением и развитием электронных коммуникативных комплексов, что обуславливает процессы экономической, политической и культурной интеграции, протекающих помимо воли самих социальных субъектов. Таким образом, личность является одновременно субъектом и объектом глобализации, глобализационные процессы становятся вызовами, как отдельным индивидам, так и социальным общностям, культурам и цивилизациям.

Глобализационные процессы в рамках теории «вызова» и «ответа» были рассмотрены Питером Бергером. В рамках данного подхода «вызов» исходит из глобальной культуры (по своему происхождению — прежде всего западной, американской) и распространяется во всем остальном мире как на уровне элит, так и на уровне широких масс. Ответом со стороны общества является соответственно «принятие» или «отрицание», возможны так же промежуточные состояния, такие как «синтез» и «сосуществование» [5, с. 10—15]. Цивилизация по определению французского историка Фернана Броделя является «собранием культурных характеристик и феноменов» и определяется, таким образом, культурой. Новые смыслы, приданные понятию «цивилизация» отрицают старую концепцию противопоставления культуры и цивилизации. В книге С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций» представлена новая система межцивилизационных отношений. Согласно концепции Хантингтона мир «после холодной войны» основывается на цивилизациях. Сотрудничество будет продуктивным только между обществами находящимися в рамках одного цивилизационного пространства, обладающими сходной культурой. Таким образом, на первое место выходит регионализация —

группировка государств вокруг ведущих «стержневых» стран той или иной цивилизации. Культурная идентификация для большинства людей, таким образом, становится наиболее существенной, существенным становятся «флаги, как и другие символы культурной идентификации, включая кресты, полумесяцы и даже головные уборы, потому что имеет значение культура» [8, с. 14]. Согласно Хантингтону причины конфликтов, протекающих в основном по линиям «разлома» между цивилизациями следует искать, прежде всего, в различном мировоззрении людей, относящимся к различным культурам.

Таким образом, существующие на сегодняшний день культурно-цивилизационные общности формируют определенные, доминирующие в том или иной культурном пространстве типы личности. Соответственно и реакция «ответ» того или иного культурного сообщества на «вызовы» глобализации будет различной и складываться из отношения различных культур к универсальной западной глобальной культуре. При рассмотрении влияния глобализации на дальнейшее развитие современного общества на первый план следует вынести изменения в мировоззрении личности, обусловленные глобализационными процессами в сфере экономики, политики и культуры. Следует так же рассмотреть развитие систем глобальных коммуникаций. Процесс «технизации», создание и развитие электронных систем коммуникации — является одной из основных характеристик глобализации. Современные средства массовой информации превращают мир в то, что Маршалл Маклюэн назвал «глобальной деревней». Средства массовой информации транслируют остальному миру, прежде всего, образцы западной, потребительской культуры. Можно говорить о формировании новых социальных измерений, таких как киберпространство, в рамках существующего общественного пространства, расширении семиосферы как пространства знаков и смыслов. Применительно к личности это означает формирование новых универсальных, прежде всего экономических ориентиров, присущих современному обществу потребления.

Глобализация в области политики подразумевает, прежде всего, популяризацию и распространения западных демократических «либеральных» ценностей. Последствия политической глобализации так же нельзя назвать однозначными. В первой половине XX века запад был безусловным лидером в области экономического развития, что позволяло говорить о западной политико-экономической системе как о единственной, способной привести к стабильному экономическому росту и процветанию. Увеличение экономической мощи

и политического влияния других регионов мира, прежде всего Восточной Азии, доказали возможность успешного экономического развития, основанного скорее на синтезе западных политико-экономических стандартов и традиционных культурных ценностей. В современном мире привлекательность западных «либеральных» ценностей далеко не однозначна. Существует тенденция неприятия вестернизации и, соответственно, западных ценностей, что способствует в некоторых случаях формированию радикальных и экстремистских настроений личности.

Роль экономической глобализации в жизни современного общества все более и более возрастает. Развитие деловых коммуникаций, экономического сотрудничества, увеличение влияния транснациональных корпораций приводит к распространению западной деловой культуры, прежде всего, среди транснациональной элиты и образованного городского населения, так называемого «яппи-интернационала». Однако, далеко не всегда корректно утверждение о безусловном принятии западных культурных стандартов, для многих характерно существование одновременно в двух различных мирах: сопричастность к глобальной деловой культуре и, в то же время, руководство в личной жизни совершенно иными культурными ценностями. Устойчивой тенденцией может быть назван рост потребительских настроений личности во всех странах. В принятии «потребительских» стандартов и идеологии, безусловно, заключается угроза уникальности формирования личности.

На сегодняшний день логика развития глобализационных процессов включает в себе одновременно интегративные и дезинтегративные тенденции. Степень влияния глобализации на личность, на данном этапе, вероятно, меньше влияния определенных культурно-цивилизационных моделей, имеющих многовековую историю развития. Утверждения о формировании единой для всех, универсальной культуры, во всяком случае, на данном этапе развития общества представляются, по меньшей мере, необоснованными, тогда как расширение личностного пространства, появление новых социальных измерений и новых смыслов представляется безусловным. Отношения глобальной и традиционной культур может быть охарактеризовано понятием «синтеза», приводящего к появлению различных подходов к восприятию глобальной культуры в зависимости от существующей в регионе культурно-цивилизационной модели.

Список литературы:

1. Абушенко В.Л. Идентичность//Всемирная энциклопедия. Философия/гл. ред. Грицанов А.А. М. Мн., 2001. — 382 с.
2. Абушенко В.Л. Проблема идентичностей//Вопросы социальной теории: Научный альманах-2010. М.: Междисциплинарное общество социальной теории — 2010. — Том 4. — с. 128—146.
3. Бажанова Л.М. Особенности культурного конфликта в условиях глобализации //Вестник Ставропольского государственного университета. — 2009. — № 5. — с. 236—242.
4. Бакланов И.С., Душина Т.В., Микеева О.А. Человек этнический: проблема формирования этнической идентичности//Вопросы социальной теории. — 2010. — Том 4. — С. 396—408.
5. Бергер П. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М.: Аспект Пресс, 2004. — 379 с.
6. Касьянов С.В. Динамика мировоззренческих ориентиров личности в условиях глобализации: автореф. дис. канд. филос. наук. Ставрополь, 2007 — 25 с.
7. Немчина В.И. Национально-культурные коллективные идентичности в глобализирующемся мире//Гуманитарий юга России. — 2013. — № 3. — с. 45—51.
8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.

РОЛЬ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕАЛИЗАЦИИ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Бессарабов-Гончаров Михаил Владимирович

аспирант, кафедра философия

Волгоградского государственного технического университета,

РФ, г. Волгоград

E-mail: ly1987@rambler.ru

ROLE OF COMPUTER TECHNOLOGY IN IMPLEMENTING CREATIVE POTENTIAL OF INDIVIDUAL: PHILOSOPHICAL ASPECT

Bessarabov-Goncharov Mikhail Vladimirovich

*post graduate student, the chair of philosophy
of Volgograd State Technical University,
Russia, Volgograd*

АННОАЦИЯ

Целью статьи является исследование особенностей влияния информационных технологий на творческую деятельность личности. Определены приоритетные роли компьютеризации в искусстве и изобретательстве. Сделан вывод о возможности рассмотрения виртуальной реальности как перспективного направления творческой активности человека.

ABSTRACT

The article explores and summarizes the knowledge on influence of information technologies on people's creative work. Considering current knowledge on this topic, the author defines the significant role of the computerization in art and invention. The author comes to the conclusion that virtual reality can be considered as one of the most prospective areas of creative activity.

Ключевые слова: творчество; искусство; компьютерные технологии; виртуальная реальность; изобретательство.

Keywords: creativity; art; computer technology; virtual reality; inventiveness.

В современном мире неудержимо нарастает потенциал информационной техники и компьютерных технологий. Очевидно, что информационные технологии оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности человека, исключением не является и реализация творческого потенциала личности. С одной стороны компьютерные технологии позволяют по-новому сформироваться, раскрыться творческим потенциям индивида, с другой стороны они же являются объектом приложения творческих усилий человека. С третьей стороны, некоторыми учеными (С.Э. Крапивенский, К.Х. Момджан, И.А. Гобозов и др.) усматривается негативная роль компьютерных технологий именно в плане развития и реализации творческих

личностей. Соответственно, становится актуальным социально-философский анализ заявленной проблемы и осмысление на новом мировоззренческом уровне роли компьютерных технологий в реализации творческого потенциала личности и общества.

С самого рождения человек окружён информацией, предоставляемой в широком диапазоне форм — от буквенных и числовых конструкций до полноцветных трёхмерных изображений со звуковым сопровождением. Произведения компьютерной графики имеют эстетичную форму, сопоставимую с эстетичностью живописи, портрета и скульптуры. Современные коммуникативные средства дают возможность быстро обмениваться информацией, моделировать широкий спектр изображений, звуков и даже ощущений, что предоставляет человеку возможность создания нового для себя объекта творчества — кибернетической реальности (синонимом которой принято называть «виртуальную реальность»). Подчеркнем, что феномен виртуальной реальности представляет несомненный интерес с позиции актуализации вопроса о роли компьютерных технологий в творческой активности человека.

Например, крайне расширяется сфера применения изобразительного искусства и в тоже время, и классическое, и современное искусство становятся широко доступны любому человеку [2, с. 16]. Главной особенностью творчества в сфере изобразительного искусства является создание артефакта, который подобно природе удовлетворяет эстетические и духовные потребности человека в созерцании прекрасного, как пишет И. Кант: «Природа прекрасна, когда она похожа на искусство, а искусство может быть лишь тогда названо прекрасным, когда мы сознаем, что это искусство, но вместе с тем видим, что оно выглядит как природа» [3, с. 420]. Изображения компьютерной графики способны не только точно копировать природную красоту, но и генерировать виртуальные образы природы на основе фантазии и свободы мысли автора картины (например, фантастические природные ландшафты создаваемые художниками фильма «Властилин колеца», «Звездные войны» и т. п.).

Здесь перед нами встает проблема свободы творчества, которую значительно легче реализовать в мире информационных технологий. Создание какого-либо произведения на основе свободы характеризуется И. Кантом, как искусство: «Правильнее было бы называть искусством лишь созидание посредством свободы, или произвола, полагающего в основу своих действий разум» [3, с. 414]. Так же, Бердяев отмечал в качестве неотъемлемого элемента процесса творчества свободу: «Творчество неотрывно от свободы. Лишь

свободный творит» [1, с. 250]. Таким образом, деятельность по проектированию и созданию художественных картин, архитектурных проектов, музыки на основе компьютерных технологий мы можем обозначить как свободный творческий акт личности. Иначе говоря, современная компьютерная техника и доктрина информационного общества предоставляют широчайшие возможности для свободной реализации идей в самых различных областях творческой деятельности.

Современная техника не всегда позволяет сохранять в виде материальных объектов сложные трёхмерные картины и виртуальные модели, а некоторые музыкальные мелодии генерируются и воспроизводятся только на специальном оборудовании. Таким образом, современные компьютерные технологии выступают не только в качестве инструмента создания новых произведений искусства, но и в качестве неотъемлемого элемента среды их существования, где они могут быть востребованы и воспроизведены человеком.

Особенной средой производства и воспроизведения продуктов творческого компьютерного моделирования является виртуальная реальность, которая позволяет не только быть сторонним наблюдателем модели мира, но и выступать в роли активного участника виртуальных природных и социальных событий. Современная техника позволяет создать воображаемый мир со своими закономерностями, правилами и возможностями. Создание такого мира носит характер творческого акта. По мнению Н. Бердяева, творчество осуществляется человеком на основе присутствия в нём природы более совершенного мира и способности выразить эту природу через свои произведения вследствие внутреннего стремления к «иному миру». Творчество — это акт создания аномального, принципиально нового объекта или явления, относительно понятий уже существующего мира.

Можно провести аналогию, сейчас мы можем создавать виртуальные миры при помощи компьютерной техники, а наши дальние предки творили создавая более комфортный, удобный, технически эстетичный мир при помощи орудий труда. Начиная с элементарной палки-копалки, рычага, кривошипа и системы зубчатых колес пытаясь создать нарисованный воображением мир. Вся цивилизация Земли — это проявление творческого потенциала человека, непрерывное изменение налично-данного представляет собой творческий процесс, как следствие появления «иного мира» на планете Земля, отдельные элементы которого неизбежно будут

стремиться к другому «иному миру». В качестве олицетворения такого стремления мы рассматриваем создание виртуальной реальности.

Творческий акт, по мнению Бердяева, призван создать иную, более совершенную реальность: «Цель творческого порыва — достижение иной жизни, иного мира, восхождение в бытии» [1, с. 205]. Преодоление существующего мира, его обновление и обогащение — это основная цель творчества: «То, что порождено извне, что создается перераспределением субстанции, не есть творчество. Творчество не есть новое соотношение частей мира, творчество есть оригинальный акт личных субстанций мира» [1, с. 233]. Таким образом, создание нового происходит на основе внутренней энергии, неповторимого содержания и способностей субъекта, который представляет собой подобие космоса, микрокосмическую систему, обладающую духовной независимостью и сверхприродностью. Подобное понимание творчества позволяет взглянуть на виртуальную реальность как на естественное явление в процессе развития общества. Использование инструментария информационных технологий в целях создания «иного мира» является способом реализации творческих устремлений человека. Проектирование визуального облика виртуального мира, его необычных возможностей, основанных на несуществующих законах естествознания и т. п. осуществляется на основе свободной разумной мысли творца.

Простейшим примером виртуальной реальности могут служить компьютерные игры, создающие среду для воспроизведения социальных взаимоотношений между участниками. Виртуальная жизнь в роли персонажа компьютерной игры стала популярным развлечением в современном мире, которое позволяет удовлетворить духовные и эмоциональные потребности человека.

Таким образом, деятельность по созданию виртуальной реальности можно выделить в современный вид творчества, который стал возможным благодаря информационным технологиям. Появление такого вида созидательной активности личности обусловлено естественным стремлением творческих людей к новому, неизвестному и более совершенному миру.

В научно-техническом творчестве, изобретательстве и инновационной деятельности, так же активно реализуется как технологический потенциал компьютерных технологий, так и творческий потенциал личности. Важным аспектом компьютерного моделирования является создание виртуальных проектов инженерных решений и апробация их эффективности с помощью программных средств. В качестве выводов можно сказать, что в процессе социально-

философского анализа были обозначены следующие роли компьютерных технологий в процессе реализации творческого потенциала личности:

1. Современные компьютерные технологии выступают в роли инновационного инструмента для деятельности в области искусства и художественного творчества. Компьютерная графика и моделирование XXI века позволяют реализовывать самые смелые идеи деятелей искусства, расширяя спектр их возможностей;

2. Компьютерное моделирование повышает эффективность изобретательской деятельности и способствует сокращению затрат ресурсов на инновационные разработки, выступая в роли мощного инновационного инструмента, а это особенно актуально с позиции праксеологии.

3. Феномен виртуальной реальности, создаваемой на основе компьютерных технологий, представляет собой отдельный вид творчества, который активно развивается в современности. Таким образом, компьютерные технологии играют роль мощного инструмента и информационной базы для полноценной реализации творческого потенциала личности.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2011. — 672 с.
2. Виноградова Н.Л. Новационные и творческие взаимодействия в культуре общества / Н.Л. Виноградова // Гуманитарные науки: сб. науч. тр. Ч. 1 Караганда, 2010. — С. 14—18.
3. Кант И. Критика способности суждения. М.: Аспект-пресс, 2006. — 512 с.

3.2. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ОСОБЕННОСТИ АНАЛИЗА В ФИЛОСОФИИ РЕЛИГИИ

Кириченко Евгений Викторович

*канд. сел.-хоз. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Кубанского Государственного Университета филиал, РФ, г. Армавир
E-mail: evgenVKir@mail.ru*

THE FEATURES OF THE ANALYSIS IN THE PHILOSOPHY OF RELIGION

Evgueni Kirichenko

Ph.D in agriculture, associate professor of social and humanities sciences of Kuban state university (branch in Armavir), Russia, Armavir

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются особенности философского анализа отдельных религиозных течений, а так же проблема научной трактовки религиозного опыта. Проведена краткая сравнительная характеристика мистических традиций различных верований и проблематика их рационального объяснения.

ABSTRACT

The article deals with the features of the philosophy of some individual religious movements; with the problem of interpretation of scientific religion experience. Also was performed a brief comparative description of some mystic traditions of different beliefs and problems of their rational explanations.

Ключевые слова: Философия; религия; теизм; мистика; методология; откровение.

Keywords: philosophy; religion; theism; mysticism; methodology; revelation.

На протяжении всего периода своего развития философия непрерывно изучала религию, поэтому степень разработки проблем, в различное время и у разных философов были не одинаковы.

Изучение религии с точки зрения философии требует выйти за пределы «религиозного опыта» [5, с. 13] и подвергнуть её критическому исследованию с позиций разума, логическо-теоретических и эмпирическо-научных критериев истинности. При большой схожести методов философии и науки существуют, однако, и различия. Философской методологии присущ универсализм и субстанционализм, проявляется критический подход к религии при определении сущности вещей, процессов и явлений. Наблюдается серьёзное расхождение с теологией, т. к. всё ставится под сомнение и не принимается на веру.

В философии религии преобладает позитивная тенденция при оценке влияния религии на общество в целом. Это выводится на анализе абстрактно-логических схем и практически игнорируется та или иная форма божественного откровения.

Философия религии начинала своё развитие, как ветвь западной философии, изучающая притязание, которые выдвигают западные религии, в особенности христианство. Она изучает доказательство бытия Бога и проблему зла, возможность чудес и проявления. Промысла Божьего, особенности взаимодействия Бога с природой и т. д. Философия религии слабо связана с феноменами религии и отдаёт их на суд психологии и социологии религии.

Практически во всех философских системах возникает вопрос вокруг понимания термина «Бог». Необходимо осознать, что трактовать данную концепцию можно как в сфере определённой религии (иудейской, христианской, мусульманской), так и вне какой-либо конфессии. Бог не существует в виде индивидуальных объектов, не является частью вселенной, т. к. он вне её и за её пределами. В связи с этим встаёт необходимость введения конкретного термина «Бог», который формулирует Р. Суинберн: «Личность, не обладающая телом (то есть дух), присутствующая повсюду, сотворившая и поддерживающая вселенную; свободно действующая сила способная совершить всё (т. е. всемогущая), всезнающая, абсолютно благая; первопричина моральных обязательств, неизменная, вечная, необходимая сущность, праведная и достойная поклонения» [7, с. 46].

Фундаментальное определение Бога необходимо для выражения веры и здесь не уместен символический и поэтический язык. Если человек принимает термин предложенный Суинберном, то это — теизм, если он отрицает сущность Бога, то это — атеизм.

В зависимости от того, как воспринимается понятие о Боге и его месте в мире формулируются различные философские течения: агностицизм, пантеизм, панентизм, теизм и т. д.

Для философии религии наиболее любопытен теизм.

Бог выступает создателем мира буквально из ничего, и при этом творение создаётся не из материи, а самим творческим актом. Это кардинальная характеристика Бога-Творца в концепции теизма.

Классический теизм, основанный на идеях античной философии, которые развивались в христианских традициях (блаженный Августин, Фома Аквинский) [1, с. 63; 2], принимает бога скорее в понятии «вечный», чем «бесконечный»... Не как часть вселенной, подверженной изменениям, а вне пространства и времени. Однако здесь возникает явное противоречие. Если проанализировать язык христианских первоисточников, то бог непосредственно вовлекается в происходящие события, он действует в мире, и это действие противоречит идее вечного Бога. Следовательно, Бога можно рассматривать с позиций бесконечности во временном измерении и, тогда, он активен. Или с позиции вечности, но в таком случае он велик и пассивен в отношении действительности.

Теизм предусматривает всемогущество и всеведение Бога. Это обосновано, если принять идею творения из ничего, однако как согласовать возможность действия Бога в противовес основным законам естествознания, т. е. чудо Иисуса Навина было возможно не только и не столько в силу естественных обстоятельств, сколько по воле и всемогуществу Божьему. Теист чётко определяет всеведение Бога, как имеющего знание в настоящем, но если Авраам был избран изначально, то Бог вне времени и всё предопределено. Центральной проблемой, таким образом, является человеческая свобода. Быть может, это иллюзия и всё происходящее неизменно? Как согласовывается понятие образа и подобия Бога в человеке без права выбора?

Западные философы трактуют эту дилемму, как предопределение свободного выбора человека. Логическая проблема здесь очевидна, т. к. всегда будет возможен выбор двух вариантов. Это ставит под сомнение не свободу выбора, а всеведение Бога.

Характеризуя философские тезисы о Боге необходимо учитывать богатейший потенциал религиозного опыта накопленного человечеством. Какую бы независимость от реального опыта не обрели некоторые религиозные представления, сколь абстрактными и утончёнными ни казались бы нам дискуссии по их поводу, эти представления всё равно берут своё начало в переживаниях отдельных людей. Сегодня трудно увидеть историческую основу

при обращении Будды Гаутамы или Савла (апостола Павла), но уникальные метаморфозы с предельной ясностью свидетельствуют о том, что в биографиях всех одарённых личностей присутствовали моменты озарения и прозрения. Это включает в себя ощущение чуда, новых ценностей и восприятие удивительной святости. Религиозный опыт бывает разрушительным для прежнего мировоззрения, но бесспорно, что на сознательном уровне подобные переживания не могли быть вызваны искусственно. Религиозное переживание можно рассматривать не только как откровение и последовательная верность идее, но также как результат преднамеренного культивирования при богослужении или молитве. Существует также переживание, как обыкновенный взгляд на свою жизнь и окружающие явления — это заданные ценности в силу принадлежности к определённой религии. Религиозный опыт может иметь глубокую мистическую природу, когда появляется ощущение единения, выходящее за пределы сознания. Этот опыт уникален и неповторим, т. к. только в нём соединяются объект и субъект. Для философии это является проблемой, т. к. опыт мистика нельзя опровергнуть или подтвердить.

Мистические традиции существуют практически во всех традиционных религиях. Христианские жития святых изобилуют откровением и удивительной неповторимостью мистической онтологии. В исламе существует суфийская традиция мистицизма [8, с. 193]. Буддисты и индусы соединяют объект с субъектом посредством медитаций. Религиозный опыт в разных конфессиях напрямую сопрягается с философскими идеями и постулатами. Особенно любопытны в этом отношении ветхозаветные пророки. Их опыт не был повторён ни в одной религии мира. Были моменты, напоминающие озарения, но выражение божественного слова имеется только в ветхозаветной практике. Для лучшего понимания проблемы необходимо уяснить, что понималось под божественной сущностью в разные периоды и у разных народов.

В Египте, даже тогда, когда совершалась робкая попытка ввести Эхнатомом монотеизм [4, с. 47], в качестве поклонения солнцу, это было не больше, чем обожествление природы. У индусов в Упанишадах исповедовалось безликое Нечто, воплощавшееся в Брахмане [5, с. 78]. Явным язычеством изобилвала Бхагават — Гита, а Будда вообще исключил Бога из способов восхождения к Нирване. Древние греки, с помощью умозаключений пришли к выводу о едином Боге, но не исключали язычества с присовокуплением вечной материи. И только иудейство сохраняло чистый

монотеизм, путём падений и следующего за ним покаяния. Этот процесс был возможен только при наличии вестников Божьих [3, с. 788]. Они, как мистики, были абсолютно уверены в истинности откровения, тогда как философы (например, Платон) утверждали, что трудно «трудно познать отца всяческих» [6, с. 69]. Для брахмана единение с Абсолютом являлось отрешением от всего мирского, но пророк является проводником откровения в жизнь. Индуистские созерцатели были уверены в достигаемости Божества, а философы представляли его умопостижимым [5, с. 17].

У иудейских пророков наблюдается противоположная точка зрения. Для них Бог Саваоф [5, с. 22] не постигаем и не достигаем — это пронзительный свет, который проходил через них освящая и наставляя других. Подобное богопознание практически не находит точек соприкосновения с философскими системами. Мистика пантеизма может любоваться в благоговейном трепете перед делами Творца, но сам Творец для них не достигаем. Многие считали, что в состоянии приоткрыть тайны мироздания, но реально осознавали, как сложно взойти на недостижимую высоту. Только Будда посмел заявить, что он единственный просветлённый. Пророки не утверждали ничего, что касалось их состояния. Они возвещали! И это проходило через призму двуединого сознания пророка, что не имеет аналогов ни в одной из религий мира. Они не были медиумами без воли и сознания и не пытались, как Платон, уйти от своего содержания — в них сочеталась непостижимая мистическая связь субъекта и объекта.

Естественно, что поэтому перед философией религии стоит проблемная характеристика харизматических переживаний, а также термин «откровение». Сложность заключается в рациональной оценке, т. к. встаёт вопрос, что критиковать — откровение с помощью разума или наоборот. Если знание получено путём откровения, то с логической точки зрения это не исключает, что его также можно познать исключительно с помощью разума, с условием, что нет прямого противоречия.

С помощью эмпирических фактов можно создать теологию естественную, но теологию откровения только с участием Бога. Последняя из перечисленных является авторитетом для получившего откровение, а для других, в определённом смысле, сопряжено с рассуждениями о степени логичности или абсурдности утверждений.

Таким образом особенности анализа философии религии заключаются в создании универсальной методологии, которая позволит обобщить и обосновать теорию и практику различных конфессий.

Список литературы:

1. Аврелий Августин Исповедь, М.: АСТ, 2003 — 440 с.
2. Бертран Р. История западной философии, книга вторая, глава 13 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL <http://philosophy.ru/library/russell/01/00.html> (дата обращения 17.12.2013).
3. Библия М.: Международный издательский центр православной литературы, 1994 — 1346 с.
4. Брестед Д., Тураев Б. История Древнего Египта, М.: АСТ, 2008 — 612 с.
5. Мень А. (протоиерей) История религии в 7 т., т. 5 Вестники царствия Божия М.: СЛОВО, 1992. — 650 с.
6. Мень А. (протоиерей) История религии в 7 т., т. 3 У врат молчания М.: СЛОВО, 1992. — 238 с.
7. Суинбегр Р. Есть ли Бог: ББИ, серия Богословие и наука, 2006 — 302 с.
8. Суфии. Восхождение к истине, М.: Эксмо-Пресс, 2002 — 639 с.

УЧЕНИЕ ФАРАБИ О ДИАЛЕКТИКЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ АРГУМЕНТАЦИИ

Тулаганова Мухайё Кутумбековна
старший научный сотрудник НУУз,
Республика Узбекистан, г. Ташкент
E-mail: mtulaganova@mail.ru

TEACHING FARABI ABOUT DIALECTICS IN CONTEXT OF THE MODERN THEORY TO ARGUMENTATIONS

Tulaganova Muhayo Kutumbekovna
senior scientific employee National University of Uzbekistan,
Republic of Uzbekistan, Tashkent

АННОТАЦИЯ

Фараби рассматривал диалектику как «тренировочное искусство» для достижения победы в споре, для подготовки человека к занятиям

теоретической наукой, основанной на достоверном знании и в принятии правильного решения в повседневной жизни. Рассудительность, ум и сообразительность помогают человеку находить правильные диалектические посылки в том, в чём обычно мнения расходятся. Благодаря этим качествам и при правильном применении диалектики, люди всегда могут достичь предельной истины.

ABSTRACT

Farabi considered the dialectics as "burn-in art" for achievement of the victory in dispute, for preparing the person to occupation by theoretical science, founded on reliable knowledge and in taking the correct decision in everyday life. The Prudence, wit and cleverness help the person to find correct dialectical parcel in that, in than usually opinions are spent. Due to this quality and under correct using the dialectics, people always can reach the limiting truth.

Ключевые слова: диалектика; спор; диспут; суждение; искусство; посылка; знание; метод; способ; рассуждение; вопрос; ответ; бытиё; доказательство.

Keywords: dialectics; debate; dispute; judgements; art; parcel; knowledge; method; way; discourse; question; answer way of life; conclusive.

Абу Наср Мухаммед ибн Тархан аль-Фараби — великий философ, учёный-энциклопедист, один из крупнейших представителей средневековой восточной философии. Неоценима его роль в развитии среднеазиатской культуры и культуры народов Ближнего и Среднего Востока. Тщательно изучив труды греческих учёных в подлиннике, Фараби написал ко многим из них подробнейшие комментарии. При этом он не просто комментирует античные тексты, но и предлагает свою точку зрения на их содержания через призму собственных умозаключений. Кроме этого, Фараби написал много произведений о греческих философах: «Книга о совокупности мнений двух философов — Платона и Аристотеля», «Посредничество между Аристотелем и Галеном» и др. Конечно, всё это имело большое значение для народов Востока в изучении древнегреческой культуры и философии. Фараби принадлежит первая классификация наук, известных в то время. Велика заслуга Фараби в изучении медицины и в разработке теории музыки. В течение многих веков его произведения были незаменимыми пособиями для изучения этих наук. Ему принадлежат более 160 произведений, относящиеся к различным отраслям науки. За глубокое знание греческой мудрости, за энциклопедический ум и большой вклад в развитие науки Фараби получил титул «второго учителя», «Аристотеля Востока». Его труды

оказали огромное влияние на ибн Сину, ибн Рушда, и других учёных того времени, а также на философию и науку средневекового Востока.

Научная деятельность выдающегося восточного мыслителя Фараби многогранна. Прежде всего его интересовали теоретические основания различных наук, их философский смысл. Большую часть трудов Фараби составляют его оригинальные сочинения, посвященные проблемам метафизики, анализу законов и категорий бытия, познавательной деятельности человека, логике, пониманию сущности разума, свойств физического мира, определению философского содержания практических наук.

Понятие «диалектика» часто употребляется в произведениях Фараби, его понимание диалектики в основном совпадает с пониманием Аристотеля, но немного отличается от него. Фараби диалектику относит к искусству, ремеслам. Человека называют «диалектиком, — писал он, — из-за его занятия, способа рассуждения и умения применять своё искусство» [6, с. 134]. По-арабски «Диалектика» — «Джадал», лексическое значение этого термина — спор, диспут. Фараби называет этот вид логического искусства методом, способом, рассуждением, знанием. Под искусством диалектики Фараби понимал «искусство, посредством которого человек приобретает способность вырабатывать силлогизм из общепринятых посылок для опровержения любого состояния общего тезиса» [5, с. 361], которое мы получаем из ответов на вопросы во время диалектической беседы. Фараби определяет диалектический метод не только как способ вопроса и ответа, но и как стратегию и тактику научных дискуссий, спора, в результате которого обеспечивается победа над противником.

А в переводе с греческого диалектика означает «искусство вести беседу», «искусство спора». Под диалектикой подразумевалось умение сталкивать различные точки зрения, доказывать свою правоту суждений. Особенно ярко проявилось это у древнегреческих философов. Они утверждали, что диалог помогает выявлению истины как чего-то нового, которое отсутствовало в начале спора, но появилось в процессе обсуждения. «В философии Аристотеля диалектика фигурирует уже не просто как искусство беседы, дискуссии, а как метод научных, и в первую очередь философских исследований, имеющих целью познание основных и общих определений бытия и мышления» [1, с. 134]. Аристотель при определении этого искусства указывает на то, что именно такой метод, применение которого удастся вырабатывать силлогизмы из общепринятых посылок ко всем поставленным вопросам и притом, что в ответе на него не будет выдано ничего такого, из чего последует противоречие

общему состоянию тезиса, которое отвечающий защищает. С помощью таких вопросов можно исследовать любую из двух частей противоречия, который получает спрашивающий от отвечающего.

Известно, что диалектику как метод познания Аристотель раскрывает в своём произведении «Топика». Там он подходит к диалектике как к методу, с помощью которого можно получить истинное заключение из вероятностных посылок. Аристотель обосновывает тезис о том, что диалектические положения могут быть перенесены и на другие науки, что они должны соответствовать принципам наук. Диалектика не касается какой-либо одной науки, а является общей для различных областей знания. Если Аристотель считал, что основной целью диалектики является опровержение высказываний, то Фараби отмечает, что не менее важной целью диалектики является доказательство. На примерах он показывает, что целью диалектического силлогизма является изучение мыслительной деятельности человека, выявление противоречий в суждениях и их преодоление. Следовательно, это и есть единственный путь, ведущий к истине.

Искусство диалектики Фараби относит к философии, призванной выработать способности ума к нахождению сомнительных мест и поиску истины. Фараби подчеркивает значимость диалектики, которая, по мысли ученого, является тренировкой и дает человеку способность вырабатывать диалектические силлогизмы и выставлять их в любое время по его желанию. Диалектика не только подготавливает к усвоению других наук, но и делает достоверными и доказательными исследуемые в них положения. Исследуя особенности познания естественных, теологических и гражданских наук, Фараби убедительно доказывает, что установить истину в них можно только с помощью диалектики, потому что человек становится подготовленным к наукам, основанным на достоверном знании.

С помощью искусства спора, опровержения и доказательства Фараби смог во всей полноте понять соревновательную природу искусства опровержений и доказательств, основанного на познавательном искусстве, в котором видел способ приобретения знания и его испытания на достоверность в процессе интеллектуального состязания, в котором каждый из участвующих должен осмыслить позицию противоречащей стороны, обнаружить ее уязвимые места, опровергнуть её, но при этом упрочивать такие же основные параметры собственной позиции «с тем, чтобы соперничать и держать верх» [2, с. 183].

Человек стремящийся к победе в споре, порой даже применяющий хитрость и нечестные способы для одержания победы в споре, конечно же, соответствует вполне конкретному человеку, приобретающему и использующему знание в реальной жизни. В наши дни мы пользуемся новыми педагогическими технологиями, которые кажутся нам современным изобретением психологов, так называемая «мозговая атака» как способ мобилизации и стимулирования интеллектуальной энергии, но в действительности она является лишь попыткой возрождения древнейшей традиции соревнований и одну из разновидностей искусства опровержений и доказательств.

Для достижения истины, по убеждению Фараби, человек должен обладать способностями к диалектическому диалогу, обе стороны должны обладать необходимыми знаниями, иметь одинаковые способности и одинаковые познания в искусстве диалектики. Это обстоятельство вынуждает его проявлять предельную напряжённость усилий, и постоянное стремление выискивать всё новые и новые аргументы. Следовательно, обе стороны получают одинаковую пользу от диалектической беседы, независимо от победы или поражения в споре. «Споры, диалоги, изыскания могут быть диалектическими и софистически-эвристическими. В первом случае победа достигается посредством общепринятых (научных) посылок, во втором — путём поверхностных, весьма запутанных, сомнительных, ложных посылок» [3, с. 126].

В трактате «Диалектика», Фараби отождествляет понятия «диалектические методы» и «научные методы», которые используются не дифференцированно, или дополняют друг друга при поисках истины. «Смешанный метод — это такой метод, который используется философами в древности до той поры, пока три метода не дифференцировались друг от друга и не разделились на: 1) научный, 2) диалектический, 3) софистический» [7, с. 396]. Они отличаются друг от друга по своим конечным целям и началам. Итак, конечной целью философии или научного метода, является достижение предельной (приближающей к абсолютному счастью) истины, а диалектика тренирует и подготавливает ум человека к восприятию философии, она ещё является орудием научного искусства. И «поэтому цель искусства диалектики заключается в поддержке искусства философии и служении ей» [8, с. 397]. Софистика подражает диалектике, становится даже похожей на неё, и создаёт ложное мнение о том, что именно она является диалектикой. Это ложное мнение внушает человеку кажущиеся знания, ложную мудрость и мнимое стремление к конечному счастью. Согласно Фараби, достигнуть истины можно, только путём диалектических

способностей и только обладая диалектическим искусством, можно разобраться в софистических рассуждениях и опровергнуть их. Особое значение диалектики, в том, что она приносит пользу философии, так как охраняет и защищает её от софистов. И то, что в действительности имеется в диалектике, имеется и в софистике, то это утверждение является ложным.

Таким образом, Фараби рассматривал диалектику как «тренировочное искусство» для достижения победы в споре, для подготовки человека к занятиям теоретической наукой, основанной на достоверном знании и в принятии правильного решения в повседневной жизни. Но для этого человеку необходимы такие способности (силы) как рассудительность, ум и сообразительность. Эти способности помогают человеку находить правильные диалектические посылки в том, в чём обычно мнения расходятся. Разум человека во многих случаях попадает в заблуждение не умышленно, а «сам того не сознавая» [4, с. 130], и поэтому нужно ставить человека в такое положение, в котором бы он сталкивался с противоречием в суждениях, и смог бы правильно разрешить их. Из этого следует, что нужно воспитывать в человеке те качества и способности, с помощью которых он мог бы отличить добро от зла, прекрасное от безобразного и т. д. Следовательно, мы приходим к такому выводу, что люди в состоянии принимать правильные решения только благодаря рассудительности, уму и сообразительности и конечно, при правильном применении диалектического искусства.

Список литературы:

1. Джохадзе Д.В. Диалектика Аристотеля. М.: Мысль, 1971. — 112 с.
2. История диалектики (Книга 1). Алматы: Институт философии и политологии МОН РК, 2000. — 225 с.
3. О логическом учении аль-Фараби/ Бурабаев М.С., Иванов А.С., Харенко Е.Д. и др. Алма-ата: Наука, 1982. — 200 с.
4. О логическом учении аль-Фараби/ Бурабаев М.С., Иванов А.С., Харенко Е.Д. и др. Алма-ата: Наука, 1982. — 200 с.
5. Фараби. Историко-философские трактаты // Диалектика. Алма-ата: Наука, 1985. — 592 с.
6. Фараби. Философские трактаты. Алма-ата: Наука, 1970. — 134 с.
7. Фараби. Историко-философские трактаты // Диалектика. Алма-ата: Наука, 1985. — 592 с.
8. Фараби. Историко-философские трактаты // Диалектика. Алма-ата: Наука, 1985. — 592 с.

3.3. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ЛИЧНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК ГЛАВНОГО РЕТРАНСЛЯТОРА КУЛЬТУРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Шаповал Галина Николаевна

*канд. филос. наук, ассистент кафедры истории и философии
Ростовского государственного медицинского университета,*

РФ, г. Ростов-на-Дону

E-mail: sgalinka@rambler.ru

ROLE OF AN INSTRUCTOR AS THE MAIN CARRIER OF CULTURAL AND SOCIAL NORMS IN THE PROCESS OF FOREIGN STUDENTS' EDUCATION

Shapoval Galina Nikolayevna

*candidate of Science, assistant of history and philosophy department
of Rostov-on-Don State Medical University,*

Russia, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

Автор рассматривает адаптацию как актуальную педагогическую проблему, обусловленную социокультурным и психолого-педагогическим своеобразием иностранных студентов. Особое внимание уделяется роли преподавателя ВУЗа как посредника в процессе адаптации студентов. Автор приходит к выводу, что перед педагогом стоит задача не только обеспечить иностранных студентов широким, интегрированным и критическим взглядом на современный мир знаний и информации и его потенциал для интеллектуального и профессионального роста специалиста, но и помочь студенту в его скорейшей адаптации в новой социокультурной среде.

ABSTRACT

The author regards adaptation as a topical pedagogical problem conditioned with socio-cultural and psychological-pedagogical peculiarity of foreign students. A special attention is given to an instructor as a mediator in the adaptation process. The author concludes that an instructor is not only to provide foreign students with broad, integrated and critical view on the world of knowledge and information and its potential for intellectual and professional growth of a specialist, but also to help a student with his quickest adaptation in a new socio-cultural environment.

Ключевые слова: адаптация; диалог; культурные нормы; культурно-образовательное пространство.

Keywords: adaptation; dialogue; cultural norms; cultural-educational environment.

Важнейшим показателем эффективности учебного процесса и уровня конкурентоспособности отечественных вузов на международном рынке образовательных услуг является качество профессиональной подготовки иностранных студентов, ведь современное общество диктует новые требования к личности, в которой должны гармонично сочетаться: высокая квалификация, виртуозное владение техникой, должный уровень компетентности в своей специальности в сочетании с социальной ответственностью и нравственными общечеловеческими ценностями [1, с. 102], поэтому перед российскими вузами в настоящее время стоит задача обеспечения оптимальных условий жизни и учебы иностранных студентов с учетом сложного процесса их адаптации к новому образу жизнедеятельности [4, с. 73].

Акцентируя внимание на адаптации, отметим, что она является актуальной педагогической проблемой, обусловленной социокультурным и психолого-педагогическим своеобразием иностранных студентов. Адаптация — это сложный процесс изменения структуры личности, ее встраивания в новый социум. А.И. Сурыгин характеризует адаптационные процессы как «острые» и «сложные» [6, с. 30]. Сущность социальной адаптации иностранцев, временно проживающих в России, заключается в возможности сохранять и поддерживать привычный образ жизни, если он не входит в противоречие с существующим укладом, но не в ассимиляции, а в принятии чужой культуры, уважении к чужим традициям, ценностям, нормам.

Культурно-образовательное пространство является средой, влияющей на адаптационные процессы, имеющие прямую корреляцию

с учебной успешностью иностранных студентов. Следовательно, организация личностно развивающего культурно-образовательного пространства становится педагогическим условием интенсификации подготовки иностранных студентов. Она состоит из: 1) активизации личностной позиции иностранного студента в учебно-воспитательном процессе; 2) информационного и этнокультурного обеспечения личностного взаимодействия; 3) целесообразно-гуманного использования национальных особенностей в условиях жизнедеятельности; 4) ориентации на полноценность языкового диалога в досуговой сфере [10, с. 106].

Очевидно, что ни один из перечисленных пунктов не обходится без активного участия преподавателя как ретранслятора культурных и социальных норм в чуждой для иностранных студентов действительности. Перед преподавателем ВУЗа как посредником в процессе адаптации студентов стоит задача не только обеспечить иностранных студентов широким, интегрированным и критическим взглядом на современный мир знаний и информации и его потенциал для интеллектуального и профессионального роста специалиста, но и помочь студенту в его скорейшей адаптации в новой социокультурной среде.

Очень важными становятся первые месяцы пребывания иностранного студента в России, они связаны с первым знакомством с российской культурой, попыткой говорить на русском языке с его носителями, с первыми трудностями межкультурного диалога. Именно преподаватель, чью роль на этом этапе трудно переоценить, представляется для студента носителем главных профессиональных и общекультурных ценностей. Следует отметить, что язык служит мощным объединяющим средством в процессе социокультурной адаптации иностранных студентов к российской действительности, поэтому развитие коммуникативной компетенции иностранных студентов должно осуществляться в условиях межпредметного взаимодействия содержания учебных блоков социокультурной и профессиональной направленности как в период аудиторных занятий, так и во время самостоятельной работы [7, с. 210]. Перед руководством вуза и перед каждым отдельным преподавателем в это время встает серьезная задача — дать такую информацию о России, которая позволила бы студенту комфортно ощущать себя в новой языковой и культурной среде, легко налаживать необходимые контакты с представителями другой нации [8, с. 216]. Следует отметить, что главными агентами адаптации иностранцев в вузах являются преподаватели — и как носители профессиональных

ценностей, и как представители культуры, в том числе и языковой, а эффективность выполнения агентами социализации своей роли обусловлена, в первую очередь, их профессионализмом [5], что само по себе уже представляет определенную проблему, поскольку на практике зачастую приходится сталкиваться с ситуацией, когда опытные педагоги с большим стажем работы уже не желают менять стиль преподавания, а молодые преподаватели ещё не знают, как найти свой путь к сердцам студентов. К тому же большой поток информации о современных технологиях, новых средствах и методах обучения может привести к отсутствию системности, чёткой направленности педагогической деятельности.

Нельзя не упомянуть и тот факт, что именно диалогичность является основой успешного овладения коммуникативной компетенцией, так как согласно исследованиям, проведенным в рамках философии, культурологии, психологии, педагогики и других наук диалогичность есть центральная характеристика гуманитарно-ориентированного взаимодействия между людьми, она — универсальный способ существования культуры и человека в культуре, внутренний механизм развития человеческого мышления. Согласно утверждению М. Бахтина [2], диалог есть единственная форма отношения к человеку-личности, сохраняющая его свободу и незавершенность. Диалогическая педагогическая деятельность должна быть направлена на создание педагогом такой среды, которая способствует накоплению диалогического опыта решения личностью гуманитарных проблем. Диалог должен осуществляться на всех уровнях — целевых, ценностных, содержательных, процессуальных [3].

Ни для кого не секрет, что студенты-иностранцы болезненно переживают непонимание, а тем более конфликты с преподавателями. По результатам проведенного опроса по проблемам социальной адаптации среди индийских студентов 2 курса лечебно-профилактического факультета РостГМУ, наиболее успешно налажен контакт с преподавателями у девушек, большинство из которых полностью удовлетворены как профессиональными качествами преподавателей и их готовностью помочь в решении повседневных проблем, так и отношением преподавателей к себе. Юноши же, напротив, более осторожны в своих оценках, большинство из них чувствует некоторую напряженность в общении с преподавателями, отмечая, что преподаватель должен быть более терпимым к тем, кто не может все «схватывать на лету».

Успешность адаптационного процесса иностранных студентов к учебной деятельности и социальной среде вуза стимулирует результативность их интеллектуальной активности, укрепляет общий жизненный тонус, поддерживает высокую работоспособность. Наибольший эффект для скорейшей социокультурной адаптации имеют выездные мероприятия, например, экскурсии по достопримечательностям, местным краеведческим музеям, во время которых студенты более раскрепощены. Иностранные студенты с интересом познают Россию, людей, нравы, обычаи, быт, отношение к истории, религии, с удовольствием откликаются на предложения посещения музеев, выставок, концертов, театров, вечеров интернациональной дружбы [9, с. 85].

В качестве вывода и одновременно практической рекомендации для преподавателя хотелось бы отметить, что, по мнению студентов-иностранцев, самым идеальным «ускорителем» их адаптации является создание преподавателями вуза атмосферы «добраго дома», где каждый студент нашел бы свое место.

В решении любых вопросов и особенно вопросов, напрямую связанных с адаптацией к новой социокультуреой среде, иностранные студенты должны находить у вузовской администрации поддержку и действенную помощь, а правовой статус иностранных учащихся должен быть приведен в соответствие с мировой практикой.

Список литературы:

1. Агеева Н.А. Биоэтика как новое синтетическое направление современной науки // Гуманитарные и социальные науки. — 2012 г. — № 6 — С. 100—108.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. — 445 с.
3. Васютенкова И.В. К проблеме диалогического взаимодействия педагогов. Педагогический поиск: проблемы и пути решения: материалы IV научно-практической конф. «Школа молодого ученого» СПб.: ЛОИРО, 2008. — 124 с.
4. Дорожкин Ю.Н., Мазитова Л.Т.. Проблемы социальной адаптации иностранных студентов // СОЦИС. — 2007. — № 3 — С. 73—77.
5. Жерлицына Н.А. Социально-культурная адаптация африканских студентов в ВУЗах России // интернет-публикация [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.inafran.ru (дата обращения 20.11.2013).
6. Сурыгин А.И. Педагогическое проектирование системы предвузовской подготовки иностранных студентов. СПб.: Златоуст, 2008. — 128 с.

7. Шаповал Г.Н. Активизация личностной позиции иностранного студента в учебно-воспитательном процессе // Язык. Культура. Коммуникация. 5 всероссийская заочная научно-практическая конференция Ульяновск, 2011. — С. 207—211.
8. Шаповал Г.Н., Камалова О.Н. Оптимизация обучения иностранных студентов медицинских вузов в условиях культурной адаптации в рамках ФГОС 3 поколения //Социальные и гуманитарные науки. — 2013. — № 4. — С. 216—226.
9. Шаповал Г.Н., Камалова О.Н. Особенности адаптационных процессов при организации учебно-воспитательной работы с иностранными студентами.// Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2011. — № 3. — С. 82—86.
10. Шаповал Г.Н. Соотношение компетентностного подхода и качества образования в процессе инкультурации иностранных студентов. //Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2010. — № 2. — С. 106—117.

3.4. МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Карпенко Татьяна Михайловна

*канд. филос. наук, старший преподаватель
Сумского государственного педагогического университета
им. А.С.Макаренко,
Украина, г. Сумы*

CURRENT ISSUES IN TEACHING OF PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF SOCIETAL LIFE

Tatyana Karpenko

*candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer
of the Sumy State Pedagogical University of Makarenko,
Ukraine, Sumy*

АННОТАЦИЯ

Автор анализирует проблему необходимых элементов содержания университетского курса философии в контексте социальной структуры общества. Философский аспект социальной структуры общества можно будет считать в основном всесторонне освещенным лишь при условии экспликации следующих концептуальных направлений: различные истолкования классового подхода; социальная мобильность как метод разрешения ряда глобальных проблем современности; концепции нации и прогноз следствий их практического воплощения; обновленная философия семьи.

ABSTRACT

The author analyzes the problem of university philosophy course content necessary elements in the context of society's societal structure. Philosophical aspect of society's societal structure may be considered mainly comprehensively elucidated only in case of the following conceptual

directions explication: various interpretations of the classes approach; societal mobility as a method of solution for some contemporary global problems; concepts of nation and the prediction of their practical use consequences; renewed philosophy of family.

Ключевые слова: социальная структура общества; класс; социальная мобильность; нация; семья.

Keywords: social structure of society; class; social mobility; nation; family.

Определение содержания курса философии для студентов нефилософских специальностей является одной из актуальных проблем, с которыми сталкивается современный преподаватель философских дисциплин. Ограничения во времени, отведенном на рассмотрение курса, заставляют особенно ответственно относиться к подбору компонентов последнего. Тем более, что значительное количество изданий, которые должны были бы пригодиться в учебно-воспитательном процессе, можно охарактеризовать следующим образом: «в помощь студенчеству подготовлено значительное количество учебников и учебных пособий. Но они по форме изложения материала, логике его подачи, а довольно часто и по содержанию, не отвечают современным требованиям» [6, с. 3]. В этой публикации мы коснемся одного аспекта социальной философии — социальной структуры общества. Именно эту тему в современной философской учебной литературе в основном обходят или, на наш взгляд, не уделяют ей достаточного внимания [17, с. 295—299]. Итак, при написании данной статьи автор ставил перед собой **цель** определить актуальные вопросы преподавания университетского курса философии в контексте философских проблем социальной жизни общества.

Прежде всего, обратимся к основным философско-теоретическим подходам относительно объяснения социальной структуры общества. Так, согласно логике марксизма, начиная с рабовладельческой общественно-экономической формации в качестве основных социальных групп выступают общественные классы (осуществленные в XX в. попытки построить «идеальное» бесклассовое общество, как известно, оказались неудачными). Разумеется, нельзя преувеличивать значение классового подхода, но нельзя его и недооценивать. Кроме чисто теоретических аргументов обратим внимание на то, что около полутора миллиардов человек в XXI в. руководствуются указаниями коммунистических партий.

При изложении упомянутого подхода целесообразно показать студентам, какие наработки предшественников были включены К.Г. Марксом и Ф. Энгельсом в содержание соответствующей теории. Также следует эксплицировать, какие уточнения могут быть внесены в классовую теорию, учитывая новые вызовы истории (от обращения к капитализму стран Восточной Европы до глобализации, становления информационного общества, поражающих воображение перспектив в области искусственного интеллекта и т. д.). Например, в контексте роботизации производства, какое будущее ожидает рабочий класс, пролетариат в странах Запада? А возможно (в исторически отдаленной перспективе) в большинстве стран мира? Какие последствия это будет иметь для марксизма, учитывая толкование им роли пролетариата в обществе? Также вспомним творчество философов, которые более реалистично интерпретировали некоторые проблемы, рассмотренные марксизмом. Вспомним, например, Аристотеля: «собственность должна быть общей только в относительном смысле, а вообще — частной» [1].

Специального рассмотрения заслуживает толкование классов М. Вебером, который делал особый акцент на духовной культуре как важном факторе классового разделения. Эта концепция, по сути, аргументированно предостерегает нас от чрезмерного увлечения материальным аспектом при анализе общества. Основы другой теории, теории среднего класса, такой популярной на рубеже веков, были заложены еще в Древней Греции («средние слои» Аристотеля). Средний класс — это люди, которым есть что терять в случае социальных беспорядков и которые, как правило, не рассчитывают превратиться в руководителей общества в результате социальных катаклизмов (последний расчет для некоторых представителей высшего класса мог бы оправдать риск, что время от времени в истории и происходило). Считается, что чем больше доля среднего класса, тем стабильнее общество. Теория среднего класса указывает путь к преодолению ряда глобальных проблем современности, прежде всего терроризма.

Аналогичную функцию выполняет в обществе вертикальная социальная мобильность. Широкие возможности для вертикальной социальной мобильности не только помогают гармонизировать отношения «человек-общество», но и снижают интерсоциальную напряженность, поскольку в обратном случае лидеров стран может соблазнить вариант переключения недовольства жизнью своих граждан на внешнего «врага».

Отдельный философский интерес представляют концепции исторических этнических общностей людей. Следует показать недостатки применения на государственном уровне концепции нации, когда непременным признаком принадлежности к нации считается кровное родство (концепция этнической нации). Прежде всего речь идет о смешении национальностей в мире на современном этапе создания государства. Более того, иногда тот, кто отвечает «генетическому» критерию, не считает себя представителем соответствующей национальности. Например, вспомним перепись населения в России, где в ответах респондентов фигурировала даже национальность «эльф» [14]. Более продуктивной выглядит концепция нации, ориентированная на достижение культурного единства, которая, не отрицая наличие этнической основы, собственно и послужившей исходным генератором определенной культуры, допускает инкорпорацию в состав нации граждан и исключительно на основании культурного единства.

Исходным звеном общества является семья, в ней, как правило, происходит первичная интеграция индивида в сознательную социальную (в широком и узком смыслах) жизнь. Семья — это основанная на браке или кровном родстве или замещающих последнее в контексте социальных отношений связях (например, усыновление) малая социальная группа, члены которой характеризуются общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью. В основе философского толкования брака лежит определение Г.В.Ф. Гегеля: «Связь двух лиц различного пола, называемая браком, это не просто естественный, животный союз и не просто гражданский договор, а прежде всего моральный союз, возникающий на основе взаимной любви и доверия и превращающий супругов в одно лицо» [2, с. 68].

Будучи социальной ячейкой общества, семья удовлетворяет ряд его важнейших потребностей, в том числе и в воспроизводстве населения. В то же время семья призвана удовлетворять личные потребности каждого своего члена. Важность семьи для общества как целостности была замечена еще Платоном. По его мнению, государства возникают на основе объединения семей (правда рекомендации, которые философ предлагает в этом контексте для создания «идеального государства», являются, как минимум, дискуссионными) [15]. В начале XXI в. в сфере семьи как социального института и малой социальной группы все большее распространение получает ряд трансформаций, которые, в частности, включают изменения в ее структуре, соотношении властной ответственности между членами семьи, обострение конфликта поколений. Эти транс-

формации отражаются на выполнении семьей своих функций. По сути система традиционных семейных ценностей испытывает глобальный вызов. Открытым остается вопрос: насколько содержательное наполнение учебников поспевает за современными беспрецедентными изменениями в исследуемой сфере, насколько содержание университетских курсов философии соответствует потребностям общества как самоорганизующейся системы?

На рубеже тысячелетий в постиндустриальных и даже индустриальных странах подвергается новым вызовам патриархальная семья, т. е. семья, в которой преобладающая доля власти и ответственности за управление развитием семьи принадлежит мужчине. Значительное распространение по сравнению с предыдущими историческими периодами приобретает матриархальная семья, в которой преобладающая доля власти и ответственности за управление развитием семьи принадлежит женщине. На этом фоне возникает и новый тип семьи — эгалитарная или биархатная семья. В семье такого типа четко определенный лидер отсутствует. Осмысление этого типа семьи авторами учебников приобретает откровенно апологетический характер. Так, одни настаивают, что в эгалитарной семье «власть распределяется между мужем и женой поровну» [3], а другие приводят характеристики этого типа семьи как основанной на гармоничном сочетании мужского и женского начал, «супруги дополняют друг друга преимуществами мужской и женской антропосоциокультурной природы» [7, с. 226—227]. Однако эгалитарный тип семьи является скорее идеалом, чем реально существующим феноменом, суператтрактором, чем аттрактором, поскольку сложность социального взаимодействия, как показывает практика, не позволяет абсолютно поровну распределить властные обязательства в семье. Более того, вопрос о сущности мужского и женского начал также остается в современной мировой социальной философии дискуссионным.

С другой стороны, в контексте наступления борьбы за права человека, эгалитарную семью можно рассматривать как семью, в которой все члены семьи (включая детей, если таковые имеются) обладают равными правами, чего нельзя сказать об обязанностях. «Возложение» на подрастающее поколение обязанностей, вполне доступных и приемлемых для их возраста, может трактоваться некоторыми инстанциями как нарушение или ущемление прав детей со всеми вытекающими отсюда последствиями [9]. Результатом подобной политики становится то, что современная семья, по сравнению с семьей патриархальной, уже не может в достаточном

объеме реализовывать ряд функций. Одна из них — воспитательная, которую все больше перенимают на себя другие социальные институты (государственные структуры, образовательные учреждения, средства массовой информации, которые стремятся сформировать у детей мировоззрение, зачастую идущее вразрез с традиционными семейными, моральными, религиозными ценностями [16]).

Особого внимания заслуживает проблема реализации коммуникативной и досуговой функций семьи. Это прежде всего связано с новыми способами и формами деятельности, которые в современном обществе приобретают все большие масштабы (внедрение компьютерных технологий, Интернет и т. п.). Происходит отчуждение между членами семьи, поскольку живое непосредственное эмоциональное общение все больше вытесняется виртуальным, всемирная паутина пополняется все новыми видами контента, которые приобретают все более совершенные и изощренные формы [4, с. 110].

Вообще, традиционное, «патриархальное» толкование семьи стало менее популярным в начале XXI в. Мыслители, которые поддерживают историческую оправданность патриархата, исходят из биологических различий мужчин и женщин. Однако на рубеже тысячелетий появляется новый подход — гендерный. «Гендерная идеология опирается на утверждение, что никакой природы у человека нет. Тело и его органы не имеют функционального значения. Его сущность чисто социальна, исторична и, в конечном счете, может конструироваться» [8, с. 53].

То есть толкование человека как биосоциального существа в контексте пола (и не только) отбрасывается, из понятия исчезает «био». Традиционные семейные отношения взаимодополнения пытаются заменить на отношения двух формально одинаковых людей. Почему «формально»? Потому что супруги могут быть равными, но не могут быть одинаковыми, и не только в мелочах. Вмешательство человека в природу должно основываться на научном понимании соответствующих законов и закономерностей, а не только на собственном произволе. Какие же имеем последствия непродуманной, несогласованной с многотысячелетним опытом идеологизации семейных отношений?

В Европе и США все большей популяризации получает точка зрения на современную семью как нечто имманентно неустойчивое и в основном временное. Так, В. Миронова, комментируя уровень разводов, отмечает: «...женщины «слабые», как правило, верны единственному и терпеливы, а сильные — ищут...», но от правды не уйти, и цитируемая автор вынуждена добавить: «ищут и очень

редко находят» [10, с. 11]. Противопоставление «слабых» «сильным» уже является не простой констатацией повышения уровня разводов, но положительной характеристикой такого уровня, толкованием его роста как желаемого, как показателя превращения «слабого» пола в «сильный». Кризис патриархальной семьи синхронически сопровождается сокращением среднего количества членов семьи, сокращением количества детей, которых заводят супруги. Невероятно возросло количество разводов, а также детей, которых воспитывает один из родителей. Насколько можно считать эти процессы взаимосвязанными, существует ли здесь причинная связь, пусть косвенная, пусть как доля крупного комплекса причин? Результаты современных исследований показывают: «кризис патриархальной семьи проявляется в гипертрофированном росте разводов, в нежелании значительной части молодежи вступать в брак и создавать семью, в уменьшении количества повторных браков» [7, с. 226]. Например, в скандинавских странах до 50 % женщин рожают детей, не находясь в браке. Разумеется, отчасти изменения вроде сокращения количества детей у супругов вызваны научно-технологической, информационной революцией, индустриализацией. Но синхроническое и диахроническое сравнение доли разводов в странах мира доказывает, что идеологическая составляющая здесь также очень важна [5, с. 58].

На этом фоне не столь уж и дискуссионным представляется толкование семьи В.А. Кутыревым. Напомним вкратце выстроенную им логическую цепь. Первобытная культура, протокультура пронизана сексуальностью, половые отношения лежат в основе матриархата, когда вся жизнь, пока не знали отца, организовывалась вокруг рождения и воспитания потомства. Семья по своей сути означает появление социального института отца, она всегда патриархальна, эти институты (семья и патриархат) рождались и исчезают вместе. Возникновение семьи было первым поражением почти еще естественной сексуальности от культуры. Регламентирующее вторжение культуры в свободу секса из-за напряжения между желаниями и запретами порождает мораль и любовь. Будучи различными по анатомической конституции супруги занимают различное положение в силу особенностей своей природы, физической силы, типа реакции, темперамента и интеллекта. «Оно будет сохраняться, пока эти особенности существуют, пока есть половой диморфизм и реальная, не виртуальная история. Культурные стереотипы не случайны, они коренятся в биосоциальной сущности человека» [8, с. 53].

Но стоит сделать такое уточнение: скорее всего на стадии первобытной культуры, протокультуре не было не только семьи

в современном понимании но и матриархата [12, с. 144]. Матрилинейность как отслеживание своих родственных связей по материнской линии конечно была. Но, если признавать происхождение человека от человекообразных обезьян, то, при доминантности самцов среди них, почему вдруг первобытные люди должны были временно перейти к матриархату? Аргументы типа большей эффективности земледелия (в то время — женское дело), чем мужских занятий выглядят наивными — например, для того чтобы управлять совсем не обязательно лично производить большую часть потребляемой материальной продукции.

Насколько важным является существование устойчивой семьи? Если данных психологии (по проблемам воспитания ребенка только матерью) недостаточно для осознания важности стабильного института семьи для общества, обратимся к демографии. Как установили демографы Э. Грундю и Е. Кравдаль, риск смерти матери двоих детей на 50 % меньше, чем у бездетной женщины той же возрастной группы (от 45 до 68 лет), а риск смерти отцов ниже на 35 %, чем у бездетных мужчин. Мужчина или женщина, которые живут отдельно или находятся в разводе, подвергаются большему риску, чем их сверстники, живущие вместе с партнером [18].

Начало XXI в. знаменовалось тем, что «во всех странах Европы, за исключением Турции, уровень общей рождаемости был ниже уровня воспроизводства населения...» [13], а Европа (кроме Турции) и США как раз и является эпицентром идеологического разрушения традиционной семьи. Однако не следует упрощать ситуацию и провозглашать вымирание Европы — ситуацию исправляет активное переселение туда жителей стран с более традиционалистской ментальностью и, соответственно, высокой рождаемостью. Конечно, в случае если эмигрантов не успевают почти полностью культурно ассимилировать.

Становится очевидным, что «гендерная» интерпретация взаимоотношений мужчин и женщин является деструктивной как для семьи, так и для общества в целом. Хотя семья и является социальным институтом, малой социальной группой, но нельзя при определении сущности семьи оставлять без внимания биологические предпосылки ее возникновения.

Отдельно отстоит проблема конфликта поколений в семье, которая, по нашему мнению, может иметь не только психолого-педагогическую, но и социально-философскую интерпретацию. Поиск путей смягчения этой проблемы привлекает внимание к сравнению мировоззрений, ментальностей (в широком смысле), образов жизни

различных обществ. Так, проникнутые культом предков, традиционные общества остаются преимущественно ориентированными на воспроизведение поведенческих и мыслительных стереотипов. Проблема «отцов и детей» актуализируется лишь в отдельные переломные периоды, но в целом, безусловная доблесть состоит в том, чтобы следовать традициям и авторитетам [11, с. 62—63]. Насколько опыт традиционных обществ может быть использован при попытках смягчения конфликта поколений в обществе техногенном? Какие изменения в ориентирах, образе жизни индустриального и постиндустриального общества должны для этого произойти? Является ли последнее реально возможными? Непременным является применение средств социальной философии при решении этих проблем.

Какое будущее ожидает институт семьи? Какие позитивные и негативные последствия упомянутые трансформации могут иметь для общества в целом? На эти вопросы не существует однозначных ответов, но необходимо включать самую их постановку в содержание образовательных программ, так как они имеют не только теоретический, но и практический характер, непосредственно касаются жизненного самоопределения студентов, позволят молодым людям делать сознательный выбор в сфере семейно-брачных отношений. Социально-философские аспекты семьи можно будет считать в основном раскрытыми только при условии добавления следующих проблемных направлений: анализ не только преимуществ, но и недостатков концепции эгалитарной семьи; гипотетическая корреляция кризиса патриархальной семьи и демографического кризиса развитых стран, возможности смягчения конфликта поколений с точки зрения социальной философии.

Итак, философский аспект социальной структуры общества можно будет считать в основном всесторонне освещенным (конечно, с учетом ограниченности современного уровня научного и философского знания) только при условии экспликации в содержании университетского курса философии следующих концептуальных направлений: а) различные толкования классового деления общества, б) социальная мобильность как метод решения ряда глобальных проблем современности, в) концепции нации и прогноз последствий их практического воплощения, г) обновленная философия семьи. Предметом дальнейших исследований может стать разработка специальных курсов по отдельным компонентам указанной проблематики.

Список литературы:

1. Аристотель. Политика / Аристотель; пер. с древнегреч. // Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. — С. 376—644.
2. Гегель Г.В. Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т. 2 / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; пер. с нем. М.: Мысль, 1971. — 630 с. — (Философское наследие).
3. Городяненко В. Соціологія / В. Городяненко. К.: Академія, 2008. — 251 с.
4. Карпенко В.Е. Методология философии в техноинтеллектуальном обществе: универсализм и герменевтический круг / В.Е. Карпенко, С.В. Сумченко // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: материалы XXVI международной заочной научно-практической конференции (15 июля 2013 г.). Новосибирск: СибАК, 2013. — С. 101—112.
5. Карпенко Т.М. Сутність сiм'ї: сучасний підхід / Тетяна Михайлівна Карпенко // Materialy VII mezinarodni vedecko-prakticka conference «Predni vedecke novinky — 2011». Dil 4. Praha, 2011. — Stran. 57—59.
6. Качуровський М.О. Філософія: альтернативний виклад / М.О. Качуровський, В.О. Цикін. Суми: СумДПУ ім. А.С. Макаренка, 2005. — 252 с.
7. Качуровський М.О. Філософія в запитаннях і відповідях / М.О. Качуровський, Ю.П. Тарелкін, В.О. Цикін. Суми: СумДПУ ім. А.С. Макаренка, 2008. — 312 с.
8. Кутырёв В.А. Философия трансгуманизма / Владимир Александрович Кутырёв. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010. — 85 с.
9. Латышева Ю. Детский труд — эксплуатация или воспитание? [Электронный ресурс] / Юлия Латышева. — Казахстан: медиа-портала Gazeta.kz, 2013. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://articles.gazeta.kz/art.asp?aid=310245> (дата обращения 23.12.2013).
10. Миронова В. Психология. Школа жен / Вероника Миронова // АиФ. Здоровье. — 2011. — № 3. — С. 11.
11. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. Синергетика, психология и футурология / Акоп Погосович Назаретян. М.: ПЕР СЭ, 2001. — 239 с.
12. Никонов А.П. Апгрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности / Александр Петрович Никонов. М.: ИЦ ЭНАС, 2007. — 352 с.
13. Общая информация о Европе. — Evropa. Европейский портал, 2012. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.evropa.org.ua/data/evropa8.htm> (дата обращения 23.12.2013).
14. Общество. В России могут появиться национальности «сибиряки» и «эльфы» [Электронный ресурс] // РосБизнесКонсалтинг. — Россия: РБК, 2011. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://top.rbc.ru/society/05/04/2011/570603.shtml> (дата обращения 23.12.2013).

15. Платон. Государство [Электронный ресурс] / Платон. — Русский гуманитарный Интернет-университет. — Россия: РГИУ, 2004. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/platon_gos (дата обращения 3.11.2011).
16. Рыдалевская Е.Е. Воспитание и средства массовой информации [Электронный ресурс] / Е.Е. Рыдалевская // Нравственность в образовании. — Россия: Духовное наследие, 2013. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.nravstvennost.info/library/news_detail.php?ID=4513 (дата обращения 23.12.2013).
17. Черній А.М. Філософія / Анатолій Михайлович Черній. К.: Академвидав, 2011. — 392 с.
18. Чоловіки, які мають дітей, живуть довше за бездітних [Електронний ресурс] // Українське слово. — 2011. — № 26. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://ukrslovo.net/interesting-facts/for-men/5945.html> (дата обращения 3.11.2011).

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

**ОСОБЕННОСТИ ПРОТОИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ
МЕЛКОТОВАРНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО
ПРОИЗВОДСТВА ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ
ОФИЦИАЛЬНОЙ ГУБЕРНСКОЙ СТАТИСТИКИ)**

Морова Ольга Викторовна

*канд. ист. наук, доцент Московского государственного
областного гуманитарного института,
РФ, г. Орехово-Зуево
E-mail: umr@mgogi.ru*

**PROTOINDUSTRIALIZATION PECULIARITIES
OF SMALL COMMODITY PEASANT PRODUCTION
OF VOLOGDA PROVINCE IN THE LATTER HALF
OF THE 19TH CENTURY
(ACCORDING TO OFFICIAL PROVINCIAL
STATISTICS MATERIALS)**

Olga Morova

*candidate of historical sciences, associate professor
of Moscow State Regional Institute of Humanities,
Russia, Orekhovo-Zuevo*

АННОТАЦИЯ

В статье обозначены особенности модификации традиционных и становления новых социальных и экономических структур на стадии протоиндустриального развития мелкого крестьянского хозяйства Вологодской губернии. На основании материалов официальной губернской статистики и иных источников автор делает вывод о факторах, обусловивших в XIX веке динамичное промышленное развитие Вологодской губернии.

ABSTRACT

In the article there are presented modifications' peculiarities of traditional and formation of new social and economic patterns at the stage of protoindustrial development of small-scale peasant farming of Vologda province. Based on the materials of official provincial statistics and other sources the author draws a conclusion about factors that determined dynamic industrial development of Vologda province in the 19th century.

Ключевые слова: регионально-страновой вариант модернизации; протоиндустриальное развитие; мелкое крестьянское производство; промыслы; региональная торговля; капитализация крестьянского производства.

Keywords: regional-country variant of modernization; protoindustrial development; small-scale peasant production; crafts; regional trade; capitalization of peasant production.

Исторический опыт модернизации России, становления индустриального общества в XIX — начале XX в. представляет одну из самых актуальных проблем в современном отечественном социогуманитарном знании. Его глубокий анализ и осмысление имеют основополагающее значение для понимания перспектив экономического и социального развития нашей страны в условиях нарастания темпов модернизационных процессов перехода уже от индустриальной к инновационной стадии.

Историческую и экономическую динамику стран обуславливают культурные и институциональные особенности каждой из них, что модифицирует их выход на определённую стадию развития, делая его уникальным [16, с. 7].

Формирование индустриального общества в России в XIX в., как и в других странах, связано с особенностями протекания модернизационных процессов в экономическом (хозяйственном) секторе и в социальной системе общества. В качестве параметров экономической модернизации в обозначенный период выступали

углубление общественного разделения труда, появление новых форм трудовой деятельности, интенсивное развитие рынков товаров, капиталов, труда, создание крупного промышленного производства с внедрением достижений науки, техники, технологий.

Модернизационные явления в социальной сфере России выражались в явных демографических изменениях (например, рост численности населения), в усилении социальной мобильности населения, в формировании новых классов общества — предпринимателей и наёмных рабочих.

Особенно стремительно данные явления стали нарастать после известных либеральных реформ 60—70-х годов XIX в., в результате которых различные социальные группы (среди них, прежде всего, абсолютное большинство крестьянства, занятого в сельском хозяйстве и к нему фактически прикрепленного) получили широкие правовые возможности активировать свои экономические потребности, реализовать предпринимательскую инициативу. Фактически были созданы условия, стимулировавшие переход крестьян из аграрного сектора к труду в промышленности и торговле.

При номинальном единстве (сходстве) признаков переживаемой модернизации в России и в европейских странах историческая реальность показывает специфические черты формирования отечественного индустриального общества. Одна из них связана с территориально-институциональной основой российской экономики.

Цивилизационной особенностью России является ярко выраженная, исторически сложившаяся пространственная социально-экономическая дифференциация и стратификация на всех уровнях, что обусловило своеобразие индустриальной и рыночной модификации экономических институтов и социальных структур [3, с. 7].

Различия географических, природно-климатических, экономических, демографических, культурно-исторических условий создали уникальную, чрезвычайно «пёструю» территориально-институциональную структуру экономики страны, обусловили неравномерность и разномасштабность развития хозяйства на макро, мезо и микро-уровнях (страна, регион, местность).

Начало модернизационных процессов (а точнее начало индустриализации) не было одномоментным фактом на всей территории Российской империи. Губернии с различным темпом включались в индустриальное развитие, но при этом особенно во второй половине XIX в. всё интенсивнее вращались в создававшееся общее экономическое пространство, преодолевая хозяйственную замкнутость. Модификация традиционных и становление новых

социальных и экономических институтов и структур в различных губерниях Российской империи имели ряд существенных отличий. Регионы России характеризовались различной степенью вовлечённости в модернизационный процесс.

Изучению территориального аспекта модернизации российской экономики посвящены как исторические, так и экономические и междисциплинарные исследования [2].

В историко-экономических и экономико-географических работах указаны факторы, которые влияют на территориальную дифференциацию форм, особенностей и следствий модернизации российской экономики. К ним кроме геопространственных, историко-культурных, демографических исследователи относят особенности землепользования, порождавшие хозяйственную специализацию отдельных регионов, региональные различия в ментальности и в целом в экономической культуре, степень влияния административного фактора и др. [3; с. 15].

Исходным объектом для изучения сущности происходивших модернизационных изменений для экономистов-географов является территориальная организация общества, а ключевой категорией — понятие «территориально-хозяйственный институт». Сквозь эту призму комплексно рассматриваются структура производства конкретного региона, особенности расселения жителей и природопользования и иные вопросы.

В отличие от экономико-географического исследования исторический анализ обращен на выявление и описание фактической стороны модернизационных процессов, на всестороннее рассмотрение конкретно-исторических сюжетов, на установление причинно-следственных связей между экономическими, социальными, культурными и политическими явлениями жизни страны, конкретной губернии, региона периода формирования в России индустриального общества.

Несмотря на то, что в последнее двадцатилетие изучение региональной истории переживает подъём, не все проявления многоаспектного процесса формирования индустриального общества на уровне губерний России нашли своё отражение в научных исследованиях. Так, не достаточно полно изучена история эволюции мелкой крестьянской промышленности в обозначенный период по регионам и в целом по стране.

Теоретико-методологические основы исторических исследований развития мелкой крестьянской промышленности менялись на протяжении всего периода изучения данной проблематики, начиная со статистико-исследовательских работ отечественных исследователей

первой половины XIX в. через марксистско-ленинскую концепцию к современным теориям. При многообразии подходов к трактовке истории, в целом ведущей методологической базой сегодня является теория модернизации, которая рассматривает исторический процесс как нелинейный, постоянно меняющий своё направление [11].

Один из сторонников теории модернизации А. Гершенкрон указал на зависимость механизмов модернизации от исторического времени, условий вступления страны в данный процесс. Они накладывают сильный отпечаток на протекание модернизационных процессов в конкретной стране, на последовательность, степень естественности протекания и завершенности протоиндустриализации, индустриализации, бюрократизации и иных стадийных характеристик модернизации [10]. Так, Р. Рудольф показал, что Россия ещё в первой половине XIX века в условиях едва начавшегося промышленного переворота вступила на стадию протоиндустриализации, что явно проявлялось в расширении производства протоиндустриальных и сельскохозяйственных товаров на рынок, в активизации создания крестьянских мануфактур, стимулировании крестьян к занятиям в неаграрном секторе экономики [17].

Возможность параллельного протоиндустриального развития в различных масштабах и в условиях полноценной индустриализации проявляется в сохранении дисперсных форм ручного труда (как способ применения дешевой рабочей силы и использования традиционных технологий) при функционировании фабричного производства. Степень их присутствия характеризует особый тип регионально-странового варианта модернизации.

Формат статьи не позволяет представить всеохватывающее исследование эволюции мелкой крестьянской промышленности в XIX в. Однако ряд основных положения данной теории можно проиллюстрировать на примере Вологодской губернии — одной из экономически развитых территорий страны. При помощи методов конкретного анализа, проблемно-хронологического, сравнительно-исторического, а также метода математической группировки статистических данных.

Богатство природных условий и ресурсов издавна позволяли населению Русского Севера заниматься разнообразной хозяйственной деятельностью: земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством, ремеслом, торговлей. Мозаичный характер расположения плодородных почв в регионе, значительные лесные массивы и водные артерии определяли активность колонизации края.

Топография расселения сельских жителей по территории Вологодской губернии имела ряд особенностей, которые не могли не отразиться на специфике крестьянского хозяйства. Они создали стартовые условия, обусловившие постоянное расширение спектра промыслов, подъём торгово-промышленного развития региона, которое в середине-второй половине XIX века вступило в новую полосу эволюции: роста объёма и масштабов производства, ориентированного на рынок, усиление капитализации и начало индустриализации крестьянского производства.

Существует огромная масса источников в виде официальной государственной и земской статистики, делопроизводственной документации, экономико-географических и военно-статистических описаний, материалов ревизий, дворянских и купеческих архивов, научной и мемуарной литературы, записок путешественников, периодической печати, научных трудов общего и специального характера [4].

Для иллюстрации обозначенной тенденции нами использован официальный материал из губернской статистики — Памятной книжки Вологодской губернии за 1853, Справочной книжки для Вологодской губернии на 1856, Памятных книжек Вологодской губернии на 1865—1866, 1875—1876, 1896—1897, 1899—1900 годы. Ответственность за подготовку данных для Памятных книжек была возложена на губернский статистический комитет, председателем которого был сам губернатор, а среди членов комитета — губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, управляющие казённой палатой, государственными имуществами, удельными округами и иные должностные и выборные лица.

Памятные книжки как вид официальной губернской статистики включал в себя по признанию авторов-составителей частью неточные и неполные сведения (в силу удалённости и труднодоступности отдельных территорий губернии). Имело место и некоторое приукрашение действительности членами статистического комитета губернии, ибо они понимали, что публикуемые сведения показывают «степень радения» губернатора о вверенной ему губернии.

Однако в целом Памятные книжки (особенно 70—90-х годов) могут считаться надёжным источником значительной массы справочной информации. Безусловно, в специальном исследовании нельзя ограничиваться ими, необходимо привлечь широкий спектр материалов правительственной и земской статистики, научных трудов. В формате статьи мы ставим цель дать общую характеристику

развития мелкого крестьянского производства в Вологодской губернии на основе данных из вышеперечисленных Памятных книжек.

Значительная территория Вологодской губернии включала 10 уездов: Вологодский, Грязовецкий, Кадниковский, Вельский, Тотемский, Устюжский, Никольский, Сольвычегодский, Яренский, Устьсыольский. Уезды имели природно-климатические, почвенно-ландшафтные особенности, различались по численности и плотности расселения, по количеству населённых пунктов и крестьянских дворов в них.

Таблица 1.

**Численность селений и крестьянских дворов
Вологодской губернии во второй половине XIX века**

Годы Уезд	Селений в 1864г.	Крест.дворов к 1875г.	Селений в 1897г.	Крест.дворов к 1897г.
Вологодский	1 796	20,492	1,874	27 574
Грязовецкий	994	16.094	961	21 169
Кадниковский	1,731	19. 933 (по 27 волостям из 49)	1 950	32 268
Вельский	820	11 060	1 227	16 436
Тотемский	1163	17 809	973	24 902
Устюжский	1 782	13 290 (кроме 3 волостей)	1 815	18 584
Никольский	1 692	17 800 (неполные)	2 438	34 231
Сольвычегодский	1 680	12 044	1 675	18 020
Яренский	258	4 907	249	7 602
Устьсыольский	347	9 153	414	14 920

По данным таблицы 1 видно, что во второй половине XIX века происходит рост селений во всех уездах губернии (кроме Сольвычегодской) и стремительное увеличение числа крестьянских дворов, т. е. укрупнение селений. Какие селения учитывались в Памятных книжках?

По сведениям Памятной книжки в 1854 г. в Вологодской губернии насчитывалось 12 городов, 1 посад, 259 сёл, 12.019 деревень. Данные по 1864 г. — 12 городов, 1 посад, 291 село, 424 сельца, 4 хутора, 325 погостов, 11 241 деревня. Не случайно статистикой учитывались все населённые пункты (не в понимании количества, а в смысле типологии).

Исторически в Вологодской губернии сложились несколько типов селений. Самым древним и распространённым из них было полифункциональное промыслово-сельскохозяйственное поселение. Крестьяне освоили долинные ландшафты и озёрные котлованы, образуя «гнезда» селений, т. е. группы мелких, насчитывавших иногда более десятка маленьких населённых пунктов. Реки и озёра служили и надёжными источниками пищевых и экономических ресурсов (как и леса по их берегам), и удобными путями сообщения между территориями. Постепенно к XVII веку крестьянская колонизация охватила водоразделы с возвышенными, лучше дренированными плодородными почвами.

Прибрежно-речное и озерное заселение Вологодского края было преобладающим, но не единственным. Активность возникновения крестьянских поселений промыслово-сельскохозяйственного типа к концу XV века снизилась, уступая место населённым пунктам, возникавшим вдоль транспортных артерий как водных (порты, пристани), так и сухопутных (ямские, почтовые станции).

Магистрالی региона были ориентированы на важнейший торговый порт Архангельск и на Восточную Сибирь. Расселение вдоль транспортных каналов способствовало развитию хозяйства, промыслов и расширению торговли. В регионе множились крестьянские поселения с ярко выраженными транспортной и торгово-ремесленной функциями при сохранении их промыслово-сельскохозяйственной основы. Население Русского Севера увеличивалось.

В XVIII веке в связи с реформами Петра Великого (строительство флота и Санкт-Петербурга, рекрутские наборы), а также с переориентацией внешней торговли на Петербург и упадком торговли через Архангельск наблюдался отток населения региона. Однако количество поселений не изменилось. Наоборот, в начале и первой половине XIX века социально-экономическое развитие края при положительной динамике населения продолжалось стабильными темпами. Сохранились исторически сложившиеся и появлялись новые разновидности сельских поселений, различавшиеся не только специфическими хозяйственными функциями, но и количественным и социальным составом жителей [1].

Самым распространённым типом поселений оставалась деревня. Термин «деревня» применительно к крестьянским поселениям появился в источниках лишь с XIV века. До этого на Русском Севере существовало название «село» (обжитой, освоенный участок) [1, с. 289].

Деревни представляли собой комплекс жилых строений и хозяйственных угодий (дворы, усадьбы, полевые пашни, санные

и другие угодья). Переход в XVIII веке к подушевому принципу налогообложения способствовал увеличению численности дворов в деревнях в среднем по региону до 8 дворов.

Разновидностью деревень были починки (выставки, выселки) — вновь возникающие поселения, первое время освобождавшиеся от уплаты налогов. Причинами их появления были естественный рост населения и организованное заселение неразработанных земель. Наличие починков свидетельствовало о продолжении колонизации территории Русского Севера. Так, в Никольском уезде Вологодской губернии с марта 1889 г. по октябрь 1892 г. на казённые земли были поселено около 1 675 семей, вследствие чего по берегам рек возникли починки.

Административными и церковно-приходские центрами являлись погосты. Они развивались как типичные крестьянские селения в местах с государственным землевладением и со временем поглощались сёлами.

Сёлами до секуляризации 1763 г. назывались, как правило, владельческие центры-поселения монастырей, церквей, в которых стояли дворы монастырских, церковных крестьян, бобылей, половников. Обязательным атрибутом села была церковь. Позже они превратились в обычные деревни государственных крестьян. На помещичьих землях в сёлах имелись церковь с приходом и владельческая усадьба.

Сёла по размерам обычно было крупнее деревень. В них возникали различные общественные заведения — управленческие службы, больницы, богадельни, школы, а также хозяйственные заведения — кирпичные, кожевенные и иные «заводы». «Сельцом» называли более мелкое поселение, не ставшее центром прихода.

После реформы 1861 г. в губернии появились новые мелкие сельскохозяйственные поселения — хутора. В 1864 г. в губернском статистическом отчёте уже указаны 4 хутора.

Чаще всего сёла и сельца были волостными и приходскими центрами, к которым тяготели окружающие деревни. Всё более поглощая погосты, сёла, отличавшиеся удобством расположения, принимали на себя функции административных, религиозных и торгово-ремесленных центров.

Так, в устье судоходной реки Кубина расположилось торговое село Устье. Через него по сведения Справочной книжки на 1856 г. шли суда с хлебом, смолою, дёгтем и другой продукцией почти на 30 000 рублей серебром [14, с. 13].

Из 334 душ ревизского населения устьянского общества в 1874 г. 127 мужчин занимались речным промыслом, продолжая вести разнообразную хозяйственную деятельность [8, с. 103].

Близ крупных сёл и деревень устраивались ярмарки и торжки. Почти все ярмарки Вологодской губернии проходили зимой: съезжались торговцы, заготовливавшие товары для отправки в Архангельск и Санкт-Петербург, а также на крупнейшие ярмарки в Центральной России.

Во второй половине XIX века количество ярмарок, объём и ассортимент продаваемых товаров постоянно увеличивались, расширялась география вывоза из Вологодской губернии продукции. Если в 1853 г. в Вологодской губернии действовали 99 ярмарок (26 в городах и 73 в уездах), то уже в 1861 г. зарегистрировано 150 ярмарок, на которых из товаров местной крестьянской промышленности сбывали не только зерновой хлеб, лён, масло, яйца, кожи, сало, щетину, рыбу, сальные свечи, лесные материалы, но и дёготь, смолу, пек, скипидар, сажу [6, с. 63].

В 1864 г. по свидетельству Ф. Арсеньева в уездах Вологодской губернии состоялись 164 ярмарки, из которых 78 прошли в Кадниковском уезде [7]. В материалах Памятной книжки детально расписано, с какой пристани какой товар и куда отправлен был. Автор указывал на то, что на уездных ярмарках главным действующим лицом был не купец («купец- торговец дня, двух»), а «главные представители торговли — местные торгующие крестьяне — кулаки, захватившие в свои руки всю торговлю края и внутреннюю и отпускную» [7, с. 55].

Неполный перечень предлагаемых для продажи товаров крестьянского производства даёт представление о многообразии промыслов сельского населения. На рынок крестьяне Вологодчины вывозили продукты питания (продукцию хлебопашества, животноводства, бортничества, добычу охотников и рыболовов), лён, паклю, льняное семя, коровье масло (сливочное и крестьянское), писчую бумагу, холст, полотно, пряжу, щетину, рогожи, железные изделия, дёготь, сажу, скипидар, смолу, канифоль, деревянные изделия (мебель, сани, колёса, бочки, корыта, кадки, веретёна и др.), посуду, короба, корзины, валенную обувь и головные уборы и многое другое.

При общей промыслово-сельскохозяйственной основе каждый уезд и даже волость отличались спецификой крестьянских промыслов. Так, Вологодский, Грязовецкий и Кадниковский уезды специализировались на валяльном, кожевенном, кузнечно-слесарном, гончарном производстве, объёмы которых к концу века резко

увеличились [9, с. 43]. В ряде волостей Грязовецкого уезда была чрезвычайно развита выделка черепахово-роговых изделий: гребни, гребёнки, аптекарские совки, шпатели, папиросницы и др. Крестьяне ещё несколько волостей занимались изготовлением гармоник.

В Тотемском, Вельском, Устюжском и Никольском уездах по сведениям Памятной книжки 1896—1897 гг. активно развивались дёгтекурение, смолокурение, выделка щетины, столярное, щепное, бондарное производство, изготовление берестяных изделий, изделий из свиного пуха (коврики, стельки, верёвки), скорнячество, крашение и набивка холста, портняжное, кузнечное, чеботарное дело, ткачество из ниток и шерсти (выделка сукманины, пестряди, холста, кушаков) [9].

Во всех Памятных книжках одной из главнейших отраслей крестьянского производства называется производство льна и выделка льняных нитей [9; с. 14]. Больше всего льноводство развито в Никольском, Грязовецком, Тотемском, Устюжском, меньше в Вологодском, Кадниковском, Вельском, Сольвычегодском уездах.

Крестьяне сеяли лён на подсеках, причём общинного леса не хватало и крестьяне захватывали подсеки казённого леса. Качество льна различалось по уездам и волостям. Ценился лён трёх видов: Нижесухонский, который отличался длиной и крепостью, Вилегодский и Южский. Общий объём проданного в 1856 г. льна составило 280 000 пудов, часть была отправлена в Архангельск и Петербург, остальное пошло на изготовление пряжи и холста. Цены на лён на местных ярмарках колебались в пределах 2,5 до 3,5 рублей за пуд.

Либеральные реформы 60—70-х годов XIX века создали благоприятные условия для роста крестьянского производства и увеличения объёмов внутреннего рынка. Так, к 1896 году и объём производства льна и цены на волокно выросли: в Грязовецком уезде — 4—7 рублей за пуд, Вельском, Тотемском — 3—5 рублей, Устюжском — 3—6,5 рублей, Сольвычегодском уезде — 6—9 рублей. При средней цене 3 рубля за пуд ежегодный сбыт в 1896—1897 гг. указан в пределах от 1 500 000 до 2 000 000 рублей. В статистическом обзоре за этот год отмечено, что изменилось направление вывоза продукции льняного производства с Архангельска и Англии на Волгу, Санкт-Петербург, Варшаву, Германию.

Активизировалась к концу XIX века региональная торговля: в Вологодском уезде действовало 36 торжков и ярмарок, в Грязовецком — 9, в Кадниковском — 53, в Тотемском — 20, в Устюжском — 14, в Никольском — 113, в Яренском и Устьсы-сольском — по 6 ярмарок.

В руках крестьян — производителей и торговцев скапливались солидные капиталы. Многие из них становились владельцами заводов и мастерских, на которых использовался труд наёмных работников [9]. В Вологодском уезде в собственности у крестьян Борисовых, Буракова и Прибытковых было 5 сельдекопильных заводов с 137 наёмными рабочими. В Кадниковском уезде в селе Устье и в пустоши Пятковской крестьянину Никуличеву принадлежали 2 стеклоделательных завода, на которых 86 рабочих производили листовое оконное стекло.

Этот же крестьянин владел синкальным заводом в селе Устье, другой синкальный завод принадлежал крестьянину Семенкову. Местным крестьянам Устьвельской, Павлицовской и Кулойско-Покровской волостей принадлежали 9 скипидарно-пековаренных заводов, на которых трудились до 26 рабочих.

Из 8 льнотрепальных заводов Устюжского уезда один принадлежал крестьянину Злобину. Близ деревни Наумцево в Сольвычегодском уезде находилась и работала спичечная фабрика крестьянина Спиридонова с 15 рабочими. В Устьсысольском уезде у крестьянина Митюшева был маленький завод с 2 наёмными работниками.

Более мелких форм крестьянского производства, где хозяин и члены его семьи были единственными работниками, насчитывались к концу XIX века десятки: в Вологодском уезде 15 мелких кожевенных заводов, 20 маслобоен; в Тотемском уезде 34 крестьянские дёгтекурни, в Вельском уезде — 24 сажекопильно-скипидарных заводов, в Устюжском — 16 дёгтекурен и 35 красилен и т. д.

Приведённые из материалов официальной губернской статистики даже неполные данные свидетельствуют о стабильном количественном росте объёма и масштабов мелкого крестьянского производства и его капитализации на протяжении второй половины XIX века. Крестьяне-производители промышленных изделий занимали прочное место на внутреннем региональном и российском рынке.

Политические, экономические и социально-культурные условия, созданные в России впоследствии либеральных реформ 60—70-х годов XIX века, способствовали естественному переходу к индустриализации крестьянского производства.

Мелкотоварное крестьянское производство в условиях расширения торговой и транспортной сети являлось базой для экономической стабильности региона, определяло темпы его развития и специализацию. В регионе рано сложился и имел тенденцию к росту ёмкий рынок не столько сельскохозяйственной,

сколько протоиндустриальной продукции, что обусловило раннее вызревание условий индустриализации. Вологодская губерния к началу XX века стала одним из самых динамично развивающихся промышленных районов страны.

Список литературы:

1. Власова И.В., Шанский Д.Н. Поселения/Очерки русской культуры XVIII века. Часть I. Издательство Московского университета, 1985 г., — С. 285—316.
2. Дружинин А.Г. География и экономика: актуальные проблемы соразвития. Ростов н/Д: изд-во Рост.ун-та, 2000; Регионализация в развитии России. Географические процессы и проблемы/ Под ред. А.И. Трейвиша, С.С. Артоболевского. М., 2001; Региональное развитие в контексте модернизации / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, М.Н. Денисевич, И.В. Побережников. Екатеринбург-Лувен, 1997. — 328 с и др.
3. Институциональная модернизация российской экономики: территориальный аспект/ Под ред. А.Г. Дружинина и В.Е. Шувалова. Ростов н/д: Изд-во Рост. Ун-та, 2004 — 264 с.
4. Кизеветтер А.А. Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории Русского государства. Вологда. Вологда, 1919; Колесников П.А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда., 1976; Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. М., 1946.; Сербина К.Н. Крестьянская железодельная промышленность Северо-Западной России XVI — первой половины XIX в. Л., 1971; Родословие Вологодской деревни. Вологда, 1990 и др.
5. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов всероссийской научной конференции. Челябинск, 2009. — С. 95—101.
6. Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 г.
7. Памятная книжка Вологодской губернии на 1865—1866 гг. — С. 34—62.
8. Памятная книжка Вологодской губернии на 1875 и 1876 годы. Ч. II. Статистические материалы.
9. Памятная книжка Вологодской губернии 1896—1897 гг.
10. Предпринимательство как фактор модернизации (концепции А. Гершенкрона и Э. Хагена)//Экономическая история России XVII—XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда. Екатеринбург, 2008. — С. 203—212

11. Проскуракова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. — 2005. — № 7. — С. 153—165.; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. — 240 с.
12. Региональное развитие в контексте модернизации / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, М.Н. Денисевич, И.В. Побережников. Екатеринбург-Лувен, 1997. — 328 с
13. Россия в XVII — начале XX в.: региональные аспекты модернизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2006. — 344 с.
14. Справочная книжка для Вологодской губернии на 1856 г. Ч. II. Очерк промышленности и торговли.
15. Уровни изучения модернизации: мировой, цивилизационный, страновой, региональный, локальный (теоретические аспекты) //Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2009. — С. 55—65.
16. Ясин Е., Снеговая М. Роль инноваций в развитии мировой экономики// Вопросы экономики. — 2009. — № 9. — С. 15—31.
17. Rudolph R. Agricultural Structure and Proto-industrialization: Economic Development with Unfree Labor//Jornal of History. — Vol. 45. — 1985 — P. 47—69.

**РУССКИЙ ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АРХИЕРЕЙ
ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА
(АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ
АРХИЕПИСКОПА КУЙБЫШЕВСКОГО
АЛЕКСИЯ (ПАЛИЦЫНА))**

Подмарицын Алексей Геннадьевич

*канд. ист. наук, Самарский государственный университет,
РФ, г. Самара*

E-mail: algepod@yandex.ru

**RUSSIAN PROVINCIAL HIERARCH
OF THE SECOND QUARTER THE XX CENTURY
(AUTOBIOGRAPHICAL PORTRAIT OF ARCHBISHOP
KUIBYSHEV ALEKSII (PALITSYN)'S)**

Podmaritsyn Aleksei Gennad'evich

*Ph. D. in History, Samara State University,
Russia, Samara*

АННОТАЦИЯ

Публикуемые автобиографические материалы 1944 г. архиепископа Куйбышевского Алексия (Палицына, 1881—1952) позволяют выявить типические черты русского архиерея 20-х—40-х гг. XX столетия. Вновь открытые данные могут быть интересны историкам советского периода, занимающимся просопографией православных архиереев второй четверти XX века.

ABSTRACT

Autobiographical materials published in 1944 the Archbishop Aleksii of Kuibyshev (PALITSYN, 1881—1952) allow revealing typical traits Russian hierarch 20s—the 40s of the twentieth century. The newly opened data may be of interest to historians of the Soviet period engaged in the prosopography of the Orthodox bishops of the second quarter of the twentieth century.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь (РПЦ); просопография иерархов РПЦ; региональная церковная история; уполномоченные Совета по делам РПЦ при СНК СССР; советское делопроизводство.

Keywords: Russian Orthodox Church; the prosopography hierarchs of the Russian Orthodox Church; regional church history; authorized by the Council for the Russian Orthodox Church at CM the USSR; the Soviet paperwork.

Начавшаяся в 1990-х гг. бесцензурная и открытая работа в области просопографии архиереев Русской Православной Церкви (РПЦ) советского периода продолжается. Значимыми вехами стало издание сборника документов «Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей Церковной Власти (1917—1943)», включившего в себя до 700 важных документов по истории РПЦ, в том числе и биографических сведений об иерархах [1];

просопографических материалов игумена Дамаскина (Орловского) [2]; справочника протодиакона Александра Киреева «Епархии и архиереи РПЦ в 1943—2002 гг.» [3].

Издание «Православной энциклопедии» в качестве постоянного блока материалов также включает в себя просопографию иерархов РПЦ [6]. Очевидной и необходимой задачей становится сбор и уточнение информации о региональных предстоятелях Русской Церкви.

Данное исследование посвящено уточнению биографических данных архиепископа Куйбышевского и Сызранского Алексия (Палицына), занимавшего кафедру в 1942—1952 гг. Доступные биографические данные архиепископа Алексия содержатся в «Православной энциклопедии» [6, с. 670—671] и «Энциклопедии Самарской области» [8, с. 48].

При разборе дел, поступивших в Самарский епархиальный архив в 2004 г., было обнаружено регистрационное дело преосвященного Алексия, содержащее его автобиографию, датированную 5 сентября 1944 г. [7, с. 2—3об.]. Регистрационное дело, по тогдашнему распорядку, было заведено уполномоченным Совета по делам РПЦ при СНК СССР по Куйбышевской области. Институт областных уполномоченных по делам РПЦ формально существовал с 18 декабря 1943 г., а при Куйбышевском облисполкоме стал действовать с 28 февраля 1944 г. [5, с. 111]. Уполномоченный С.В. Гасилин занялся регистрацией православного духовенства, начав с архиепископа. В отличие от общей для священников и диаконов регистрационной анкеты, в Москве был составлен вопросник для епископов, использовавшийся для написания автобиографии.

Как всякий документ, автобиография Высокопреосвященнейшего Алексия, отмечена печатью своего времени. Его рост на духовной ниве от сына сельского священника до настоятеля столичного монастыря — явление типичное для дореволюционного времени, когда продвижение монашествующих во многом зависело от образования.

Известно, что родившийся 1 августа 1881 года в Рязанской губернии, в семье потомственного священника Василий Михайлович Палицын происходил из того же рода, что и известный келарь Троице-Сергиевой обители начала XVII столетия Авраамий. После получения стандартного духовного образования (духовное училище, духовная семинария) и службы на поприще духовного образования (учитель школы и сотрудник семинарии) последовал краткий период обучения в высшем светском учебном заведении и монашеский постриг. Затем последовала служба в Миссионерском совете при Святейшем Синоде в Петрограде, а с 1917 по 1926 гг. — пребывание настоятелем московского Донского монастыря. Самый конец 1910-х и первая полови-

на 1920-х гг. не менее показательны: настоятель-архимандрит физически трудился могильщиком (характерное явление для 1918—1920 гг.); одновременно являлся председателем домкома (монастыри стали уплотнять разношерстной публикой сразу же после публикации декрета об отделении Церкви от государства от 23 января 1918 г.); состоял заведующим кладбищем и монастырским музеем (понятные предложения для сохранения старинного монастыря и его братии в качестве социально-полезных элементов при новом строе) [7, с. 2—2об.].

Настоятель-архимандрит чутко относился к помещенному в Донской монастырь совластями под негласный арест Св. Патриарху Тихону. Кстати, у них много общего в биографиях до призвания на архиерейскую кафедру — оба прошли путь от сына деревенского клирика до столичного церковного деятеля.

В сентябре 1923 г. Св. Патриарх Тихон, колебавшийся в вопросе принятия нового стиля в Церкви, под давлением гражданской власти выразил на то одобрение [1, с. 299—300]. Когда Святейший, проживавший в монастыре, пришел на богослужение, то был остановлен настоятелем архимандритом о. Алексием в дверях храма. Архимандрит заявил, что пока Его Святейшество одобряет новый стиль, монахи Донского монастыря не будут иметь с ним молитвенного общения. Через некоторое время Патриарх Тихон отменил свое распоряжение о переходе на новый стиль [1, с. 300].

Время призвания архимандрита Алексия к архиерейскому служению (1926 г.) было нелегким — Патриарший Местоблюститель митрополит Крутицкий Петр находился в ссылке, производились массовые аресты епископата с целью заставить оставшихся примкнуть к какой-либо из лояльных к советам группировкам — выдыхающемуся обновленчеству, либо псевдоконсервативному григорианству. Позиция нового епископа Можайского Алексия, верного последователя покойного Св. Патриарха Тихона, была ясна и совдепы не устраивала.

На следующий 1927 г. последовала сибирская ссылка, в которой святитель пробыл один год из трех и был освобожден. Едва успев вернуться в европейскую часть страны, епископ Алексей был в 1928 г. осужден за контрреволюционную деятельность (ст. 58 тогдашнего УК) на три года пребывания в Соловецком концлагере. По окончании срока лагерного заключения, около 1931 г., святитель был направлен в ссылку в Сибирь, в Нарымский край, ещё на три года [7, с. 2об.—3].

В 1934 г., по освобождении, епископ Алексей избрал местом жительства г. Орёл, где и находился в течение трех лет.

В 1937 г. святитель переехал в г. Волоколамск и оставался там до начала Великой Отечественной войны. Архиерей ничего не написал о служении в эти годы, как и не указал источники своего

существования. В самом начале войны (в июле 1941 г.) он оказался на священническом месте в селе Наташино, Московской области. Возможно, это как-то связано с округой Волоколамска, где он жительствова­вал в это время — косвенно об этом свидетельствует его формальное (немцы уже были на подступах к Москве) назначение на Волоколамскую кафедру 13 октября 1941 г. За неделю до этого епископ Алексей служил в командировке от Патриархии в Ярославле и области молебны «о даровании победы нашему воинству». Вместе с назначением на Волоколамскую кафедру он был возведён в сан архиепископа, и ему было поручено на время отъезда Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) и Патриархии из Москвы в Ульяновск, заведовать церковными делами по г. Москве (указ Патриархии от 13 октября 1941 г.) [2, с. 12]. Когда военная опасность миновала, архиепископу Алексею поручили окормлять освободившуюся Куйбышевскую епархию. Известно, что в 1944 г. владыка с успехом выполнил поручение Патриарха Алексея I о приеме из обновленчества приходов Средней Азии [7, с. 3об.]. Его здоровье в послевоенные годы постоянно ухудшалось, и он скончался 8 апреля 1952 г. [6, с. 48].

Автобиография архиепископа Алексея (Палицына) помогает уточнить ряд автобиографических данных, известных из печатных источников: неизвестные подробности его служения в Донском монастыре (история с Патриархом Тихоном) и его роль в первые месяцы Великой Отечественной войны, когда он в октябре 1941 — начале 1942 г. фактически представлял главу РПЦ в Москве. Эти данные позволяют, как конкретизировать биографию русского архиерея второй четверти XX века, так и подчеркнуть наиболее общие моменты судеб иерархов того времени.

Список литературы:

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве Высшей Церковной Власти (1917—1943). Сборник. М., 1994. — 1064 с.
2. Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 1. Тверь: Булат, Кн. 2. 2001. — 526 с.
3. Киреев А., протоиерей. Епархии и архиереи Русской Православной Церкви в 1943—2002 годах. М., 2002. — 480 с.
4. Подмарицын А., диакон. Очерки истории Самарской епархии. Самара: Книга, 2008. — 152 с.

5. Подмарицын А.Г. Уполномоченные Совета по делам Русской Православной церкви при СНК/СМ СССР по Куйбышевской области в 1943-1965 годах//Социум и власть. — 2013. — № 3. — С. 111—115.
6. Православная энциклопедия. Т. 1. М.:ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2000. — 752 с.
7. Самарский епархиальный архив (СЕА). Ф. 1. Оп. 1.11. Д. 1.
8. Энциклопедия Самарской области. Т. 1. Самара, 2010. — 358 с.

НАЧАЛО ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Поляков Сергей Александрович

*аспирант кафедры Отечественная история
Орловского Государственного Университета,
РФ, г. Орел
E-mail: sp.1988@mail.ru*

BEGINNING OF THE FEBRUARY REVOLUTION

Polykov Sergey

*graduate student of National History Oryol State University,
Russia, Oryol*

АННОТАЦИЯ

Статья затрагивает вопрос начала Февральской революции 1917 года в Петрограде.

ABSTRACT

The article touches upon the beginning of the February Revolution of 1917 in Petrograd.

Ключевые слова: Февральская революция; Петроград; 1917 год.
Keywords: The February Revolution; Petrograd; 1917.

В статье освещаются события начального периода Февральской революции, а также причины приведшие к ее началу.

Февральская революция началась во многом неожиданно для царского режима, так как объективных социально-экономических причин для ее начала не было. Но были политические причины,

на которые сторонники царского режима старались не обращать внимание. Основной причиной поражения сторонников царского режима в Февральской революции стала нерешительность. Теперь давайте вернемся в Петроград, в последнюю декаду февраля. Вот что говорил Милюков в своих воспоминаниях.

В своих воспоминаниях Милюков, говорит, что Николай II, 25 февраля 1917 года телеграфировал Хабалову приказ, о том чтобы тот открыл огонь по толпе, хотя сам в своих «Воспоминаниях», пишет следующее: «Вечером 25 февраля царь телеграфировал Хабалову: «повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией» [4]. В этом приказе нет распоряжения царя стрелять в толпу, да и сама толпа представляла отнюдь не просто забастовку недовольных положением жителей Петрограда. В толпе протестующих и среди гарнизона Петрограда были провокаторы, которые подстрекали людей на совершение противоправных действий в отношении представителей власти, и эти провокаторы, первыми начали стрелять из толпы протестующих по солдатам.

Как известно волнения в Петрограде начались после того как прошел слух, о якобы недостаточном количестве хлеба, и агитаторы подкрепляли эти слухи указанием на очереди за хлебом которые появились в Петрограде. Но эти очереди объяснялись не недостатком хлеба, а тем, что не хватало печей для выпекания хлеба, а также тем что подошел очередной призыв, и многих хлебопекарей призвали на военную службу. Но рабочие поверили в этот слух. Начались массовые забастовки, рабочие начали митинговать с требованием хлеба, при этом в рабочие массы вливались агитаторы, скандировавшие лозунги «долой правительство», «долой царя». Полиция не смогла справиться с забастовкой и разгоном демонстрации, тогда генерал Хабалов получил приказ применять войска, но так как Петроградский гарнизон уже был сам подвержен агитации, то ждать от него решительных действий не приходилось. 25 февраля солдаты лейб-гвардии запасного батальона Павловского полка отказались исполнить приказ своего командира и нанесли ему смертельное ранение на Конюшенной площади. 26 февраля на Знаменской площади проходила демонстрация с красными флагами, которая была прекращена учебной командой лейб-гвардии Волынского полка [1].

Генерал Кутепов, бывшей в то время в чине полковника, командиром 2-го батальона Преображенского полка, отмечал, что на фронте не было никаких волнений, а когда он приехал в Петроград, то увидел что по улицам ходят толпы манифестирующих,

офицеры ведут разговоры о расширении полномочий Государственной Думы. Повсюду царят пораженческие настроения.

Генерал Кутепов пишет: «27 февраля, в девятом часу утра, меня вызвали к телефону. Так как я еще не встал, то попросил сестру пойти переговорить. Она мне сказала, что поручик Макшеев просит меня спешно приехать на Миллионную. Предвидя что-то недоброе, я быстро оделся и приехал на собрание на Миллионную, где поручик Макшеев мне сообщил, что в казармах гвардейской Конной артиллерии взбунтовалась часть Волынского запасного полка и его учебная команда, что взбунтовавшиеся Волынцы ворвались в казармы нашей нестроевой роты, заставили присоединиться к себе солдат Преображенского запасного полка, а когда, находившейся там, числящийся по общей армии, заведующий полковой швальной полковник Богданов хотел выгнать Волынцев со двора, то был там же ими заколот» [2].

Солдаты по большей части были настроены мирно, и не желали участвовать в беспорядках, но среди них были люди в штатском которые говорили солдатом, что «уже поздно», «что их за бунт все равно расстреляют», и солдаты поддавшись на уговоры подстрекателей, постепенно только разжигали революцию. Вот в частности что отмечает генерал Кутепов: «Мне доложили, что толпа солдат, заполнившая Баскову улицу, спокойно стоит, и просит чтобы к ним вышел кто-либо из офицеров, так как они боятся что их расстреляют. Я подошел к углу Артиллерийского переулка и, увидя, что там, главным образом, находятся солдаты Литовского полка, я приказал их командиру построить их и привести ко мне, на что он ответил отказом. Тогда я сказал — если вы боитесь пойти, то пойду я. Когда я подходил к толпе, то ко мне вышел унтер-офицер, и сказал, что солдаты боятся заходить в казармы, так как думают что их расстреляют, и попросил чтобы я успокоил их. Я сказал, что их не расстреляют, что я не допущу этого. В ответ из толпы раздалось несколько голосов — «Товарищи! Он врет, вас расстреляют».

В самом Петрограде, на 27 февраля 1917 года, у Командующего войсками Петроградского Военного округа генерала Хабалова оставалось не более 2000 солдат, сохранивших воинскую дисциплину и верных царю, в то время как в митингах и беспорядках участвовало не менее 250 тысяч человек.

Сначала, оставшиеся верные царю войска, решено было расположить в Зимнем дворце, но управляющий Зимним дворцом, генерал Комаров, опасаясь что здание дворца может пострадать в ходе боя, попросил генерала Хабалова вывести войска. Войска были

переведены в здание Адмиралтейства. Но по требованию Морского министерства, также хотевшего сохранить здания, войска были просто распущены.

В ночь на 28 февраля распускается Совет министров, и власть переходит к Временному Комитету Государственной Думы.

В это бунт превращается в настоящий «революционный взрыв». Пользуясь этим в Пскове, к царю, подходят с просьбой отречься от престола один за одним генералы.

В конце февраля главнокомандующим Петроградским военным округом становится генерал Иванов Н.И. Ему было приказано восстановить порядок в Петрограде. Генерал Иванов сказал Николаю II, что не на все части В Петрограде можно будет положиться при подавлении восстания. К тому моменту в Петрограде оставалось не более 2000 солдат верных царю. Тогда Николай II, 27 февраля, принимает решение направить в Петроград войска с фронта под командованием генерала Иванова. С северного фронта были выделены 67-й Тарутинский, 68-й Бородинский, 15-й Уланский Татарский, 3-й Уральский казачий полки. С западного фронта: 34-й Севский, 36-й Орловский, 2-й Лейб-гусарский Павлоградский полки. Полки должны были прибыть 1 марта в Петроград. 28 февраля 1917 года началась погрузка полков. Также планировалось передать в распоряжение генерала Иванова гвардейские полки: Преображенский, 3 и 4 Гвардейские Стрелковые, отправив их, как только появится возможность. В ночь на 1 марта гвардейские полки были готовы к отправке, но распоряжение из Ставки прислано не было. Кроме частей, посылаемых в распоряжение Н.И. Иванова, Николай II отдал приказ двигаться на Петроград и другим отрядам. В письме Императрице, посланном вечером 27 февраля, он сообщал, что конная гвардия получила приказание немедленно выступить из Новгорода в город. Сведений о продвижении этих частей нет. К 1 марта последние соединения защищавшие режим были распущены по домам, а генерал Алексеев уже начал вести переговоры с образованным временным Комитетом Государственной Думы — Родзядко о дележе власти, и старался всячески задержать генерала Иванова. В это время царский поезд повернул на Псков, так как был распространён ложный слух, что толпа перерезала железнодорожные пути на Петроград [3].

Целью генерала Иванова, по его же собственным словам было «успокоение населения», путем обеспечения населения столицы продовольствием и углем. Это же подтверждение можно найти в сообщении Николая II Императрице от 27 февраля 1917 года: «К счастью, Алексеев спокоен, он считает, что необходимо назначить очень энергичного человека, чтобы заставить министров работать

для разрешения продовольственного, железнодорожного, угольного вопросов». Как видно из этого сообщения, царь не отдавал приказ расправляться с восставшими, он действительно думал что в Петрограде недостаток продовольствия, и именно этим вызваны волнения, но как было видно ранее никакого недостатка не было, революцию начали «сверху». При этом, сами генералы своими действиями допустили приход к власти в Петрограде революционных сил, так как затягивали выполнения приказов отданных Николаем 2. Именно из-за пассивности Ставки, еще остававшиеся верные Царю войска в Петрограде не получили подкрепления, и были 1 марта 1917 года распущены. Февральская революция завершилась победой революционных сил.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. В Петрограде на момент начала революции не было недостатка хлеба. Очереди за хлебом объяснялись недостатком печей.
2. Волнения рабочих в Петрограде было спровоцировано агитаторам, запустившими слух о недостатке хлеба.
3. Агрессивное настроение толпы создавали агитаторы среди ее членов, выкрикивающих антиправительственные лозунги.
4. Петроградский гарнизон, по большей части, на момент начала Февральской революции, был на стороне восставших.
5. Причинами по которым Петроградский гарнизон, по большей части, поддержал революции, были — моральное разложение основной части Петроградского гарнизона и действие среди частей гарнизона агитаторов.
6. Февральская революция закончилась успехом из-за нерешительности верный царскому режиму войск, не сумевших вовремя ввести войска в Петроград для подавления революции.

Список литературы:

1. Глобачев К.И. «Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения». Под ред. Перегудовой З.И. М, Российская политическая энциклопедия. 2009 г., — с. 50.
2. Генерал Кутепов «Первые дни революции в Петрограде» Сборник статей. Париж. 1934 г., — с. 65.
3. «Допрос генерала Иванова Н.И. Падение царского режима». Под ред. Щеголева П.Е. М.-Л. Т.5. 1926 г., с. 120.
4. Милюков П.Н. «Воспоминания». М., — 1990 г. — Т. 2., — с. 39.

4.2. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

РОЛЬ ИНЦИДЕНТА ВОКРУГ ИЗДАНИЯ ВОСПОМИНАНИЙ Д. ШУМУКА «ЗА СХИДНЫМ ОБРИЕМ» В РАЗРЫВЕ «СМОЛОСКИПА» И ОУН (М)

Омельковец Александр Ярославович

*аспирант, Институт археологии и источниковедения
имени М. Грушевского Национальной академии наук Украины,
Украина г. Киев*

E-mail: S_Hermelin@ukr.net

THE ROLE OF THE INCIDENT WITH THE PUBLICATION OF MEMOIRS D. SHUMUK "FOR THE EASTERN HORIZON" IN THE RUPTURE BETWEEN THE "SMOLOSKYP" AND OUN (M)

Omelkovets Alexandr

*post-graduate student,
M.S. Hrushevsky Institute of Ukrainian Archaeology and Source Studies,
The National Academy of Sciences of Ukraine,
Ukraine ,Kyiv*

АННОТАЦИЯ

В статье идет речь об инциденте в среде украинской националистической диаспоры вокруг печати издательством «Смолоскип» мемуаров диссидента Данилы Шумука, ставшем причиной нарастающей конфронтации между представителями Провода ОУН (м) и «Смолоскипа».

ABSTRACT

The article touches upon the incident among Ukrainian nationalist diaspora as to "Smoloskyp" Publishing House dissident Danylo Shumuk's memoirs that caused the growing confrontation between the Provid of the OUN(m) and "Smoloskyp".

Ключевые слова: издательство; мемуары; диссиденты.

Keywords: publishing house; memoirs, dissidents.

1970-ые годы для «Смолоскипа»¹ проходили в условиях нарастающей конфронтации с ОУН (м), причиной которой стали некоторые разногласия с ее Проводом в плане самостоятельной издательской деятельности «смолоскиповцев» и сбор компрометирующих материалов на руководителя «Смолоскипа» Осипа Зинкевича² генеральным судьей ОУН (м) Зиновием Кнышом³, сведенных им в целом обвинительное дело.

Главным упреком в адрес О. Зинкевича, имеющим содержание обвинения, был случай с изданием «Смолоскипом» книги воспоминаний Данилы Шумука⁴ «За схи́дным обрием»⁵, увидевшей свет в 1974 году не столько без ведома, как без цензурного согласия представителей Провода, в том виде, который был невыгоден мельниковцам [2]. Последние сами дали согласие передать право на издание книги «смолоскиповцам», а не «под фирмой» печатного органа ОУН (м) ««Украинское Слово», объясняя это тем, что ««Украинское Слово» явно признано органом Провода Украинских Националистов и не могло дополнительно отягощать захлаявных⁶ авторов» [2]. По-другому говоря, это можно объяснить передачей права печатать книгу, идеологически не соответствующую ОУН (м), организации, которая желает отделения от мельниковцев, чтобы в случае чего представить последствия как самовольные действия со стороны «Смолоскипа». З. Кныш в своей записке отмечает, что «все захлаявные материалы перед печатью должны быть прочитаны тремя людьми, в том числе Главой ПУН» [2]. Таким образом, воспоминания Д. Шумука перечитала комиссия в составе О. Штуль-Ждановича⁷, который после смерти в 1964 году Проводника ОУН А. Мельника, исполнял обязанности Главы ПУН, члена Провода ОУН (м) А. Жуковского⁸ и самого О. Зинкевича [2].

Весной 1973 г. З. Кныш получил «срочное письмо с просьбой перечитать книгу Шумука, пока она не выйдет в свет, так как есть основания подозревать, что ее подсунуло КГБ» [2]. Именно поэтому генеральный судья ОУН (м) извещает Главу ПУН О. Штуль-Ждановича о своем желании лично перечитать книгу «За схи́дным обрием». Для этого было создано заседание ПУН в Париже, однако О. Штуль-Жданович неожиданно назначает его на несколько недель позже после получения письма от З. Кныша. За это время воспоминания Д. Шумука успевают опубликовать и весь их тираж был передан О. Зинкевичу. Когда З. Кныш приехал на заседание ПУН,

ему было переданы только те экземпляры, которые были назначены для продажи в Европе, в частности в книжном магазине «Украинского Слова». За ночь перед заседанием Провода З. Кныш успевает ознакомиться с книгой Д. Шумука и сделать вывод, что «книга написана для того, чтобы подрезать престиж и авторитет не только ОУН, но и всего националистического движения, распространять приспособленчество и деморализовать членов ОУН» [2].

Сегодня имеются предположения, что после ареста Д. Шумука 15 января 1972 г. работниками госбезопасности была изъята рукопись воспоминаний, в последствии переработанных в Оперативно-техническом отделе КГБ и перенаправленных за границу контролируемым каналом [5]. В книге существенно «сгущались краски» вокруг конфронтации бандеровцев и мельниковцев, деятельность бандеровской СБ, методов борьбы повстанцев. Таким образом встает вопрос, почему комиссия из убежденных националистов: О. Штуль-Ждановича, А. Жуковского и О. Зинкевича даже не заподозрила подмены мемуаров Д. Шумука и без каких-либо возражений допустила книгу в печать. Можно лишь предположить, что отсутствие у комиссии сомнений по поводу содержания книги «За схидным обрием» было обосновано враждебным отношением всех троих к бандеровцам. Предисловие к книге, написанное О. Зинкевичем, З. Кныш назвал скандальным, из-за строчек, в которых было сказано, что воспоминания Д. Шумука «... будут указателем и вдохновением в борьбе за свободу для нашего народа» [6]. Действительно, в предисловии об этом шла речь, однако в самом конце его отмечалось, что: «В книге Д. Шумука некоторые приведенные рассказы об украинском освободительном движении во время второй мировой войны, а также выводы, сделанные из диалогов, не соответствуют исторической действительности. Все же мы оставили их без изменений, чтобы не нарушать оригинал рукописи и лучше понять, как говорили украинские политзаключенные, бывшие участники этого движения, о некоторых делах и событиях, как освещали их и воспринимали» [6]. Таким образом, О. Зинкевич обращает внимание читателей на субъективность воспоминаний Д. Шумука.

На заседании ПУН З. Кныш выступал за то, что книга может быть опубликована только при условии придания к ней критики в качестве вступительного слова и комментариев в примечаниях к сомнительной информации. Когда О. Штуль-Жданович сказал, что книга уже вышла в печать, З. Кныш продолжал настаивать на отдельном вступительном листке: «... решено, что Штуль сейчас же напишет Зинкевичу, чтобы тот воздержался от продажи

и кольпортажа⁹ книги, пока не придет упомянутая вставка к ней» [2]. О. Зинкевич отказался от каких-либо вставок и поправок, на которых настаивал З. Кныш, поэтому последний обратился к О. Штуль-Ждановичу с просьбой дать руководителю «Смолоскипа» письменный формальный приказ, опираясь на постановление заседания ПУН, но в связи с болезнью Главы ПУН никакого ответа не получил [2].

По свидетельству З. Кныша: «Книжка пошла в свет и принесла огромный вред ОУН. Ее восхваляли все, кроме националистов, подчеркивая, что Украина — против национализма и ссылаясь на официальное издание самого ПУН, через его трубу «Смолоскип». Книга вызвала также замешательство в рядах членства. Все волыняки — Шумук тоже волыняк — видели в книжке только те места, где он клеймил бандеровцев, прощая ему за это все остальные выступления против ОУН и пропаганду против национализма. Наступило разделение и долгие дискуссии, которые еще больше отдаляли нас от националистической идеологии» [2]. Вследствие этого З. Кныш и его сторонники начали видеть во всем случившемся вину непосредственно Главы ПУН О. Штуль-Ждановича, поскольку О. Зинкевич «действовал с ним сообща». На правах Главы Генерального Суда ОУН (м) З. Кныш начал требовать от О. Штуль-Ждановича «остановить кольпортаж и позже добавить в книгу вставку» [2], а также прислать ему копию письма, в котором О. Зинкевич отказывается выполнить указание Главы ПУН. Письмо вышло официально от Генерального Суда ОУН (м), что предвещало разбор дела руководителя «Смолоскипа» в партийном судебном порядке. Однако О. Штуль-Жданович на протяжении трех лет не присылал З. Кнышу востребованную тем копию письма к О. Зинкевичу, не взирая на угрозы и возможные обвинения в невыполнении обязанностей Главы ПУН [2]. 4 ноября 1977 г. О. Штуль-Жданович умер в Торонто, а инцидент связанный с книгой Д. Шумука остался поводом для дискуссий как внутри ОУН (м), так и между отдельными представителями ПУН и активистами «Смолоскипа», а также дальнейших обвинений З. Кныша в адрес О. Зинкевича. Можно предположить, что ситуация вокруг книги воспоминаний Д. Шумука «За схи́дним обрием», была выгодна генеральному судье ОУН (м) для эскалации конфликта с Главой ПУН О. Штуль-Ждановичем с целью смещения последнего с занимаемого им поста, и в этом деле «Смолоскип» сыграл роль «камня преткновения». Если книга Д. Шумука и была извращена КГБ ради провокации и внесения раздора в ряды украинских националистов, то вряд ли об этом было известно О. Зинкевичу и О. Штуль-Ждановичу. Безотлагательное

издание книги и последующий отказ О. Зинкевича выполнять приказы генерального судьи, были, скорее всего, связаны с настроенностью «смолоскиповцев» против любой цензуры сверху, ярким примером которой несмотря ни на что стали действия З. Кныша.

Но все же трудно не обратить внимание на аргументы, приведенные З. Кнышом в «Замечании к воспоминаниям Данилы Шумука», который должны были быть представлены на рассмотрение заседания ПУН 6—7 апреля 1974 года [1]. В этом документе З. Кныш едва не защищает О. Зинкевича от критики еще одного видного члена ОУН (м) Я. Гайваса¹⁰. Тот в своей записке датированной 29 марта 1974 г. призвал ПУН установить личность автора «За схидным обрием», пути передачи книги из УССР в «Смолоскип», а также обращал внимание на подозрительное содержание книги. З. Кныш осветил эти пункты перед Проводом следующим образом: «По отношению к первому и второму пункту мне трудно занять дефинитивную позицию, так как я об этом ничего не знаю. Кремень и Прут об этих вещах информированы куда лучше меня. А то, что их мнения относительно личности Шумука разные, то я могу сделать логичный вывод из этого: пригласить обоих на заседание ПУН, или хотя бы президиума ПУН, выслушать их аргументы, как положено Проводу Организации, и в дружеской атмосфере и чувстве общей ответственности прийти к каким либо выводам» [1]. Относительно содержания книги, по мнению З. Кныша, «не мог Кремень выразиться окончательно, ибо не имел возможности перечитать книжку и опирался только на основании слухов о ней в прессе и нескольких письменных информаций Прута» [1]. З. Кныш также сообщил ПУН о собственной некомпетентности в вопросе передачи книг из советской Украины в руки «смолоскиповцев»: «Об этом знаю лишь то, что узнал от Прута». Однако предположил, что «путь этот делится на два отрезка: первый — от автора или редактора захаявщины в Украине к личности, от которой получает рукопись высланец¹¹ «Смолоскипа», и второй — от момента пребывания рукописи в Украине к передаче его «Смолоскипу»» [1]. Что касается «первого отрезка», З. Кныш отказывается комментировать, признавая собственную неосведомленность в «добывании захаявной литературы», всецело передавая этот момент на рассмотрение членов Краевой Коллегии, «которая занимается этими делами много лет» [1]. Относительно «второго отрезка» — З. Кныш выражает абсолютное доверие версии О. Зинкевича, так как «нет причины этому не верить» [1], «раз он член ПУН и наш друг, занимающийся этими вещами долгое время» [1].

Сразу же привлекает внимание то, как отличалось «Замечание к воспоминаниям Данилы Шумука» от прямых обвинений из «дела Осипа Зинкевича», сфабрикованного З. Кньшом. В первом документе З. Кньш выступает с позиций миротворца, признает собственную некомпетентность, акцентируя внимание только на «пагубном» содержании изданной книги воспоминаний Д. Шумука. Генеральный судья не отрицает версии о подмене КГБ рукописи «За схидным обрием», однако не спешит откровенно обвинять в ее издании (как сотрудничестве с КГБ) О. Зинкевича и О. Штуль-Ждановича. Причиной этого могло быть нежелание З. Кньша разглашать скандальную информацию в широких кругах членов ОУН (м), чтобы этим не воспользовались политические оппоненты из бандеровского лагеря. Также могла иметь место личная антипатия к Я. Гайвасу, которого можно было представить в виде провокатора конфликта внутри организации. Не взирая на это, безоговорочным остается факт двуликости генерального судьи и его желание вести «двойную игру» сразу против нескольких человек — О. Зинкевича, О. Штуль-Ждановича и Я. Гайваса, предавая все этому легитимный характер через соглашение с ПУН. Остальной компромат, предназначенный для рассмотрения узким кругом членов Провода, содержал обвинения в адрес О. Зинкевича в пропаганде против ОУН (м), подрывной работе и разложению молодых мельниковцев, переманивании их на сторону «Смолоскипа» [3].

Последствием этой комбинации З. Кньша стало заявление О. Зинкевича на VIII Большом Сборе Украинских Националистов (ВЗУН) 30 ноября 1974 г., в котором руководитель «Смолоскипа» объявил о своем выходе из состава ПУН и фактическом разрыве между «Смолоскипом» и ОУН (м) [4].

Примечания:

1. «Смолоскип» — название журнала молодежи украинской диаспоры (с 1956 г.), издательства (с. 1967 г.), украинской информационной службы (с 1967 г.) и Организации в защиту прав человека в Украине (с 1970 г.). Руководитель — О. Зинкевич.

2. Зинкевич Осип Степанович (род. 4 января 1925 г.) — украинский диссидент, правозащитник, литературовед, издатель. Глава правления украинского независимого издательства «Смолоскип». Псевдонимы — Арей, Варнак, Прут.

3. Кньш Зиновий Михайлович (1906—1999) — украинский политический деятель, журналист, историк, переводчик. С 1940 г. — член Провода и секретариата ПУН. Занимал должности первого заместителя Главы ПУН и генерального судьи ОУН (м). Псевдонимы — Юрчук, Бук, Ренс, Богдан Михайлюк.

4. Шумук Данила Лаврентиевич (1914—2004) — диссидент, участник украинского движения сопротивления, член Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ) с 1932 г., узник польских концлагерей (1935—1939), в 1941 г. находился в немецком концлагере, сражался в рядах Украинской повстанческой армии (УПА) (1943—1944).
5. «За схи́дным обри́ем» [*За восточным горизонтом (укр.) — Авт.*].
6. «Захалявних» [*Самиздатовских (укр. диал.) — Авт.*].
7. Штуль-Жданович Олег (1917—1977) — украинский политический и военный деятель. В 1948—1977 гг. — главный редактор газеты ОУН (м) «Украинское Слово» (Париж). После смерти Проводника ОУН (м) Андрея Мельника в 1964 г. исполнил обязанности Главы ПУН. В 1965, 1970 и 1974 гг., соответственно, на VI, VII и VIII Больших Сборах Украинских Националистов (ВЗУН) был избран Главой ПУН. Псевдонимы — Шве́ц, Шуляк, Жданович.
8. Жуковский Аркадий Илларионович (род. 12 января 1922 г.) — украинский историк, общественный и политический деятель. Член ПУН. Псевдонимы — Гончар, Рогач, Кадык, Куценко, Куцый.
9. «Кольпортаж» [*Продажа в разнос (фр.) — Авт.*].
10. Гайвас Ярослав (1912—2004) — член краевой экзекутивы (исполнительного органа) ОУН (м), исполнительный секретарь Украинского конгрессового комитета Америки с 1950 г.
11. «Высланец» [*Агент (укр. диал.) — Авт.*].

Список литературы:

1. Архив ОУН в г. Киеве. — Россыпь. — Замечание к воспоминаниям Данила Шумука, в связи с запиской Кремня с дня 29 марта 1974 года, предложенной на заседание ПУН 6—7 апреля этого же года.
2. Архив ОУН в г. Киеве. Ф. 1. Оп. 2. Д. 309. Л. 6—10. Записка ч. 5. К делу Осипа Зинкевича. Печать книги Данилы Шумука.
3. Архив ОУН в г. Киеве. Ф. 1. Оп. 2. Д. 309. Л. 21—22. Записка ч. 11 (к делу Осипа Зинкевича). Деморализация членства.
4. Архив ОУН в г. Киеве. Ф. 1. Оп. 2. Д. 309. Л. 58—59. Заявление О. Зинкевича на 8-м ВЗУН.
5. Забілий Р. Як КГБ «дописував» спогади повстанців // Історична правда. 2011. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.istpravda.com.ua/columns/2011/03/15/31535/> (дата обращения: 12.10.2013).

ИСТОКИ ИСЛАМСКОГО ТЕРРОРИЗМА В ИНДИИ

Яковлев Александр Юрьевич

*канд. полит. наук, доцент ГУУ,
РФ, г. Москва*

Яковлев Пётр Юрьевич

*соискатель РУДН,
РФ, г. Москва
E-mail: kafedragimu@ro.ru*

ROOTS OF ISLAMIC TERRORISM IN INDIA

Alexander Yakovlev

*candidate of political sciences, associate professor
of State University of Management,
Russia, Moscow*

Petr Yakovlev

*applicant of Russian University Friendship on Nations,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена одной из острейших проблем в Индии, оказывающей серьезнейшее влияние на национальную безопасность страны.

ABSTRACT

This article is about one of the most serious problems in India which provides major influence on the national security.

Ключевые слова: Индия; исламизм; исламский терроризм.

Keywords: India; Islamism; Islamic terrorism.

Среди современных угроз миру первое принадлежит терроризму [1, с. 47—51; 4, с. 110]. Говоря о нем, мы довольно часто ассоциируем его с исламом или мусульманами. Почему это происходит и в чем причины этого, авторы попытаются

разобраться ниже. Хорошим примером для исследования заявленной темы служит Индия [4, с. 366—368; 6, с. 5—8].

К причинам, толкающим мусульман Индии на использование террористических средств борьбы можно отнести:

- отношение со стороны представителей других конфессий (преимущественно индусов) к религии пророка Мухаммада как к радикальной идеологии насилия и террора;
- отождествление мусульман либо с террористами, либо с их пособниками;
- противопоставление отсталой исламской цивилизации развитой светской демократии;
- навязывание мусульманам чуждых им ценностей;
- видение в приверженцах ислама второсортных граждан и закомплексованность значительной части уммы Индии;
- демонизация государственными и местными властями и СМИ мусульман и конструирование из них образа врага.

Разберем приведенные пункты более подробно. Но, забегаю чуть вперед предупредим, что многие выводы и приведенные аргументы окажутся не в пользу позиции, относящейся к исламу как к религии террора.

Концепция ислама с одной стороны крайне проста. В основу мусульманской веры, как и христианства, положена идея о всевышнем создателе и концепции посюстороннего (конечного) и потустороннего (вечного) миров. Если человек желает после смерти попасть в лучший мир, где ему уготовано спокойствие и блаженство, то ему необходимо следовать ряду принципов, представляющих собой столпы этой религии: шахада — символ веры; салат (саят) — молитва; закят (закят) — благотворительность; саум — пост; хадж — паломничество к святым местам.

Среди некоторой части богословов бытует мнение, что к этим базовым принципам необходимо прибавить еще 6-й — джихад. В переводе с арабского «джихад» означает усилие. Оно состоит в отдаче всех сил и возможностей ради распространения и торжества ислама. Первоначально под ним подразумевались защита и борьба за распространение религии пророка, в том числе и вооруженными методами. Во многом по этой причине джихад стал ассоциироваться со священной войной. Помимо джихада меча (или газавата), есть еще и джихад руки (применение дисциплинарных мер в отношении преступников и нарушителей нравственных норм), языка (повеление достойного одобрения и запрет порицаемого), сердца (борьба с собственными дурными наклонностями). Последние три пред-

ставляют духовный джихад, заключающийся во внутреннем самосовершенствовании на пути к Аллаху.

От описания постулатов веры перейдем к самим последователям пророка. Таковым можно назвать человека, признающего единого бога и живущего по добровольно принятому вероуставу всевышнего. Ислам, тем самым, представляет собой образ жизни правоверного, базирующийся на принципах, изложенных в Коране и хадисах пророка. Естественно кодекс поведения несколько коррелируется в зависимости от времени, географического положения и несет в себе этнические особенности, но базовые вещи, как правило, остаются неизменными.

Таким образом, как мы видим, в самом исламе не заложено никаких фундаментальных идей насилия и отождествление мусульман с террористами и их пособникам не совсем оправдано. Другой вопрос, в числе последователей Мухаммада есть радикально настроенные личности и отчасти с ними связано негативное восприятие мусульман. Среди них можно выделить улема Ахмада Таки ад-Дина Ибн Таймийя, прародителя ваххабизма Мухаммада Ибн Абд аль-Ваххаба, основателя египетской организации «Братья-мусульмане» Хасана аль-Банна и его приемника Сейида Кутба, их «коллегу» Абд ас-Салям Фарага, отца «Джамаат-и-Ислами» Абуль-Ала Маудуди, идеолога Аль-Каиды Айман Мухаммеда Рабие аз-Завахири и главного террориста Усаму бин Ладена.

Любая из форм проявления радикального ислама — искаженное толкование сути религии. Различные учение выделяют разное их число и дают им отличные друг от друга наименования. К «классическим» можно отнести исланизм, ваххабизм, салафизм и джихадизм. Целью всех вышеизложенных идеологий лежит построение всемирного халифата. Это решается через возвращение в лоно «истинного ислама», что может достигаться как мирным способом, так и через повсеместное введение законов шариата и истребления неверных и отступников.

Помимо обвинения в жестокости, мусульман часто отождествляют с отсталыми жителями планеты. Это отчасти обусловлено уровнем образования эмигрировавших из своих стран приверженцев ислама. Так, ежегодно в Индию в поисках лучшей жизни переселяются сотни тысяч наиболее обездоленных граждан соседних государств. Преимущественно из Бангладеш. Сталкиваясь с подобной категорией приезжих, коренные жители начинают причислять всех жителей этих стран к необразованным и малокультурным, а государства к отсталым. Но настоящее положение дел иное.

Также последователей Мухаммада причисляют к диким и отсталым жителям планеты. Одним из наиболее часто встречающихся аргументов приводится положение женщины в исламе. Индусы и иные немусульмане видят в представительнице слабого пола угнетенный субъект. Хотя это далеко не так. К женщине в исламе практикуется уважительное отношение, она воспринимается как продолжательница рода, мать, благородное создание, вверенное на сохранение.

Серьезным раздражающим фактором служит навязывание мусульманам чуждых им, якобы «универсальных ценностей». В виду экономической силы США и некоторые страны Европы активно насаждают культурные, нравственные, политические и иные атрибуты западной цивилизации. За последние десятилетия подобное серьезнейшее влияние было оказано и на Индию [9, с. 85—100].

В Индии, как и в других странах, где мусульмане составляют меньшинство, к ним относятся, если не как ко второсортным гражданам, то, по крайней мере, настороженно. Причин подобному положению дел много, остановимся на 2-х, имеющих исторические корни. Первая, миф о насильственном обращении представителей индуизма в ислам в период мусульманских завоеваний и правления Индией. Вторая, память о событиях 1947-1948 гг., связанных с разделом колонии и миллионах жертв.

Неприязнь к мусульманам дает о себе знать как на бытовом уровне, так в действиях государственных и муниципальных органов. Приверженцев ислама индусы крайне неохотно берут на работу, а если и делают это, то стараются выплачивать им меньшее вознаграждение, нежели одноверцам. Из преследователей пророка часто пытаются сделать «козлов отпущения», например, «повесив» на них нераскрытые уголовные дела. Это вызывает негодование уммы и ведет к межрелигиозным столкновениям и распрям.

Провокационные действия властей и отдельных индусов не всегда приводят к ответным действиям со стороны мусульман, тем более к террористическим. В противном случае, население страны не росло бы с такой силой. Причины терпимости отчасти кроются в индивидуальном страхе отдельных членов уммы Индии, а также в ее разобщенности [7, с. 107; 8, с. 284; 10, с. 307]. Индийские мусульмане — это потомки исторически проживавших на территории современной Индии, переселенцы из Бангладеш и Пакистана, новообращенные низкокастовые индусы и т. д. Они представляют собой разрозненную массу, порой говорящую даже на разных языках.

Ислам — общинная религия и каждый член уммы должен чувствовать свою причастность к ней, но у индийских мусульман эти связи практически отсутствуют, что значительно ослабляет умму.

Ислам является единственной религией в мире, доля приверженцев которой значительно выросла за предыдущие сто лет (с 13 до 19 %). При этом, в отличие от других религиозных коммун, в мусульманской не наблюдается значительного роста числа атеистов. Среди 5 стран мира с наибольшим числом мусульман, 3 относятся к Южной Азии — Индия, Пакистан и Бангладеш — 2, 3 и 4-е места соответственно.

Подводя итог под всем вышесказанным, стоит отметить, что авторы ни в коей мере не старались оправдать террор мусульман Индии. Задача стояла выявить истинные причины использования последователями пророка вооруженных методов борьбы и, как показал анализ, они несколько иные, нежели предполагает обыватель.

Список литературы:

1. Бебрис А.О. Национальная безопасность в Индии (теоретические аспекты) // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история, 2013, № 30.
2. Латфуллин Г.Р. Антитеррористический опыт Индии // Социально-гуманитарные знания, 2012, № 3.
3. Яковлев А.Ю. В поисках правой квалификации терроризма // Проблемы права, 2011, № 5.
4. Яковлев А.Ю. Глобальное и региональное противодействие терроризму (на примере ООН и СААРК) // Социально-гуманитарные знания, 2013, № 1.
5. Яковлев А.Ю. Индия. Террор во имя «социальной справедливости» // Азия и Африка сегодня, 2010, № 8.
6. Яковлев А.Ю. Индия: террор и антитеррор: Монография. М., 2012.
7. Яковлев А.Ю. Кашмир, региональная безопасность и индо-пакистанские отношения // *Ars administrandi*, 2011, № 4.
8. Яковлев А.Ю. Кашмирский тупик: политика и право // Социально-гуманитарные знания, 2011, № 4.
9. Яковлев А.Ю. Системные сбои в государственном управлении и их последствия: исследование вопроса на примере Индии // *Ars administrandi*, 2012, № 1.
10. Яковлев А.Ю. Этнос и политика в Индии // Социально-гуманитарные знания, 2011, № 1.

4.3. ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ, АРХИВОВЕДЕНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ АРХИВНОГО ДЕЛА В РОССИИ: К 135-ЛЕТИЮ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ ПРИ КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Шамсутдинова Римма Габдархаковна

*канд. ист. наук, доцент кафедры исторического образования
Института истории и международных отношений
Казанского федерального университета,
РФ, Республика Татарстан, Казань
E-mail: rimgab2012@gmail.com*

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN ARCHIVING: ON THE OCCASION OF 135TH ANNIVERSARY OF THE SOCIETY OF ARCHAEOLOGY, HISTORY AND ETHNOGRAPHY AT KAZAN UNIVERSITY

Rimma Shamsutdinova

*candidate of Historical Sciences, associate professor of Division
of Historical education, Institute of International Relations,
History and Oriental Studies, Kazan Federal University,
Russia, Republic of Tatarstan, Kazan*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается деятельность Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете в деле сохранения архивного наследия. В качестве хронологических рамок взят период конца XIX — начала XX веков. Научные общества в это время, как в центре, так и на местах (в лице Общества археологии, истории и этнографии), разрабатывая те или иные архивные комплексы, ставили во главу угла, прежде всего, их научную значимость. Для последующего — советского этапа отечественной истории, будет характерен, главным образом, практический утилитаризм.

ABSTRACT

The article considers the activity of the Society of Archaeology, History and Ethnography at Kazan University in preserving the archival heritage from the end of the 19th century to the beginning of 20th century. Dealing with different archival collections learned societies of that time (namely the Society of Archaeology, History and Ethnography) both in the city and in province paid special attention to the academic significance of the collections. Mainly practical utilitarianism is typical of the later Soviet stage of Russian history.

Ключевые слова: архивное наследие; научные общества; деятельность Общества археологии; истории и этнографии при Казанском университете.

Keywords: archival heritage; learned societies; activity of the Society of Archaeology; History and Ethnography at Kazan University.

В 2013 г. исполнилось 135 лет со дня открытия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, созданного на основании решения 4-го Археологического съезда. Целью его являлась координация деятельности ученых, занимавшихся изучением истории, археологии и этнографии народов Волго-Уральского региона, а также Сибири и Средней Азии. В 1929 г. прекратило существование, в 1963—1965 гг. были попытки восстановления. В настоящей статье рассказывается о том, что же конкретно было сделано этим научно-историческим обществом с ярко выраженной региональной проблематикой исследований по спасению архивного наследия.

Из дореволюционных периодических изданий Казанской губернии, где затрагивалась архивная проблематика, бесспорно, главенствующее положение занимают «Известия Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском университете». В «Известиях» помещались исследования, посвященные, преимущественно, дисциплинам, обозначенным в названии Общества [24, с. 180]. Отсутствие подготовительных материалов и черновых вариантов к этим довольно сухим, лаконичным материалам, эпизодичность обращения к архивной проблематике не позволяют в должной мере проследить направление и характер деятельности Общества в этой области в его динамике и конкретике. Также очень краткими были и сообщения по архивоведческой тематике, перепечатававшиеся из изданий столичных исторических учреждений и обществ. Тем не менее, «Известия», выходявшие с конца 70-х гг. XIX в.

по первую четверть XX в., являются, по существу, единственным источником, позволяющим характеризовать деятельность ОАИЭ на архивном поприще.

Возникшее при Казанском университете в 1878 г. Общество археологии, истории и этнографии «... имеет целью изучение прошедшего и настоящего русского и инородческого населения в территории бывших Булгаро-Хазарского и Казанско-Астраханского ханств. С этой целью Общество отыскивает и приводит в известность собранные уже сведения и материалы археологические, исторические и этнографические, хранящиеся в местных собраниях и у частных лиц, рассматривает их, оценивает и решает, какое может быть сделано из них употребление для науки» [6, с. 7]. При Обществе постепенно создаются археологический и этнографический музеи, библиотека печатных книг и архив рукописей и актов. В этом отношении есть очень много сходного с деятельностью губернских ученых архивных комиссий, которые, появившись в России после 1885 г., также, кроме прочего, организовывали библиотеки и музеи, занимались сбором этнографического материала, проводили археологические раскопки. Таким образом, они были своеобразными культурными центрами на местах, способствовали распространению исторических знаний. Если же говорить об особенностях деятельности Казанского Общества археологии, истории и этнографии, то следует подчеркнуть два принципиально важных момента. Во-первых, многие его начинания, как и некоторых других научных обществ Казани, носят слишком академический характер. Сложность ситуации заключается в том, что никакие инициативы, предложения, проекты нежизнеспособны, если не находят поддержки в обществе, если не подкрепляются общественной инициативой, которая в Казанской губернии в конце XIX — начале XX вв., к сожалению, не отличалась особой активностью. Данный факт подтверждают многие современники тех лет. Например, Н.М. Петровский сетовал на то, что первая частная газета в Казани «Справочный листок города Казани» [1, с. 319] появилась лишь в 1867 г. Эта дата, по его словам, показывала — так называемая столица Поволжья отставала в развитии периодической печати не только от столиц, но и от таких поволжских городов как Астрахань, Нижний Новгород, Самара, где частные газеты были уже давно. Главную причину столь странного обстоятельства — отсутствие частной независимой газеты в университетском, очень важном в промышленном и торговом отношении городе, «центре многих отраслей администрации» он видел в слабости общественной инициативы. Отличаясь многими достоинствами, Казань выделялась

и «... более чем где-либо заметной разьединенностью общества, равнодушием к общественным интересам, даже к развитию» [5, с. 1—20]. Понятно, что при этих обстоятельствах трудно ожидать значительного успеха в деле распространения исторических знаний уповая только на высокий авторитет академической науки. Нужно было «вынести научный интерес за пределы тесного круга специалистов и приобщать к нему широкую массу» [21, с. 1—2], которой, в свою очередь, требовалось настойчиво и терпеливо внушать полезность изучения прошлого и настоящего в самых разнообразных их проявлениях. Научно-популярные издания и просветительские лекции (и не только к юбилейным датам) могли бы многое изменить, правда, не сразу, в отношении общественности Казани к собственной истории. Особенно много нужно было постараться для популяризации архивного наследия, которое считалось тогда наименее интересным и еще менее того заслуживающим сохранения. Но здесь мы сталкиваемся со второй особенностью деятельности Казанского Общества археологии, истории и этнографии, наряду с отмеченной уже выше академичностью. В качестве одной из главных задач Общества было также и «... принятие особенных мер к приведению в известность и сохранению старинных рукописей, хранящихся в разных более или менее официальных архивах и у частных лиц» [27, с. 23]. А это значит, что основной упор будет делаться не на систематический охват архивного материала, а на выборочный, коллекционерский подход, когда самыми ценными будут считаться т. н. «старинные рукописи». Данное отношение к документальному наследию было чрезвычайно характерным для дореволюционного архивоведения. И.Л. Маяковский объяснял это невыработанностью научного взгляда на архивное дело, когда «в архивном обиходе отсутствовали точно установленные грани архивного дела» [16, с. 15]. Все это приводило к тому, что существовало совершенно искусственное в архивном смысле обособление т. н. «древних актов» от дел XVIII—XIX вв. И как следствие явилось следующее положение вещей: «бюрократия не ценила старых дел и кое-как заботилась лишь о позднейших делах, нужных для ведомственных справок; архивные же деятели, наоборот, ценили зачастую лишь «старые акты», не особенно заботясь о сохранении позднейших дел». Т. е., другими словами, в отличие от научных кружков, которые рассматривали документальные материалы с точки зрения их научно-исторической значимости, архивы (ведомственные) на первое место выдвигали не научную, а практическую ценность документальных материалов [16, с. 13].

Подобная разъединенность, нескоординированность действий была не последней причиной «архивного нестроения» в России.

Другой негативный момент, омрачавший рассказ о действительно подвижнической деятельности историков-архивистов конца XIX — начала XX вв., связан уже с самим процессом определения научно-исторической значимости тех или иных архивных собраний. Начать следует с того, что новейшая история в глазах историков дореволюционной России не являлась наукой в строгом смысле этого слова и поэтому все документальные материалы этого периода выпадали из поля зрения исследователей. Иногда, правда, бывали исключения, но они были, во-первых, довольно редки, а, во-вторых, интерес к недавним событиям был фрагментарным — либо связывался с биографией ученого мужа или государственного деятеля, отошедших в мир иной или же это было следствием прямого государственного заказа. Далее, сам процесс определения значимости того или иного комплекса документов имел, во многом, субъективную окраску, когда, скажем, тот или иной архивный материал не рассматривался и не разрабатывался только потому, что не нашлось ученого, способного увидеть и оценить его значимость или же не было на подходе очередной круглой даты или громкого юбилея. До тех пор, пока главным, превалирующим оставался «интерес исследователя, внутренне свободный в путях искания истины и не связанный какими-либо внешними обязательными условиями использования того или другого материала» [21, с. 6] говорить о полном охвате архивного наследия, к сожалению, не приходилось. И, наконец, если затронуть непосредственную работу с архивными документами, то для рассматриваемого периода опять же очень характерным было явление, когда, говоря словами известного русского историка и архивиста Н.В. Калачова «... При своих знаниях архивист может приобрести гораздо больше славы, и даже материальное вознаграждение за свои исследования, легче печатать памятники, нежели составлять им описания или реестры» [16, с. 12].

Все сказанное выше не имеет целью принизить как в целом достижения дореволюционного архивоведения, так и усилия научных и общественных кругов по спасению архивного наследия в частности. Нет и безоговорочного преклонения только перед авторитетом государственных структур в этом деле, как это могло бы показаться. До появления декрета от 1 июня 1918 г. было сделано очень многое — от создания научно-методической основы для реорганизации архивного дела до элементарного спасения архивных комплексов, пусть даже это и было в таких несовершенных в архивном смысле

формах как создание коллекций или выборочная публикация тех или иных раритетов.

Что же конкретно было сделано Казанским Обществом археологии, истории и этнографии на архивном поприще? Как и было отмечено выше, работа велась главным образом в одном направлении — составление своего рода коллекции из рукописей, которые могли бы представлять «известный исторический или этнографический интерес». Выделим сразу же главные особенности этой деятельности. Во-первых, в ней принимал участие довольно широкий круг сотрудников Общества, независимо от их научной специализации или вида основной службы, что, естественно, определяло как качество представляемых письменных источников с историкоисследовательской точки зрения, так и широкий разброс тем. Во-вторых, Общество существовало долгое время преимущественно на частные пожертвования и взносы сотрудников, лишь значительно позже стали выделяться государственные субсидии в поддержку некоторым его начинаниям (причем по архивной проблематике от этих сумм никогда ничего не перепало). Таким образом, если бы и возникло желание сделать нечто большее, чем составление коллекции из письменных исторических источников, то на это просто не хватило бы ни материальных, ни физических возможностей, ведь даже сам архив Общества археологии, истории и этнографии располагался в одной единственной комнате самого верхнего этажа главного университетского корпуса, которая, к тому же, не могла похвалиться обилием света и тепла [2, с. 150—151]. И, наконец, отсутствие четко выработанного плана или общей, направляющей темы в археографических изысканиях придавало этой деятельности Общества некий дилетантский характер.

Например, достаточно случайным было посещение одним из членов ОАИЭ Д.А. Корсаковым летом 1877 г. архива Казанского Губернского Правления, где он пытался найти какие-нибудь данные по одному из пунктов программы Четвертого Археологического съезда, который звучал таким образом: «Какие рукописи, дела, акты и грамоты в местных собраниях и архивах Казанской губернии могут служить источниками для истории Казанского края?» Как оказалось — никакие, т. к. старый архив Казанского Губернского Правления погиб в огне пожара 1815 г., а поступавшие затем бумаги продавались, по миновании в них надобности, на вес. Не найдя ничего интересного по программе съезда (самые старые дела в этом архиве относились к 1832 г), ученый обнаружил то, что, пожалуй, и не думал найти. В особом ковчеге, приспособленном в данном случае не для хранения

богослужебных предметов, содержались четыре книги в зеленом бархате, три из которых заключали в себе указы и рескрипты императоров и императриц к Казанским губернаторам начиная с 1714 г., а четвертая — гербы городов Казанской губернии, составленные, как полагал Д.А. Корсаков, при учреждении здесь наместничества в царствование Екатерины II [7, с. 103]. Практической значимости эти документы, естественно, уже не представляли и находились в Губернском Правлении только потому, что другого хранилища для них просто не существовало. После Февральской революции, когда рескрипты и указы с подписями особ царствовавшего дома потеряли свой священный ореол, они, с разрешения Губернского Комиссара были переданы в отдел редкостей университетской библиотеки.

Некоторым проектам Общества по изучению тех или иных архивных собраний суждено было сбыться лишь много времени спустя, как это и случилось с обследованием церковных архивов Казанской епархии. Для казанских историков они были своего рода *terra incognita*. Все знали, что в большинстве случаев эти архивы очень плохо сохраняются, следствием чего и была, по воспоминаниям современников, их массовая гибель. Все также примерно представляли, что в них «... по всей вероятности заключаются более или менее ценные материалы для истории местного края» [4, с. 34—35], но практических шагов к их сохранению и изучению так и не было сделано. Поэтому с большим вниманием, надо полагать, были выслушаны предложение одного из сотрудников Общества археологии, истории и этнографии Х.И. Износкова, высказанные им на заседании от 20 июня 1878 г., где он призвал обратиться к архиепископу Казанскому и Свяжскому с просьбой дать предписание приходским священникам, разрешавшее сотрудникам Общества доступ к архивам вверенных им церквей. Кроме того, это же предписание должно было «... позволять приходским священникам по собственному побуждению препровождать на непродолжительное время для рассмотрения Общества те архивные материалы, которые могут представить известный исторический или этнографический интерес» [4, с. 34—35]. Все выше перечисленное было с интересом выслушано, но и ни более того. Ни в протоколах самого Общества, ни в литературе нет никаких сведений о дальнейшей судьбе этого, безусловно, жизненно важного мероприятия. Может быть, ситуации была бы несколько иной, если бы архиепископ не полагался на «собственное побуждение» своих подчиненных, а строго предписал бы выполнить все о чем просили его ученые.

Или же здесь было гораздо сложнее — церковные и светские власти не смогли прийти к обоюдовыгодному согласию? Как бы то ни было, только в 1915 г. Казанское церковно-археологическое общество предпринимает широкомасштабное обследование всех архивов Казанской губернии, а главным образом церковных, волостных и монастырских для уже давно запланированного историко-статистического описания церквей и приходов Казанского уезда.

Если работа со всем огромным массивом архивов церковью Казанской епархии Обществу была совершенно не под силу, то коллекционирование рукописей богословского содержания или же изыскания в отдельных, чем то особенно приглянувшихся архивах тех или иных церквей, было вполне возможным. Весьма примечательным в этом отношении, к примеру, было посещение одного из сотрудников Общества — П.Д. Шестакова — архива Елабужского Духовного Правления в 1879 г. с целью выяснения причин крайне медленного обращения инородцев в православие. Работая с документами архива, из которого почему-то бесследно исчезли целые связки дел за отдельные годы XVIII века, тот пришел к неутешительному для церковных иерархов выводу — виноваты были сами духовные пастыри, которые не гнушались отбирать у уже новокрещенных скот, хлеб и вообще всячески притеснять их. А уж беспробудное, безмерно раздольное пьянство большинства священников и вовсе не прибавляло им святости. Видя такое поведение духовенства и мирское начальство и православные народные массы тоже, в свою очередь, начинали обижать тех, кто, вроде бы, был теперь вместе с ними одной веры [8, с. 88, 155].

Архив Общества археологии, истории и этнографии в разные годы пополнялся весьма интересными документами. Так, к примеру, известнейший казанский коллекционер, почетный член Казанского университета и член-учредитель ОАИЭ Григорий Иванович Мешков пожертвовал Обществу целую серию примечательных материалов — здесь были и автографы М.М. Сперанского и особ, принадлежавших к царствующей династии: Николая Павловича, его брата Великого князя Михаила Павловича от 1826 г., двадцать два автографа Александра II, относившихся к 40-м гг. XIX века, в бытность его наследником престола, официально засвидетельствованная копия с формулярного списка о службе Александра II в то время, когда он был Великим князем и командовал гвардейским корпусом [17, с. 9]. Были случаи, хотя, и не столь частые, когда в архив попадали и свидетельства недавнего прошлого, а не только «седой древности». Это были, во-первых, документы личного происхождения —

дневники, воспоминания, рукописи с научными изысканиями самих членов Общества археологии, истории и этнографии и даже автобиография, которую преподнес Обществу в 1878 г. тот же Г.И. Мешков. Он же подарил «собственного своего сочинения» два любопытных документа — «Воспоминания современника о Высочайшем посещении г. Пензы Государем Императором Александром Павловичем в 1824 г.» и «Краткую записку о Высочайшем в 1836 г. пребывании блаженной памяти Государя Императора Николая Павловича в г. Пензе и Чембаре» [14, с. 45]. Во-вторых, что было очень редко, это были документы, которые тем или иным ведомствам для практических нужд уже не требовались, но которые были нужны Обществу, т. к. могли представлять определенный «исторический или этнографический интерес». Например, в 1881 г. от Казанской Губернской по крестьянским делам присутствия было доставлено до 190 книг и дел одного из волостных правлений Царевококшайского уезда. Эти дела, отобранные Советом Общества по специальной описи, могли многое рассказать об особенностях деятельности органов крестьянского самоуправления [17, с. 10].

Но все же больший интерес проявлялся не к новейшей истории, но к дням минувшим, пусть даже и не родного края. К примеру, в 1879 г. Нижегородский Статистический комитет соглашался предоставить Казанскому Обществу археологии, истории и этнографии старинные акты XVII—XVIII вв., хранившиеся до того в Нижегородской гимназии. В том же году последовало обращение к Пензенскому губернатору с ходатайством о препровождении в Общество для рассмотрения и снятия копии с рукописи конца XVII в., которая представляла из себя «... книгу строения г. Пензы» [18, с. 45]. Подобное внимание к истории соседних регионов объясняется не только широкими научно-исследовательскими задачами и целями, которые поставило перед собой Общество, но и убежденностью, что «старых дел» в Казанской губернии чрезвычайно мало, а именно они, как мы помним, составляли тот комплекс документов, которые нужно было разыскивать и сохранять в первую очередь.

Что касательно до поиска письменных источников для изучения Казанского края в его прошлом и настоящем, то исследователям в данном случае могло помочь как собственное упорство, так и обыкновенное везение. Превратности судьбы имеет в виду деятельный участник ОАИЭ С.М. Шпилевский когда говорит о том, что важные рукописные материалы по истории Казанского края можно было найти и в таких учреждениях, от которых этого ожидать было трудно. В качестве примера он приводит тот случай, когда профессор

Московского университета А.С. Павлов сообщил ему о том, что в библиотеке С. Петербургской духовной академии хранилось составленное в XVIII в. «Историческое описание Казанской губернии» с картой [26, с. 24]. Но здесь, наверное, также сыграло существенную роль и другое — фактор личных связей между учеными разных вузов. Причем эти связи иногда простирались далеко за пределы Российской империи. К примеру, профессор Н.М. Петровский на одном из весенних заседаний Общества археологии, истории и этнографии 1914 года зачитал письмо профессора Венского университета доктора К. Иренчека о найденной на о. Хваре итальянской рукописной карте Каспийского моря, составленной в 1520—1560 гг. [20, с. 22]

При пессимизме по отношению к архивным собраниям Казанской губернии особое внимание учеными Общества археологии, истории и этнографии уделялось работе в столичных архивах. Но и там удача редко давалась без упорного и тяжелого труда. Вот как образно об этом рассказывает один из иногородних членов Общества, преподаватель Духовного училища г. Задонска Воронежской губернии С.Н. Введенский: «Всякий раз, когда я готовлюсь к обычной летней поездке в московские архивы, мне приходят на память слова М.Е. Салтыкова-Щедрина о том, что летом наши столицы пустеют и населяются только толпами радимичей, вятичей и дулебов... прибывающих из разных уголков России и имеющих дело с пылью... это те провинциальные труженики исторической науки, преимущественно из мира педагогического, которые добровольно лишают себя летнего отдыха для того, чтобы на досуге порыться в «хронологической пыли бытописания земли» [9, с. 1—4]. Наиболее сносные условия для работы, по словам С.Н. Введенского, были созданы в двух московских министерских архивах — юстиции и иностранных дел. Однако даже в них большими препятствиями, «терниями» на пути провинциальных ученых являлись как ограниченные часы для занятий (с 11 до 3 ч. дня), так и описи, давно и очень плохо составленные. Исследователь, промучившись над этими «памятниками подневольных работ «архивных юношей», потом с немалым трудом отыскивал сами рукописи, при этом читал много ненужного и лишь изредка делал желанные находки.

Одним из самых заметных мероприятий Общества археологии, истории и этнографии по публикации документов явилось издание юбилейного сборника статей, посвященного 350-летию (1552—1902 гг.) присоединения Казани к Русскому централизованному государству. В сборник вошли следующие материалы — «Древние грамоты и разные документы (материалы по истории Казанской епархии)» под редакцией

протоиерея Е.А. Малова, «Список алфавитный Казанской провинции дворянам и прочим владельцам (1771—1773 гг.)», «Документы, касающиеся открытия Казанского наместничества (1780—1783 гг.)». Под редакцией Д.А. Корсакова в 1908 г. выходят «Сборник материалов по истории Казанского края в XVIII в.» Сюда также были включены документы, касающиеся открытия, первых лет существования Казанского наместничества, статические данные за 1781—1782 гг. не только о губернском городе Казани с его уездом, но и о 12 уездных городах губернии с их уездами и многое другое [13].

Что же касается источников по истории татарского народа, то и в этом направлении членами Общества велись самые активные работы. С.М. Шпилевским были собраны и интерпретированы все известные к тому времени татарские рукописи и устные предания о возникновении Старой Казани после разрушения г. Булгара [28]. В 1906 г. другой сотрудник Общества, крупный специалист в области тюркской филологии и истории Н.Ф. Катанов впервые на русском языке издал главу из такого важнейшего исторического источника как «Дафтар — и Чингиз-намэ» [23 с. 155]. Разыскивались также частные татарские архивы, однако, с гораздо меньшим энтузиазмом, т. к. большинство ученых Казани, по-видимому, были согласны с категорическим утверждением С.М. Шпилевского об отсутствии «... оснований ожидать от Татар каких-нибудь новых важных источников» [28].

После всего выше описанного, думается, ясно что, на архивном поприще Казанское Общество археологии, истории и этнографии свою главную задачу видело, прежде всего, в собирании, научном изучении и выборочной публикации материалов, имевших определенный «исторический или этнографический интерес». И оно, надо это отметить, добилось определенных успехов в этом отношении. К началу XX века Общество успело собрать довольно обширную коллекцию документов, «составленную исключительно путем частных пожертвований» [2, с. 150—151]. Но вот вопрос — неужели это все, что можно было сделать? Понимали ли члены Общества острую необходимость осуществления реорганизации архивного дела в России в целом и хотели ли предпринять нечто большее для сохранения всего архивного наследия Казанской губернии, в частности? Вопросы, конечно, риторические, т. к. тревога по поводу «печального положения архивного дела в России» была общей, разделяли ее и казанские ученые. О стабильности интереса к архивной проблематике со стороны научной общественности Казани свидетельствуют также следующие факты. При отсутствии в России единого архивного

законодательства, при взаимной противоречивости, устарелости и неполноте существовавших ведомственных положений об архивах огромное значение имела деятельность губернских ученых архивных комиссий, напомним, единственных общественных учреждений, на которые правительством официально была возложена забота об охране и собирании, в том числе и архивных материалов. Единого руководства их деятельностью не существовало, до всего им приходилось доходить самим и поэтому большое значение приобретал обмен опытом. Благоприятный повод к этому давали археологические съезды (всего их было проведено пятнадцать). В работе некоторые из них принимали участие и делегаты от Казанского Общества археологии, истории и этнографии. Например, VII съезд, проходивший в Ярославле (1890 г.), на котором делегат от Общества Д.А. Корсаков выступил с сообщением об источниках по истории Ярославского края, был отмечен тем, что здесь по архивной тематике обсуждались следующие важные вопросы: какие документы подлежат хранению и какими критериями пользоваться при разборе архивов, как возбудить интерес интеллигенции к работе губернских ученых архивных комиссий и как поддерживать связь между комиссиями [3, с. 99].

В истории архивного дела в России особое место принадлежит XI (Киев, 1899) и XII (Харьков, 1902 г.) археологическим съездам. С ними связана наиболее активная попытка исторической общественности воздействовать на правительство в направлении централизации архивов. Дело в том, что именно на них выступил со своими проектами реформ выдающийся отечественный архивист Д.Я. Самоквасов и очень важно, что Казанское Общество археологии, истории и этнографии узнало об этом не понаслышке и не из публикаций в прессе и научной литературе, а непосредственно от своих делегатов, присутствовавших на этих съездах. Немаловажное значение имел также III областной историко-археологический съезд во Владимире, проходивший в июне 1906 г. По словам делегата от Общества, преподавателя 1-й мужской гимназии Казани Н.К. Горталова, особенно запомнилось ему выступление Л.М. Савелова о семейных архивах — он произвел на слушателей большое впечатление: «... это был вопль наболевшей души, вызванный заботами об охране семейных архивов в нынешнее время, когда народные волнения и поджоги помещичьих усадеб угрожают истреблением ценным историческим материалам» [10, с. 285].

Далее, у Общества были налажены связи с Тверской, Рязанской, Симбирской, Нижегородской, Тамбовской учеными архивными

комиссиями. Последняя даже предложила совместно организовать в феврале 1902 г. областной археологический съезд ученых архивных комиссий средней полосы России. Библиотека Общества пополнялась изданиями Московского главного архива Минюста, Сенатского архива, Тверской ученой архивной комиссии и т. д.

И, конечно, необходимо отметить то, что на страницах самого периодического издания Общества — «Известий Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», — были опубликованы те немногочисленные знаки внимания как со стороны столичных исторических учреждений и обществ, так и правительства к проблеме «архивного нестроения» в России. Случаи эти, действительно, были нечастыми и поэтому заслуживают более подробного рассказа. В 1898 г. Археографическая комиссия, учрежденная для собирания сведений и изучения состава архивов, и состоявшая при Императорском Московском археологическом обществе печатает на страницах «Известий...» своего рода программу для собирания сведений об архивах. О каких же именно архивах шла речь? Напомним, что российские архивы конца XIX века можно было распределить на три группы. К первой группе относились архивы и древлехранилища, устроенные правительством или разного рода учреждениями специально для научных целей. Такими являлись большинство столичных архивов, собрания рукописей при музеях и библиотеках. Все они имели специально подготовленных сотрудников, занятых изучением состава рукописей и их изданием. Эти архивы были доступны для научных занятий широкой публики. Ко второй группе принадлежали собрания документов частных лиц (коллекционеров, частные архивы и проч.). Ну, а третью группу образовывали также архивы различных правительственных учреждений, но только без каких-либо научных целей. Это были, например, губернские архивы, областные, епархиальные, архивы при дворянских депутатских собраниях, казенных и судебных палатах, архивы городских дум и т. д. По действовавшему тогда законодательству в этих архивах хранились документы, необходимые для справок по текущим делам. Время шло и уже многие из этих документов представляли ценность больше в научном отношении, нежели в практическом. Особую группу составляли собрания разного рода рукописей при монастырях, церквях и духовных учебных заведениях. Археографическая комиссия в данном случае была озабочена сохранением и, как это было обозначено в программе — «...приведением в известность для исторической науки частных и справочных при казенных учреждениях архивов». Обращение при этом шло

к провинциальным ученым, дворянам, имевшим семейные архивы, к священникам и учителям, словом, ко всем лицам, располагавшим сведениями об этих архивах. Что же интересовало в первую очередь? По словам составителей программы «для целей науки» важными были, прежде всего, сведения о «... разного рода рукописных памятниках независимо от времени их написания: о рукописных богослужебных книгах, летописях, житиях святых, сборниках, грамотах и переписке правительственных и частных лиц... вообще о памятниках бытового, экономического, литературного, родословного, политического, военного и проч. Характеров» [11, с. 590—592]. При этом очень было бы желательно наличие подробных сопроводительных справок, где должны были быть ответы на целый ряд вопросов: кому принадлежал архив, где находился (адрес), какие именно рукописи, перечень, каталог или общий обзор содержания того или иного архивного собрания. Если не было возможности самим провести столь тщательное обследование архивов, Археографическая комиссия предлагала присылать документы для просмотра и описания в Московское археологическое общество, которое брало на себя даже обратную пересылку материалов. Все сделанное ни в коем случае не должно было пропасть даром — результаты описаний архивов, копии с особо интересных документов и отчеты о присланных для просмотра рукописях планировалось поместить в «Трудах Археографической комиссии». С сожалением вынуждены отметить, что на это, по существу, приглашение к сотрудничеству, Казань, по всей видимости, не ответила. Быть может члены Общества археологии, истории и этнографии считали, что вот именно рукописными «памятниками» Казанская губерния уж особенно не богата, все более и менее ценные документы по истории Казанского края давным-давно известны, а посему не стоит утруждаться. Стоит лишь принять все это к сведению, да и к тому же совсем неплохо иметь на руках авторитетный призыв столичного научного общества для воздействия на местных хранителей или владельцев тех или иных архивных материалов, с тем, чтобы они сами, без затрат со стороны Общества, побеспокоились о их целостности и «приведении в известность для науки».

Как бы то ни было, без комментариев со стороны Общества осталось и другое сообщение, перепечатанное из Санкт-Петербургского «Северного Курьера» за 1900 (№ 338) и посвященное «составу комиссии для разбора и уничтожения архивных дел уездных полицейских управлений». В этой совсем коротенькой заметке правительствующий Сенат отвечая на вопрос, возбужденный Минис-

терством внутренних дел разъяснял, что «комиссии эти должны были составляться из представителей губернской администрации того или иного учреждения, дела которого подлежат разбору и уничтожению, и по одному из представителей от ведомств судебного и народного просвещения, а также от ученых архивных комиссий и обществ в тех городах, где таковые имеются» [12, с. С. 81].

После этого наступает довольно длительный перерыв, вновь архивная проблематика была более конкретно затронута только лишь в 1912 г., когда, во-первых, представитель от Общества должен был участвовать в деятельности специальной комиссии, работавшей при архиве Губернского правления «...на предмет выделения дел и документов, заключающих в себе данные о минувшей военной старине и передаче их на хранение в военный архив».

Во-вторых, в том же 1912 г. Обществу было предложено, наряду с другими его действиями по изучению как отечественной истории в целом, так и местного края в частности, споспешествовать также и поддержанию архивного дела в Казанской губернии на должной высоте. Инициатива на этот раз исходила от Особой комиссии при Императорском Русском историческом обществе, возникновение которой в 1911 г. довольно интересно. Дело в том, что император Николай II на годовичном собрании этого общества 18 марта 1911 г. повелевает ему обсудить меры к сохранению местных архивных материалов, выработанные предположения следовало представить ему лично. Причина столь неожиданного внимания к архивному наследию, должно быть, объяснялась приготовлениями к предстоящему празднованию 300-летия династии Романовых. Результатом долгих размышлений и была идея создания выше названной Особой комиссии, положение о которой было утверждено Советом Министров 19 февраля 1912 года. Обязанности этой комиссии заключались в следующем: 1) приведение в ясность положения местных архивов и находящихся в них исторических материалов; 2) разработка мер к сохранению тех исторических документов, которые нуждались в охране [19, с. 10]. В процессе своей деятельности комиссии нужно было вступать в непосредственные сношения для получения необходимых сведений о местных архивных собраниях, существовавшими тогда в России губернскими учеными архивными комиссиями, там же, где их не было — с археологическими обществами или другими учреждениями, занимавшимися изучением и сохранением исторических документов. Что же касается Казанской губернии, то в понимании Русского исторического общества работу по сохранению местных архивов должно было, естественно, проводить

Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, к которому и последовал соответствующий запрос, обсужденный на заседании Общества 15 марта 1912 г. В этом запросе Особая комиссия просила ответить на ряд, казалось бы, простых вопросов, которые, тем не менее, у собравшихся вызвали чувство замешательства. Недоумение было порождено уже самой формулировкой первого вопроса, — «Какие правительственные архивы существуют в подведомственном Обществу районе?» Во-вторых, нужно было обстоятельно рассказать о том, имели ли эти архивы особые, специально оборудованные помещения или же находились вместе с текущим делопроизводством. В-третьих, требовалось дать скрупулезную характеристику размерам и состоянию архивных помещений его (т. е. — Общества) района, чтобы по этим сведениям можно было судить о степени их пригодности или не пригодности для хранения архивных документов. Попутно не мешало сообщить о тех мерах, которые следовало предпринять для приведения, в данном случае, негодных помещений в более или менее сносный вид. И, наконец, Особую комиссию интересовали сведения о частных архивах и собраниях исторических документов, а также общие пожелания казанских ученых по проблеме охраны и благоустройства архивов.

Судя по всему то, что было предпринято Русским историческим обществом не являлось обычным сбором анкетных данных на предмет выяснения положения провинциальных архивов. О том, что они, в большинстве своем, влачили жалкое существование знали все. Скорее всего, вслед за этими вопросами, обращенными к тому или иному научному учреждению или обществу, немедленно последовало бы предложение к нему же (если это не подразумевалось сразу) непосредственно заняться работами по охране и научной разработке архивных собраний. Любопытно только, что ни разу четко не была проговорена финансовая сторона этих, безусловно, дорогостоящих мероприятий сначала по «приведению в известность» и уж тем более сохранению архивных документов. Очевидно, предполагалось, что провинциальные научные общества или учреждения сами изыщут необходимые средства, а Особая комиссия будет оказывать помощь в виде методических рекомендаций и, естественно, моральной поддержки. Поэтому если не оправданным, то вполне объяснимым выглядел отказ Казанского Общества археологии, истории и этнографии от сотрудничества, заявившего сразу, что «... не имеет какого-либо «подведомственного» себе района», не располагает точными сведениями ни об «архивах ближайших местностей» в целом, ни об архивных помещениях и частных архивах

в отдельности. Горестно посетовав, что и собственное то собрание «исторических документов» из-за отсутствия надлежащего помещения, денежных средств до сих пор не разобрано (вследствие чего «исторические документы» оставались невыделенными из общего собрания рукописей), Общество тут же деловито указало на существовавшие тогда в Казани Церковно-археологическое общество Казанской епархии и Военно-историческое общество, которые, по его мнению, могли оказаться полезными Особой комиссии, «в ее работе по приведению в ясность положения местных архивов и находящихся в них исторических материалов»

Очень странно только, что «... существующее преимущественно на добровольные пожертвования, материально малообеспеченное» Общество археологии, истории и этнографии тем не менее с большим успехом занималось археологическими изысканиями, издательской деятельностью, созданием музея и другими работами по исследованию местного края [15, с. 529—535] и иных регионов России, но не находило ни средств, ни возможности для столь же обстоятельных архивных работ. Дело здесь даже не в том, что среди казанских ученых в конце XIX — начале XX вв. было широко распространенным мнение о полной гибели документальных свидетельств функционирования региона в эпоху позднего феодализма и последующих периодов. Главная причина, на наш взгляд, в том, что на тот момент просто не нашлось авторитетной и энергичной личности, столь же заинтересованной в архивном деле, как, скажем, выдающийся русский историк и архивист Н.В. Калачов.

Безусловно, у членов Общества археологии, истории и этнографии было желание сделать все возможное для сохранения архивного наследия Казанской губернии, но носило оно, по существу, если так можно выразиться, платонический характер. Это проявлялось и в том, что Общество, конечно, участвовало в работах по приведению в ясность, сохранению, научной разработке и т. д. тех или иных архивных собраний, но не в качестве организатора или руководителя, а только лишь обычных, необходимых, по инструкции сотрудников от «ученого учреждения».

Итак, подводя итоги, отметим следующее. Дореволюционная Россия являлась одним из немногих крупных европейских государств (вместе с Австро-Венгрией), где не была проведена централизация архивного дела. Это свидетельствовало как о замедленности экономического развития, так и о невысоком уровне административной культуры. Безбрежная ведомственность архивов правительственных учреждений, полнейшая независимость от них архивов

сословных учреждений и организаций, частно-владельческих и акционерных предприятий и банков, учреждений религиозного культа и многочисленных архивов «личного происхождения» при отсутствии законодательства об охране и организации архивов и специального правительственного учреждения по руководству ими — вот та неполная картина «архивного нестроения», которую мы наблюдаем на рубеже XIX—XX вв. в России. Ученые архивные комиссии являли собой попытку привлечения к улучшению архивного дела общественность. Являясь по существу одной из форм провинциальных исторических обществ, комиссии объединяли силы местной интеллигенции для изучения и собирания памятников старины. Однако как архивные учреждения они не выполнили и не могли выполнить стоявшие перед ними задачи, которые были под силу лишь специальному государственному учреждению. В Казанской губернии рубежа XIX—XX вв. деятельность ОАИЭ при университете направлена была на спасение лишь некоторых архивных комплексов (в соответствии с задачами, которые ставились ими в процессе научной или иной деятельности). В этой связи хотелось бы привести слова крупнейшего русского историка и академика С.Ф. Платонова, сказанные им на первом съезде представителей губернских ученых архивных комиссий, прошедшем 6—8 мая 1914 г. по поводу значения местных архивов для исторической науки: «...Материалы, которые хранятся на местах [...] имеют огромное значение, но, за немногими исключениями, материалы эти находятся в обороте очень узкого круга населения или администрации, а чаще совсем не находятся ни в каком обращении» [22, с. 53]. Между тем реалии новейшего времени требовали изучения не только свидетельств «преданий старины далекой», но и документальных материалов недавнего прошлого.

Список литературы:

1. Амирханов Р. Наследие, достойное изучения // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 1999. — № 1/2. — С. 319.
2. Борисов В. Заметка об архивах г. Казани // Древности. Труды археографической комиссии Императорского Московского археологического общества. Т. 2., вып. 1. 1900 г. — С. 150—151.
3. Брожостовская Н.В. Вопросы архивного дела на Археологических съездах в России (1869—1911 гг.) // Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972. — С. 89—105.
4. Известия ОАИЭ. 1878, вып. 1—5. — С. 34—35.
5. Известия ОАИЭ. Т. XXX. вып. 1. — С. 1—20.

6. Известия Общества археологии, истории и этнографии. 1878 г. т. 1, вып. 1—5. — С. 7.
7. Известия Общества Археологии, истории и этнографии. 1878, вып. 1—5. — С. 103.
8. Известия Общества Археологии, истории и этнографии. I. II за 1879 г. 1880 г. — С. 88, 155.
9. Известия Общества Археологии, истории и этнографии. Т. XII, вып. 1. Казань, 1906 г. — С. 1—4.
10. Известия Общества Археологии, истории и этнографии. Т. XII, вып. 4. Казань, 1906 г. — С. 285.
11. Известия Общества Археологии, истории и этнографии. Т. XIV, вып. 5, Казань, 1898 г. — С. 590—592.
12. Известия Общества Археологии, истории и этнографии. Т. XVII, вып. 1—4, 1900 г. — С. 81.
13. Известия Общества Археологии, истории и этнографии. Т. XVIII, вып. 4—6, Казань, 1908 г.
14. Известия Общества Археологии, истории и этнографии. 1878. вып. 1—5. — С. 45.
15. Ильинский Л.К. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Краеведение. — Т. 6. — № 9. — 1929. — С. 529—535.
16. Маяковский И.Л. Исторический очерк архивного дела в России. М., 1918. — С. 12—15.
17. Отчет о деятельности ОАИЭ при Казанском университете. 4-й год существования (1881—1882 гг.), 1882. — С. 9—10.
18. Отчет о деятельности ОАИЭ при Казанском университете. 1879. I, II. 1880. — С. 45.
19. Протоколы общих собраний и отчет ОАИЭ за 1912 г. — С. 10.
20. Протоколы общих собраний и заседаний Совета ОАИЭ при Казанском университете за 1914. — С. 22.
21. Рождественский С. Историк-археолог-архивист // Архивное дело. вып. 1. 1923 г. — С. 1—2, 6.
22. Степанский А.Д. Из истории архивной общественности // Вестник архивиста. М., — 1998. — № 3 (45). — С. 53.
23. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: «Наука», 1984. — С. 155.
24. Хабибуллин А.А. Изучение истории народов Среднего Поволжья и Приуралья в Обществе АИЭ при Казанском университете (1878—1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1979. — с. 180.
25. Шобухов М.Н. Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России. М., 1955. — С. 13.

26. Шпилевский С.М. О задачах деятельности Казанского общества АИЭ. Казань, 1883. — С. 2, 24.
27. Шпилевский С.М. О задачах деятельности Казанского общества АИЭ. Казань, 1884. — С. 23.
28. Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. — С. 585.

4.4. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ИДЕОЛОГИЯ ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Назаров Владилен Викторович

*канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и права
Балашовского института (филиала) Саратовского государственного
университета имени Н.Г. Чернышевского,*

РФ, г. Балашов

E-mail: nvv1975RSB@mail.ru

THE IDEOLOGY OF THE SOCIALIST REVOLUTIONARY PARTY IN SOVIET HISTORIOGRAPHY

Nazarov Vladilen Viktorovich

Ph. D. in History, Head of the Department of Economics and Law,

Balashov Institute

(Branch) of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky,

Russia, Balashov

АННОТАЦИЯ

В статье дается анализ научных исследований советских историков, в которых нашли отражение проблемы возникновения и развития идеологии партии социалистов-революционеров. Несмотря на наличие жестких методологических рамок, историки 70—80 гг. XX в. внесли определенный вклад в изучение идеологии неонародничества и ее роли в политическом процессе России в конце XIX — начале XX вв.

ABSTRACT

The paper analyzes the research of Soviet historians, which reflects the problem of the origin and development of the ideology of the Socialist Revolutionary Party. Despite the presence of rigid methodological framework,

historians 70—80. XX century. made some contribution to the study of the ideology of the Socialist Revolutionary Party and its role in the political process in Russia late XIX — early XX centuries.

Ключевые слова: историография; идеология; эсеры; политические партии; неонародничество.

Keywords: historiography; ideology; socialist revolutionaries; political parties; neo-populism.

В историографии идеологии партии социалистов-революционеров (ПСР, эсеров) можно условно выделить три периода. Первый период — дореволюционный (1901—1917 гг.) Второй период — советский (1918—1991 гг.). Третий период — современный (с 1991 г. по настоящее время). Российскими исследователями А.А. Кононенко, Г.П. Камневой, А.Ю. Сусловым, А.В. Сыченковой, А.А. Бакаевым [1, 11, 10, 21, 22] был предпринят глубокий анализ историографии партии социалистов-революционеров. Отдельные исследования историки посвятили левым и правым эсерам. Однако в их работах историография идеологии ПСР не была предметом специального научного исследования. В статье анализируются работы отечественных историков, опубликованные в советский период, в которых нашли отражение проблемы происхождения и развития идеологии эсеров. Рамки статьи позволяют рассмотреть лишь наиболее значительные, на наш взгляд, исследования.

В марксистской историографии преобладала критическая оценка идеологии неонародничества. В работах лидера большевиков В.И. Ленина доказывалась неизбежность капиталистического этапа в развитии России, указывалось, что капитализм прочно утвердился в промышленности и в сельском хозяйстве. Поэтому рассуждения В.М. Чернова о различных типах капиталистической эволюции он расценивал как «образец мещанской апологетики» [13, с. 213]. В.И. Ленин утверждал, что в промышленности и сельском хозяйстве России наблюдаются схожие экономические тенденции — капитализация и пролетаризация. Процесс вытеснения мелкого крестьянского хозяйства крупным неизбежен, а нежелание крестьянства утрачивать хозяйственную самостоятельность лидер большевиков считал реакционным. Он оценивал эсеровскую программу как антинаучную мелкобуржуазную утопию. Схожих взглядов придерживались и другие марксисты. Ю.О. Мартов, П.Б. Аксельрод видели в программе эсеров только «опасное обывательское заблуждение», а саму партию считали исключительно интеллигентской и «несоциалистической» [14, с. 8].

Ленинские взгляды на идеологию неонародничества определили методологические подходы к изучению проблемы в советской историографии. В работах советских исследователей 20—30-х гг. А.В. Луначарского, В.Н. Мещерякова, С.П. Черномордика давалась оценка эсеров как «предателей народных интересов», контрреволюционеров [15, 16, 26]. Исследования Е.А. Мороховца и Ю. Стеклова носят более объективный характер. Хотя социалистическая доктрина неонародничества оценивалась ими как антинаучная, все же признавалось ее общедемократическое содержание. В 30—40-е гг., под влиянием сталинского «Краткого курса истории ВКП (б)», оценки неонародничества становятся все более негативными. Исследователи этого периода крайне редко обращаются к истории непролетарских партий.

В конце 50-х гг. XX в. снимается ряд ограничений в использовании архивных источников, что способствовало появлению публикаций по истории российских политических партий, в том числе и неонародничества. В научный оборот были вовлечены новые документы, расширился круг исследуемых проблем, повысилась аргументированность суждений и выводов. Вместе с тем во многих научных работах этого этапа историографии неонародничества прослеживается недооценка, принижение роли непролетарских партий в политической жизни страны. К числу наиболее значительных работ данного этапа можно отнести труды К.В. Гусева, Е.М. Лаврова, Н.К. Фигуровской, В.Г. Хороса, В.Н. Гинева, Б.В. Леванова, Г.Д. Алексеевой, Л.М. Спирина, С.В. Тютюкина, В.В. Широковой.

В монографии К.В. Гусева «Крах партии левых эсеров», ставшей одним из первых в советской историографии обобщающих трудов по истории ПСР, она рассматривалась как партия революционно-демократического направления, временный союзник большевиков. В оценке идеологии и социальной природы эсеров автор применил классовый подход [6]. В исследовании К.В. Гусева и Х.А. Ерицяна «От соглашательства к контрреволюции (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров)» были заложены основные методологические подходы к изучению истории ПСР, ее идеологии, связанного с ней революционного терроризма [8].

В 60-е гг. появляются исследования, посвященные анализу теоретических основ эсеровской доктрины. В многотомной «Истории русской экономической мысли» в главе, написанной Е.М. Лавровым и Н.К. Фигуровской, наряду с анализом экономических теорий лидеров эсеров рассматриваются философские проблемы. Философская концепция неонародничества характеризуется авторами как эклекти-

ческая, в которой сочетаются субъективно-идеалистический подход и элементы материализма [9].

Свежий взгляд на проблемы идеологии неонародничества представлен в работах В.Г. Хороса. Автор, подробно анализируя дискуссии между марксистами и народниками, в монографии «Неонародническая идеология и марксизм» пришел к выводу о том, что оба эти течения не являлись противоположностями, а представляли два фланга одного революционно-демократического лагеря. В другой работе «Идейные течения народнического типа в развивающихся странах» В.Г. Хорос утверждал, что неонародническая идеология ставит ряд общемировых вопросов: необходимость минимизации последствий первоначального накопления для населения развивающихся стран, использования в процессе кооперирования крестьянства традиционных общинных форм, приоритет некапиталистической индустриализации [25]. Автор справедливо отмечает, что научная значимость многих положений идеологов неонародничества подтверждается мировым историческим опытом [23, с. 128].

Идея использования исторического опыта партии социалистов-революционеров в политической жизни современного общества нашла отражение в докторской диссертации В.Г. Хороса «Идейные течения народнического типа в развивающихся странах. История и типология». Предложив в качестве перевода понятия «народничество» термин «популизм», автор не вполне точно обозначил популистскую политику ведущим принципом партий неонароднического типа. Терроризм рассматривался как одно из неизбежных проявлений неонароднического популизма [24].

В 70—80-е гг. историки неонародничества все чаще обращаются к исследованию идейно-теоретических основ партийных программ. В этой связи хотелось бы особо отметить монографии В.Н. Гинева «Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г.», «Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества 1902—1914 гг.» [4, 5]. В.Н. Гинев предлагал при изучении истории ПСР руководствоваться ленинским указанием «выделять из неонароднической псевдосоциалистической шелухи реальное, здоровое демократическое зерно, отделять "плевелы от пшеницы"» [4]. Заслуга историка в том, что он выступает против упрощенной интерпретации теоретических основ неонародничества. Тем не менее, эсеровскую модель социализма В.Н. Гинев определяет как разновидность «мелкобуржуазного кооперативного социализма».

Б.В. Леванов придерживался ортодоксальных позиций советской историографии в оценке индивидуального террора. Но его мнению,

терроризм вытеснил собой всю остальную деятельность ПСР. Увлечение террористическими методами создало почву для провокации. Разоблачение Е.Ф. Азефа, согласно утверждению Б.В. Леванова, окончательно подорвало доверие к террористической тактике, устранив героический ореол вокруг деятельности террористов, сохранявшийся со времен «Народной воли» в представлениях значительной части революционно настроенного общества [12].

В работах Л.М. Спирина [19, 20] был предпринят глубокий анализ социального состава, численности, идеологии, тактики партий, принимавших наиболее активное участие в политической жизни России в начале XX века. Значительное место занимает исследование неонароднических партий.

В 1984 г. вышла коллективная монография «Непролетарские партии России. Урок истории». В качестве заслуги авторов следует указать на анализ взаимоотношений политических партий на различных этапах их развития. Довольно подробно проанализирована деятельность местных партийных организаций, начиная с момента их создания и до ухода с политической сцены. Показана межпартийная борьба в ходе выборов в Учредительное собрание [18]. В 1989 г. вышел сборник «Непролетарские партии России в трех революциях». Его авторы проследили развитие политических партий на протяжении достаточно продолжительного периода, эволюцию взглядов на государственную власть, тактику и стратегию выборов в Учредительное собрание [17].

Одновременно в отечественной исторической науке в конце 80 — начале 90-х гг. XX в. наметились и другие тенденции. Среди некоторых руководителей советского государства возникло опасение, что при ослаблении партийного руководства и либерализации политической системы на первый план в общественной жизни выступят возрождающиеся мелкобуржуазные партии, близкие по идеологии эсерам. Социализм по эсеровскому образцу, который, по их мнению, вытеснял советскую систему, был уже не социализмом, а предпосылкой реставрации буржуазного общества.

Проблема идейной эволюции неонародничества на рубеже XIX—XX вв. нашла отражение в трудах Г.Д. Алексеевой. Автор, обращаясь к истории партии эсеров, критиковала современные ей тенденции политического развития страны, оценивая их, как возрождение неонародничества. Историк придерживалась ортодоксальных марксистских позиций. Анализируя философско-теоретические основы неонародничества, исследователь считала их идеалистическими, непоследовательными и эклектичными [2, с. 88].

В целом же, по мнению Г.Д. Алексеевой, эсеровская концепция социализма была разработана крайне слабо [1, с. 48].

Таким образом, отечественные историки советского периода сумели поставить целый ряд новых проблем и значительно дополнить сложившиеся представления об идеологии Партии социалистов-революционеров. К числу вопросов, получивших наиболее широкое освещение в советской исторической литературе, относятся генезис ПСР, ее социальная база, численность, партийная программа, отношение к государственному строю, стратегия и тактика. Несмотря на наличие жестких методологических рамок, историки 70—80 гг. внесли определенный вклад в изучение идеологии неонародничества и ее роли в политическом процессе России в конце XIX — начале XX вв.

Список литературы:

1. Алексеева Г.Д. Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М., 1989. — 317 с.
2. Алексеева Г.Д. Народничество в России в XX в. Идеиная эволюция. М., 1990. — 245 с.
3. Бакаев А.А. Историография российского революционного терроризма конца XIX — начала XX века: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 2005. — 41 с.
4. Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г.: К истории банкротства неонародничества. Л.: Наука, 1977. — 296 с.
5. Гинев В.Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. 1902—1914 гг. Л.: Наука, 1983. — 335 с.
6. Гусев К.В. Крах партии левых эсеров. М.: Соцэкгиз, 1963. — 259 с.
7. Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. Исторический очерк. М., 1975. — 383 с.
8. Гусев К.В., Ерицын Х.А. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968. — 447 с.
9. История русской экономической мысли. М., — 1966. — Т. III. — Ч. 1. — 477 с.
10. Камнева Г.П. Отечественная историография истории возникновения партии социалистов-революционеров (вторая половина XX века): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1998. — 18 с.
11. Кононенко А.А. Историография создания и деятельности партии социалистов-революционеров в 1901-1922 гг.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Тюмень, 2005. — 43 с.

12. Леванов Б.В. Из истории борьбы большевистской партии против эсеров. 1903—1917 гг. Л., 1978. — 167 с.
13. Ленин В.И. ПСС. Т.5. — 507 с.
14. Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. — 512 с.
15. Луначарский А.В. Бывшие люди: очерк истории партии эсеров. М., 1922. — 81 с.
16. Мещеряков В.И. Партия социалистов-революционеров. М., 1922. — 120 с.
17. Непролетарские партии России в трех революциях: Сб. ст. М., 1969. — 566 с.
18. Непролетарские партии России: Урок истории. М.: Мысль. 1984. — 556 с.
19. Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920). М., 1968. — 438 с.
20. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977. — 366 с.
21. Суслов А.Ю. Партия правых социалистов-революционеров в Советской России (октябрь 1917 г. — 1930-е гг.): источники и историография: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2000. — 19 с.
22. Сыченкова А.В. Отечественная историография партии левых социалистов-революционеров: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003. — 18 с.
23. Хорос В.Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. — 286 с.
24. Хорос В.Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. История и типология: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1980. — 41 с.
25. Хорос В.Г. Неонародническая идеология и марксизм. М., 1972. — 177 с.
26. Черномордик С.П. Эсеры. Харьков, 1930. — 61 с.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Сборник статей по материалам
XXXII международной научно-практической конференции

№ 12 (32)
Декабрь 2013 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 30.12.13. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3